63.3 кр
Б 908 866901

Ю.С. БУЛЫГИН

ПЕРЬЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

106998

Ю.С. БУЛЫГИН

ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ 1974

Булыгин Ю. С.

Б 90 Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, Алт. кн. изд. 1974.

144 с.

В книге изложена история вхождения Алтая в состав Российского государства, заселения и освоения верхнего Приобья первыми русскими крестьянами в XVIII веке. Большое внимание уделено основанию сел и деревень, хозяйству русских приписных крестьян, их эксплуатации царской заводской администрацией. Автор называет много фамилий крестьян-первопоселенцев, потомки которых и ныне живут в крае.

В приложении к книге дается хронология возникновения населенных пунктов на Алтае с указанием источников.

Книга рассчитана на историков, краеведов, студентов исторических факультетов, учащихся старших классов, всех, кто интересуется историей Алтая.

Б $\frac{0164—022}{М138\ (03) — 74}$ 1 — 74 9 (С 18)

© Алтайское книжное издательство, 1974

ВВЕДЕНИЕ

Подлинное исследование истории Сибири, т. е. исследование с позиций марксизма-ленинизма, стало возможным лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания гражданской войны. Изменилось само содержание истории. Оно резко расширилось в тематическом и хронологическом отношениях. Предметом исследований стала история народных масс Сибири, вопросы социально-экономического, политического и культурного развития этого края.

За последние годы особенно активизировалось изучение истории сибирского крестьянства, его участия в колонизации Сибири, ее освоении, в развитии местного земледелия. Возросло число работ, посвященных приписным крестьянам Алтайского горного округа. Причем характерно, что приписное крестьянство стали изучать не только как рабочую силу при алтайских горных заводах, но и как сельскохозяйственных производителей.

Вместе с тем, в истории сибирского приписного крестьянства есть еще много неисследованных проблем. Наиболее слабо изученным остается процесс заселения территории горного округа, а без этого трудно исследовать экономические и социальные проблемы истории приписной деревни.

Не ставя перед собой задачи решения всей проблемы в целом, автор исследовал процесс заселения русским крестьянством южной части горного округа — территории верхнего Приобья. Большую часть исследуемой территории занимает ныне Алтайский край, кроме него на севере — небольшая часть юга Новосибирской области, а на юге — часть Восточно-Казахстанской области.

Верхнее Приобье составляло непосредственную окрестность алтайских горных заводов, и влияние горного производства на крестьянскую колонизацию сказывалось

здесь особенно сильно. История заселения данного района интересна тем, что ее изучение позволяет выявить соотношение правительственной и самодеятельной крестьянской колонизаций, определить роль крестьянства в освоении новых земель. Своеобразие заселения и хозяйственного развития южной части горного округа не раз отмечалось дореволюционными и советскими исследователями, однако достаточно основательному исследованию этот вопрос до сих пор не подвергался.

В какой-то степени выбор данной территории для изучения процесса крестьянской колонизации Сибири определялся особым интересом автора к истории Алтайского края, его желанием ответить землякам на ряд интересующих их краеведческих вопросов.

Хронологическая работа ограничена в основном XVIII веком, в течение которого верхнее Приобье было присоединено к России, начался и интенсивно протекал процесс заселения этой территории русским крестьянством. К концу XVIII века колонизационный процесс ослабевает, приток крестьянства почти прекращается.

В предлагаемой читателю книге кратко излагается история присоединения к России территории верхнего Приобья, прослеживается процесс ее заселения русскими крестьянами, устанавливается количественная сторона колонизации, хронология возникновения населенных пунктов, дается краткий анализ экономических результатов крестьянской колонизации.

В качестве приложения дана хронология возникновения населенных пунктов на территории верхнего Приобья. При ее разработке были пересмотрены данные «Списка населенных мест Сибирского края», изданного в Новосибирске в 1928 году по результатам переписи 1926 года. Многие даты возникновения сел и деревень, указанные в этом списке, неправильные, а некоторые совершенно фантастичные. Поскольку эти данные нередко используются краеведами, разработка научной хронологии позволит устранить ошибки в датировке возникновения населенных пунктов края.

Ограниченные размеры книги, естественно, не позволили автору использовать в ней весь документальный материал, найденный в архивах Москвы и Барнаула. Тем не менее автор надеется, что и в таком виде его работа вызовет определенный интерес читателей.

ГЛАВА I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ К РОССИИ

Знакомство русских с Сибирью, с землями, лежащими за Уральскими горами, или, как говорили в старину, «за Камнем», уходит в далекое прошлое. Однако интенсивное освоение русским народом этого обширного края началось лишь с последних десятилетий XVI в. Падение Сибирского ханства открыло широкую дорогу для колонизации земель за Уралом. Уже в 1648 году русский мореплаватель Семен Дежнев обогнул Чукотку и вышел в воды Тихого океана. Огромная территория Сибири и Дальнего Востока в большинстве своем вошла в состав России в короткий срок, в течение одного XVII в.

В отличие от этого освоение русскими юга Сибири, встретив упорное сопротивление кочевников, замедлилось, и поэтому южная часть Сибири, включая и верхнее Приобье, была присоединена к Русскому государству значительно позднее.

Основным препятствием в деле присоединения верхнего Приобья было сопротивление джунгарской феодальной знати. На протяжении полутора веков (с начала XVII в.) джунгарские феодалы стремились всячески помешать усилению русского влияния в бассейне верхней Оби, сохранить за собой возможность беспрепятственно собирать алман (дань) с местных алтайских племен.

Джунгарское государство не создало на Алтае прочного административного аппарата и держало местное население в подчинении через алтайскую знать и наезжих чиновников. Взимание алмана с алтайских племен происходило во время непериодических наездов, которые были по сути дела грабительскими военными набегами.

На стороне джунгарских феодалов в большинстве слу-

чаев выступала знать телеутов. Князцы этого крупного объединения алтайских племен взимали алман не только в пользу джунгарского контайши, но и для себя[1]. При сборе алмана телеутские князцы были подчас не менее жестокими, чем джунгарские феодалы. Поэтому для алтайцев они были такими же угнетателями, что и джунгары. Рядовые телеуты в большинстве своем не сочувствовали проджунгарской ориентации своей знати и не хотели вражды с русскими, особенно с крестьянством.

Иногда и сама телеутская знать, целиком или отдельные ее представители, добровольно признавала себя подданной России. В целом, однако, «Телеутская землица» (так называли русские территорию, на которой кочевали телеуты) на протяжении длительного времени была своеобразным буфером между западно-сибирскими владениями России и Джунгарией.

Опорными пунктами для распространения влияния России на территорию верхнего Приобья были в XVII в. Томский и Кузнецкий остроги. Первый был основан в 1604, второй — в 1618 году.

Из Томска русские впервые установили связь с телеутами. В 1609 году телеутский князец Абак согласился принять российское подданство при условии, если им разрешат кочевать вблизи Томска, защитят от возможных нападений с юга и освободят от уплаты ясака[2]. Однако под влиянием калмыцких тайшей[3] и кучумовичей телеутская знать вскоре разрывает союз с Россией.

В 1617 году Абак вместе с ойратами совершил набег на Томский уезд[4]. В 1624 году в обстановке обострившихся русско-ойратских отношений телеуты неожиданно появились под Томском, перебили застигнутых в поле русских крестьян, угнали лошадей. В 1630 году Абак вместе с чатским мурзой Тарлавом предпринял новый набег на Томский уезд[5]. В ответ на это из Томска был послан про-

---

[1] Контайша — титул хана Джунгарии. Здесь и в последующем дается в варианте русских источников. Правильное написание этого монгольского титула «хунтайджи».

[2] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М., 1937, стр. 317.

[3] Тайша — титул джунгарского феодала в варианте русских источников. Правильное написание — «тайджи». Калмыки — так русские называли джунгар, ойратов.

[4] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М., 1937, стр. 238—239.

[5] Чатские «татары», или чаты, жили по р. Оби близ нынешнего г. Новосибирска.

тив кочевников отряд Якова Тухачевского. Весной 1631 года этот отряд разбил калмыков, кучумовичей и телеутов близ Чингисского городка, поставленного в верхнем Приобье мурзой Тарлавом[1].

Русская сибирская администрация хорошо понимала, что закрепиться в бассейне верхней Оби нельзя без создания на этой территории военных опорных пунктов. Наибольшее внимание привлекало место у слияния рек Бии и Катуни. Первая попытка основать такую крепость была предпринята в 1633 году. 20 июня этого года, выполняя указание из Москвы, томский воевода И. Ф. Татев послал вверх по Оби отряд служилых людей и казаков в 60 человек под командованием Федора Пущина, которому было приказано поставить острог на Бии. Этот поход закончился неудачно. 3 сентября 1633 года отряд Ф. Пущина был задержан превосходящими силами кочевников (джунгар и телеутского князца Коки Абакова) несколько выше впадения в Обь реки Чумыш. Малочисленный русский отряд пять дней пытался пробиться, но вынужден был повернуть обратно[2].

В том же 1633 году отряд казаков из Кузнецка под командой Петра Сабанского добрался до Бии и по ней поднялся до Телецкого озера, где обложил ясаком телесского князца Мандрака. Однако и этому отряду опорного пункта построить не удалось[3]. Подчинение телесов оказалось непрочным. Зимой 1642 года Петр Сабанский вновь был послан к Телецкому озеру, а в 1646 году после отказа князца телесов Айдара платить ясак против него ходил сын томского воеводы Борис Зубов[4].

В 1652 году при усиленном поощрении со стороны Джунгарии и с ее помощью Кока Абаков вторгся в Кузнецкий уезд и в принудительном порядке стал собирать дань с местных жителей, плативших ясак русскому царю. Кроме того, он посоветовал телесскому князцу Айдару не платить ясак русским, что тот и сделал[5]. Набеги кочевников вызвали ответные действия русской админи-

---

[1] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II. М., 1941, стр. 583.
[2] Там же, стр. 395—397.
[3] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, М., 1953, стр. 170.
[4] Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuch eines Reisenden von dr. W. Radloff W. I. Band. Leipzig. 1884, s. 175.
[5] Там же, стр. 176.

страции. В 1653 году кузнецкий воевода послал служилых людей по рекам Бии и Катуни[1].

В 1655 году у Коки Абакова возник конфликт с джунгарскими тайшами, и он вынужден был откочевать с улусом на правый берег Оби. Русская администрация решила воспользоваться этим, чтобы подчинить беспокойного телеутского князца. Томский воевода предложил Коке военную помощь. Но тот не только отказался от помощи, но организовал ряд набегов на земли Томского и Кузнецкого уездов. Боясь ответных действий, Кока вернулся за Обь[2]. В 1655 году, потерпев поражение в битве с джунгарами, Кока вернулся на правобережье и вместе с телеутским князцом Маджаком принял российское подданство[3]. Через некоторое время, помирившись с джунгарами, телеутская знать снова увела своих сплеменников за Обь.

Все эти перекочевки и частая смена подданства оказывали влияние на рядовых телеутов. Когда в 1656 году Кока вернулся на левый берег Оби, часть телеутов не последовала за ним и переселилась ближе к Кузнецку на реки Ускат и Иню.

В ряде случаев русская администрация проводила насильственное объясачивание алтайских волостей, но большей частью приходилось преодолевать не сопротивление алтайцев, а стремление джунгарских феодалов сохранить алтайские племена в качестве своих данников. В одном из документов, относящемся к первой четверти XVIII века, указывается, что в 1662 году томские воеводы собирали ясак с 13 алтайских волостей: Мергет, Булак, Мандус, Бельтемир, Бельтер, Циоль, Хара-Тумат, Келегей, Кипчак, Тодош, Терну, Ортогой, Тайгиош. Правительство Джунгарии жаловалось, что местные русские власти пресекли сбор алмана с этих волостей[4]. В 1655 году джунгарский контайша Сэнгэ потребовал вернуть ему оставшихся в Кузнецком уезде телеутов, но получил отказ[5].

---

[1] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, Сибирский приказ, стр. 446, ч. I, лл. 197—235.

[2] Radloff W. Aus Sibirien... s. 179.

[3] Там же, s. 176.

[4] ЦГАДА, ф. 130, Сибирские дела. Оп. 1, д. 4, л. 1.

[5] Там же, лл 1—3, а также см. Н. Я. Бичурин. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 64.

Жившие на левобережье Оби телеуты и в последние десятилетия XVII века оставались под главенством Джунгарии. Их князьки продолжали попытки проникновения в Кузнецкий уезд. Однако это встречало сопротивление не только русской администрации, но и местного населения. Так, в 1673 году в ответ на убийство нескольких жителей Кергасальской волости кергасальцы и подчинившиеся России телеуты догнали совершивший нападение отряд телеутского князца и джунгар на реке Бии, двух человек убили, восьмерых ранили. В походах русских казаков на телеутского князца Табунку Кокина принимал участие телеутский князец Балык Кажанов, бывший в подданстве России[1].

Телеутские кочевья, оставшиеся под властью Джунгарии, были ареной постоянных военных столкновений, от которых страдали рядовые телеуты. Становились ли они объектом нападения или шли со своими князцами в грабительские походы, они терпели урон. Награбленное, собранный алман доставался знати, а не рядовым телеутам. Поэтому последние пользовались каждым случаем, чтобы откочевать от своих князцов к рубежам России. Так случилось, в частности, в 1676 году, когда Табунка Кокин ввязался в войну с казахами. Воспользовавшись отсутствием князя, многие телеуты его улуса перекочевали на правый берег Оби, ближе к Кузнецку[2].

В течение XVII века сфера русского влияния в верхнем Приобье значительно расширилась. В 1698 году в Кузнецком уезде насчитывалось 37 волостей и улусов[3]. В Горном Алтае ясак платили челканцы, кумандинцы, телесы. В состав Кузнецкого уезда входили земли по верхнему Чумышу. Однако вся территория края считалась еще зарубежной. На чертеже С. У. Ремезова межа с Телеутской землей обозначена по реке Бердь. Некоторые телеуты кочевали даже севернее: между Бердью и Иней. Выше Берди, до рек Касмалы и Барнаулки, кочевал Табунка Кокин со своим улусом. По рекам Алею и Чарышу на карте С. У. Ремезова, датированной 1701 годом, показаны белые калмыки князца Шадая, то есть тоже те-

---

[1] Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956, стр. 9.

[2] Дополнения к Актам историческим.., т. 7. СПб., 1859, стр. 340.

[3] ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1354, л. 281.

леуты[1]. Влияние джунгар в верхнем Приобье было еще преобладающим. Время от времени даже в начале XVIII века ойратские феодалы добирались за алманом до Барабы. Действительное присоединение верхнего Приобья к России произошло лишь в XVIII веке.

Завершение экономического объединения страны, начало мануфактурного производства создали объективные возможности для преодоления относительной отсталости России, обеспечили успех реформ Петра I. В интересах значительной части дворянства и нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии были проведены преобразования государственного аппарата, поощрялось развитие промышленности и торговли. В интересах дворянства и купечества правительство Петра I проводило активную внешнюю политику, направленную на расширение земельных владений, завоевание выходов к открытым морям, обеспечение безопасной торговли со странами Востока и Запада. Основным направлением внешней политики царизма того времени была борьба за Прибалтику и берега Черного моря. Однако одновременно, хотя и в значительно меньшей степени, активизируется политика царизма на Востоке. Объектом усиленной колонизации становится Южная Сибирь, в том числе и верхнее Приобье.

Продвижение в этом направлении обеспечивало значительное расширение территориальных владений России, облегчало торговые связи с Китаем и Индией, давало России богатые месторождения металлов, в первую очередь меди и серебра. Обнаружение полиметаллических руд на территории верхнего Приобья вызвало особую заинтересованность царизма в присоединении этого края. Однако благоприятные условия для этого сложились не сразу.

В начале XVIII века царизму было не до Сибири. Война со Швецией началась неудачно. Ее продолжение требовало колоссальных затрат. Поэтому сибирская администрация располагала весьма ограниченными средствами для внешнеполитических акций, недостаточным количеством войск и вооружения.

В борьбе за верхнее Приобье первостепенное значение имели реальные силы Кузнецкой крепости. В 1693 году

---

[1] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882, лл. 13—14.

в ней было всего 7 медных и 2 железных пищали. Этим ограничивалась вся артиллерия крепости. Ручного огнестрельного оружия не хватало и на половину ее небольшого гарнизона[1]. В 1698 году в кузнецком гарнизоне насчитывалось: детей боярских — 26, конных казаков — 89, пеших казаков — 130, служилых татар — 19, пушкарей — 4 и т. д., всего военных 289 человек[2]. В 1703 году число кузнецких конных казаков было определено в 100 человек[3]. Такого гарнизона для крепости, постоянно подвергавшейся набегам кочевников, было явно недостаточно.

В 1700 году кыргызы и калмыки напали на Кузнецк, сожгли подгородный Рождественский монастырь, 20 дворов в подгородной слободе, уничтожили много хлеба и скота. Всего погибло русских и ясачных, то есть коренных жителей уезда, 41 человек, 102 человека были захвачены в плен[4]. В 1701 году кузнецкие пашенные крестьяне вынуждены были просить у правительства поддержки продовольствием и деньгами на приобретение лошадей: не на чем было пахать пашню[5].

Русские вынуждены были жить в постоянной напряженности: высылать дозоры в окрестности Кузнецкого уезда, следить за каждым продвижением кочевников, укреплять не только Кузнецкий острог, но и тылы. В 1703 году значительно ниже по Томи был укреплен Сосновский острог[6]. Тогда же на Оби был построен Умревинский острог. Отряды русских казаков совершали походы с целью закрепления за Россией объясаченных территорий и в ответ на набеги кочевников. С каждым годом росло влияние русских на местное население. В ответ на это власти Джунгарии собственными силами, а чаще силами вассальных телеутских и кыргызских князцов, организовывали один набег за другим на российские владения, проводили карательные экспедиции против населения, все еще платившего им алман. В 1703 году контайша решил вывести кыргызов и их кыштымов (данников) с верховий Томи и Томь-Енисейского междуречья в Джунгарию.

---

[1] ЦГАДА, ф. 214. Сибирский приказ, кн. 1354, л. 278.
[2] Там же, л. 279.
[3] Там же, ст. 1400, л. 115.
[4] Там же, ф. 199, Портфели Миллера, о. 2, № 481, ч. 4, д. 1, л. 157.
[5] Там же, ф. 214, Сибирский приказ, ст. 1400, лл. 167—168.
[6] Там же, л. 249.

Однако поголовный вывод не удался, а позднее вернулись и многие из выведенных[1].

В 1704 году до Кузнецка дошли известия о подготовке нового нападения кочевников[2]. В этой обстановке еще острее, чем прежде, становится необходимость в опорном пункте на реке Бии. 15 марта 1708 года кузнецкому воеводе Михаилу Овцыну было приказано на реках Бии и Катуни «в пристойном месте для сбору ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостями»[3].

Задача, поставленная перед кузнецким гарнизоном, была трудной. Джунгарские феодалы хорошо понимали, что новая крепость позволит русским расширить свое влияние на территории верхнего Приобья. Уже в 1708 году несколько ойратских зайсанов (Бойдо, Табаза и др.) поехали к контайше с предложением напасть на Кузнецк, и «контайша вышеписанным князцам Кузнецкой воевать приказал»[4]. 21 августа 1709 года ойратские зайсаны с отрядом в 1000 человек подошли к Кузнецку, сожгли несколько деревень, хлеб и сено около них, несколько человек убили, захватили пленных. 23 августа 1709 года в трех верстах от Кузнецка произошел бой, окончившийся победой русских. В бою погибли три князца, 40 рядовых, многие погибли в лесу, «а достальные калмыки разбежались к реке Оби разными дорогами»[5].

Кузнецкий воевода доносил, что обороняться пришлось с малым числом людей, так как в том же 1709 году «на усть Бие и Катуни реки острог поставлен и в том остроге оставлено для оберегательства от приходу воинских людей 100 человек»[6].

Сохранить новую крепость не удалось. В 1710 году джунгары вновь обрушились на Кузнецкий уезд. Самым тяжелым последствием набега кочевников было уничтожение Бикатунской крепости. Она была захвачена и сожжена. В том же 1710 году телеутский князец Байгорок Табунков напал на ясачные волости Кузнецкого уезда. Был разорен также улус одного из местных жителей — Чеоктона. Самого Чеоктона за то, что известил русских о

---

1 ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, ст. 1400, лл. 107—109.
2 Там же, ф. 1134, о. 1, д. 1, л. 3.
3 Там же, ф. 214, Сибирский приказ, о. 5, д. 1962, лл. 4—5.
4 Там же, л. 6.
5 Там же.
6 Там же.

набеге кочевников, Баïгорок «поïмав, у живого глаза вынял и ремни из спины резал и повесил ево на дереве»[1].

После этого случая набеги кочевников следовали один за другим. Разорялись русские деревни, терроризировалось ясачное население Кузнецкого уезда. Многие алтайцы, шорцы, абинцы силой выводились за Обь с семьями и имуществом[2]. Хозяйственная жизнь уезда была парализована. Поступление ясака резко сократилось. Жители многих деревень укрылись в крепости, вынуждены были забросить пашни. В августе 1715 года кузнецкий комендант В. Синявин писал в Томск и Москву, что «служилым людям от набегов черных и белых калмыков с прошлого 1714 и сего 1715 года пашен пахать и хлебы жать, но с калмыцкой стороны за рекою Томи опасны, дабы незапного нападения на полях разорения они не учинили», что «из-за прежних разорений хлебных запасов нет»[3].

Б. Синявин в 1715 году предложил организовать большой поход на ойратов и телеутов, но план этот принят не был. Местные военные силы Сибири были оттянуты на Иртыш. В 1713 году сибирский губернатор М. Гагарин донес Петру I о возможности построить крепости по Иртышу и проникнуть в глубь Центральной Азии до Яркенда — мест добычи золота. В мае 1714 года был получен указ Петра I о направлении по Иртышу крупной военной экспедиции во главе с подполковником И. Д. Бухгольцем[4]. Для участия в экспедиции было набрано 3017 человек. Начавшаяся в июле 1715 года экспедиция И. Д. Бухгольца закончилась неудачно. У Ямышевского озера русские были осаждены в новопостроенной крепости десятитысячным отрядом джунгар во главе с зайсаном Черен-Дондуком. Вырваться удалось только весной 1716 года. Из трех тысяч осталось всего 700 человек. Ямышевская крепость была захвачена джунгарами и сожжена[5].

Единственным результатом похода явилось основание отрядом И. Д. Бухгольца на обратном пути Омской крепости.

---

[1] ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 3, л. 54.
[2] Там же, лл. 31—55.
[3] Там же, лл. 18—20.
[4] Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1, 1713—1724 годы. СПб., 1885, стр. 35—37.
[5] Там же, кн. 2. СПб., 1885, стр. 147 и 171.

Поражение отряда И. Д. Бухгольца на Иртыше немедленно сказалось на обстановке в верхнем Приобье. В 1716 году разведчики из новопостроенного Бердского острога захватили в плен телеута Алмачи Сайтаева, который в этом году вместе с отцом откочевал на правый берег Оби со своего прежнего кочевья у устья реки Барнаулки. Алмачи рассказал о подготовке большого похода на владения России. За Обью, между реками Касмалой и Барнаулкой, сосредоточились большие силы телеутов и 500 джунгар, готовых идти войной на Кузнецк[1]. Нападение состоялось. Сохранились сведения о разорении в 1716 году кочевниками нескольких деревень по Чумышу[2].

Прямым ответом на это явился приказ сибирского губернатора М. Гагарина кузнецкому коменданту В. Синявину от 1 апреля 1717 года о строительстве новой Бикатунской крепости или другого укрепленного пункта в более выгодном месте[3]. Выполнение приказа началось немедленно. В остроги и слободы Кузнецкого уезда был дан указ собирать людей и припасы. 15 июня 1717 года кузнецкий дворянин Иван Максюков получил приказ взять из Кузнецка 150 служилых людей, 10 служилых татар, 20 подгородных белых калмыков (телеутов), 104 мунгатских казаков, оброчных людей, «мерецких деревень жителей, сколько будет принято», 4 больших и 6 малых пушек, пороху и ядер и отправиться с отрядом строить крепость либо у слияния Бии и Катуни, либо в другом месте, богатом хлебопахотными и другими угодьями[4].

Уже через месяц И. Максюков доносил о построении крепости на большом Белом яру. «На том месте, — писал И. Максюков, — построил рубленную деревянную крепость мерою длину и поперек 20 сажен, по углам четыре башни, а под башнями жилых четыре избы, а посреди крепости казенный анбар, где держать пороховые и всякие казны». Вместо Бикатунской крепости была построена на Оби Белоярская крепость близ впадения в Обь реки Черемшанки[5].

Первым приказчиком (комендантом) новой Белоярской крепости стал Степан Серебреников, которому было

---

[1] ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 4, л. 118.
[2] Там же, ф. 248, о. 1, кн. 156, л. 605.
[3] Там же, ф. 1134, о. 1, д. 8, л. 9.
[4] Там же, лл. 9, 13, 32—40.
[5] Там же, лл. 42—45.

приказано беречь новую крепость как опору русского влияния в верхнем Приобье и организовать из нее глубокую разведку в пределы земель телеутов[1].

В 1718 году русским удалось построить новую крепость на реке Бии, не на прежнем месте — у слияния Бии и Катуни, — а несколько выше по Бии, там, где ныне город Бийск[2].

Одновременно велось строительство русских крепостей по Иртышу. В 1718 году отряд подполковника Ступина заложил Семипалатинскую крепость[3]. В том же году были сооружены Долонская крепость и Убинский редут[4].

В 1720 году во время экспедиции майора И. Лихарева в Джунгарию была заложена на Иртыше Усть-Каменогорская крепость[5]. Строительство этой крепости завершило начальный этап сооружения верхиртышской военной линии, защитившей верхнее Приобье от кочевников с запада и юго-запада.

К тому времени положение в верхнем Приобье изменилось. По приказу джунгарского контайши телеуты откочевали на юг. Произошло это примерно в конце 1717 — начале 1718 года. В 1718 году русские разведчики не встречали телеутов даже у устья Чарыша. В 1719 году русский посол в Джунгарию И. Чередов называл реку Кулунду и Кулундинскую степь бывшим кочевьем телеутов[6].

Оставшиеся в российском подданстве или позднее вернувшиеся телеуты оседали главным образом на правобережье или в южной части предгорного левобережья. Большая же часть левобережного Приобья оказалась безлюдной, никому не принадлежавшей территорией. Сюда первоначально только с промысловыми целями начали проникать русские крестьяне. Создались условия для окончательного присоединения этой территории к России. Немалую роль сыграли сведения о месторождениях руд в южной части левобережья.

В 1722 году в Джунгарию был направлен капитан от артиллерии Иван Унковский с заданием добиться твер-

---

1 ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 8, лл. 43—45.
2 Там же, ф. 199, о. 1, № 481, ч. 4, д. 1, л. 155.
3 Исторические известия об Омской области. Рукопись в научной библиотеке Томского университета, витр. 785, л. 29.
4 Там же, лл. 29—30.
5 Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2, СПб., 1885, с. 205.
6 ЦГАДА, ф. 248, о. 4, кн. 156, лл. 106—108.

дого согласия контайши на поиски и разработку руд в верховьях Иртыша, Чарыша и Алея. Хотя и с большим трудом, но такое согласие было получено[1]. Начало горнорудного производства в верхнем Приобье привело к окончательному закреплению за Россией большей части этой территории.

Первооткрывателями рудных месторождений на Алтае были братья Костылевы, уроженцы Коркиной слободы (позже город Ишим). О рудах, найденных Костылевыми по р. Алею, упоминается уже в реестрах 1721 года. В 1725 году Степан Костылев «с товарищи» подали в Екатеринбург донесение о новых находках, в том числе на горе Змеевой[2].

Этими находками воспользовались известные промышленники Демидовы. 19 января 1726 года А. Демидов обратился в берг-коллегию с прошением разрешить ему строить заводы и рудники по рекам Алею и Чарышу, в местах, приисканных, якобы, его людьми. 16 февраля 1726 года такое разрешение было получено[3]. В том же 1726 году группой демидовских людей во главе с приказчиком Дм. Семеновым был сооружен на речке Локтевке первый пробный медеплавильный горн. Присланным по просьбе А. Демидова из Екатеринбурга гиттен-фервальтером[4] Никифором Клеопиным место на Локтевке было признано неудачным. Завод, получивший название Колывано-Воскресенского, начали сооружать на реке Белой, притоке Локтевки[5].

Пограничное положение завода потребовало одновременного сооружения крепости. Первое укрепление было сооружено, очевидно, уже при пробном горне. В феврале 1727 года ойратский зайсан Анбу и другие представители ойратской знати спрашивали посланного к ним сот-

---

[1] Унковский И. Посольство к Зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—24 годы. — Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. X. Вып. 2. СПб., 1887.

[2] Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963, стр. 39.

[3] Там же, стр. 47—48.

[4] Гиттен-фервальтер — горный офицерский чин по табелю о рангах Петра I, относился к 12 рангу и был равен армейскому чину лейтенанта. Позднее этот чин был поднят до 10 класса (в армии — капитан-лейтенант).

[5] Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963, стр. 55.

ника А. Хабарова: «...вверх по реке Чарышу под Камнем построена крепость на их Калмыцкой земле по какому указу и какие люди в ней живут, и ежели те строения... императорского величества, то на данную крепость ничего действовать не будет, а буде мужычья строения, то де будут воевать»[1].

В июне 1728 года джунгары напали на Колыванский завод, угнали 371 лошадь, ранили двух человек, и «вышеписанного страха ради неприятельского гиттен-фервальтер Клеопин со обретающимися при тех заводах людьми, оставя тое крепость в малой недостройке и зачатое заводское строение, выехал в жилье Кузнецкого ведомства Белоярской крепости в деревню Усть-Чумышскую»[2].

В ответ на это тобольский губернатор потребовал от джунгарских властей наказать виновников набега, а кузнецкому коменданту приказал обеспечить завершение строительства Колывано-Воскресенского завода, оказать помощь Клеопину[3]. Характерно, что сибирская администрация с самого начала рассматривала строительство этого завода не как частное дело А. Демидова, а как государственное предприятие. Демидовские заводы на Алтае были объектом пристального внимания правительства, так как их значение выходило за рамки частных интересов А. Демидова.

Нападение на Колывано-Воскресенский завод не привело к обострению отношений между Россией и Джунгарией. Обе страны были заинтересованы в мирном решении вопроса: Джунгария вела войну с Цинской империей (Китаем), граница России в Приобье была незащищенной.

В первой половине 40-х годов XVIII века контайша Галдан-Церен, используя общее укрепление Джунгарии и недавние успехи в войне с Китаем, стал готовить поход на русские владения в Сибири. Уже в 1740—1741 годах в Сибирскую губернскую канцелярию стали поступать сведения о передвижении больших отрядов джунгар в непосредственной близости от русских крепостей[4].

В июле 1744 года в Усть-Каменогорскую крепость

---

[1] ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 4, д. 725, л. 383.
[2] Там же, л. 383.
[3] Там же, лл. 383—384.
[4] Там же, ф. 214, о. 1, ч. 7, д. 4857, лл. 2—5.

прибыли три алтайца с реки Нарыма. Они рассказали, что их зайсан Бобай получил приказ готовиться летом 1744 года к войне с Россией. Объектами нападения в первую очередь должны были стать Усть-Каменогорская, Ямышевская, Семипалатинская крепости и Колывано-Воскресенский завод. Алтайцы говорили о своей готовности и впредь сообщать русским о планах контайши и своей знати в ответ на хорошее отношение к ним русских людей[1].

Обстановка была очень серьезной. Местные сибирские власти имели всего 2818 солдат и казаков при 89 пушках, рассредоточенных на большой территории по иртышским крепостям и укрепленным пунктам верхнего Приобья и Кузнецкого уезда. У Галдан-Церена, даже по сведениям 1734 года, было 80-тысячное войско с «огненным ружьем»[2].

В силу сложившейся обстановки в 1744 году в Сибирь были направлены регулярные войска во главе с генералом Киндерманом.

Больших столкновений в 1744 году не произошло. Наиболее значительным событием было нападение на Чагырский рудник и защищавший его острог, принадлежавшие Демидову. В донесении в Петербург сообщалось, что алтайцы «на Чагырском свинцовом руднике в 1744 году построенную крепость сожгли, и шахту засыпали, где Демидов добывал свинцовую и медную руду»[4].

В сентябре 1745 года умер контайша Галдан-Церен, главный вдохновитель похода против России. Обстановка в Джунгарии была неспокойной. Ойратская знать вынуждена была отменить нападение на российские владения. Однако это не устранило необходимость укрепления рубежей России в верхнем Приобье. Вскоре для этого сложились более благоприятные условия в связи с переходом алтайских заводов от Демидовых в руки Кабинета («Кабинета его величества» — личной канцелярии царя).

В 1744 году на алтайские заводы была послана специальная комиссия во главе с бригадиром А. В. Беэром

---

[1] ЦГАДА, ф. 24, о. 1, д. 29, лл. 2—4.

[2] Материалы для истории Сибири. Собр. Г. Н. Потаниным. М., 1867, стр. 17; П. Е. Тадыев. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956, стр. 13.

[3] Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 1, о. 1, д. 6, лл. 135—136.

с большими полномочиями. Комиссия отстранила от управления приказчиков Демидова. Фактически заводы оказались уже тогда отобранными у их хозяина, но юридически переход заводов в собственность нового владельца был оформлен в 1747 году. 1 мая 1747 года А. В. Беэр получил перед повторным выездом на Алтай указ императрицы Елизаветы Петровны о взятии демидовских Барнаульского, Шульбинского, Колывано-Воскресенского заводов, рудников и других строений со всеми отведенными Демидову землями и приписными крестьянами в собственность императора[1]. На месте власть была передана Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Помимо прочих дел, Канцелярия стала заниматься и вопросами обороны заводского ведомства, координируя эту работу с военными властями в Южной Сибири и с Сибирской губернской канцелярией.

В соответствии с указом от 1 мая 1747 года началось сооружение на Алтае новых крепостей и форпостов. В 1748 году на р. Ануе, в восьми километрах от д. Тырышкиной, была заложена Ануйская крепость, на Катуни — Катунская крепость. В 1749 году на р. Убе закладываются Шеманаевский и Красноярский форпосты[2]. В то же время в военный пункт была превращена на Чарыше старожильческая деревня Кабанова, которая после выезда оттуда приписных крестьян стала называться Кабановской защитой[3].

В 1751 году военные власти подняли вопрос о поправке крепости при Колывано-Воскресенском заводе. С тем же обратилась в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства и заводская контора. К тому времени старые крепостные сооружения при заводе пришли в ветхость. Заводской поселок разросся и не помещался в старых стенах[4].

Заводская администрация не протестовала против фортификационных работ, но лес для этих целей и необходимые средства давала неохотно. Только в 1756 году, когда в связи с китайско-джунгарской войной обстановка на границе осложнилась, была утверждена смета фортификационных работ по Колыванской крепости, Змеино-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1, лл. 61—67.
[2] Там же, д. 94, л. 329.
[3] Там же, д. 7, л. 363.
[4] Там же, д. 94, л. 242.

горскому руднику и Шульбинскому заводу. На все требовалось деньгами 35 тысяч 54 рубля 78 копеек и 982 человека для исполнения необходимых работ[1].

С 1755 по 1758 год к югу от владений России в верхнем Приобье шла китайско-джунгарская война. Цинская империя (Китай периода владычества в этой стране маньчжурской династии Цин), воспользовавшись возникшей в Джунгарии междоусобицей, напала на эту страну и развернула войну за ее порабощение. Война закончилась полным разгромом Джунгарского ханства.

Цинские войска захватили собственную территорию Джунгарии и подвластные ей территории: Малую Бухарию и Бадахшан. «Джунгария, — писал русский исследователь С. Шашков, — была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь»[2].

Под угрозой порабощения оказались зависимые от джунгарского контайши алтайские племена. Маньчжуро-китайские войска и отряды зависимых от Цинской империи феодалов Центральной Монголии после разгрома джунгар вошли в земли алтайцев и потребовали перехода алтайцев в китайское подданство. Документы и предания сохранили немало фактов о героическом сопротивлении алтайцев новым поработителям[3]. Но силы были неравны. Спасаясь от врагов, алтайцы прорывались к границам России и просили принятия в российское подданство. Уже с осени 1755 года просьбы алтайцев о принятии их в подданство России приняли массовый характер. Алтайские зайсаны писали русскому полковнику де-Гарриге: «Дай нам людей на сбережение, збереги от злого времени, в нашей земле, где поглянется, стройте город. Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увести»[4]. Наряду с алтайцами к русской границе про-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, лл. 180—235.

[2] Шашков С. Рабство в Сибири. — В кн.: Дело. Кн. 3, 1869, стр. 47.

[3] Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. — В кн.: Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956, стр. 21—25.

[4] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 180—181.

бирались и джунгары, сумевшие спастись от истребления, и тоже просились под укрытие русских крепостей и соглашались на подданство России.

Принятие алтайцев в состав России было сложным делом. Предстояло решить, где будут кочевать новые подданные: у русских деревень или на своих землях. Первое было опасно, так как многие зайсаны раньше принимали участие в набегах на русскую территорию. Во втором случае нужно было включать в состав России Горный Алтай и обеспечить его защиту.

27 января 1756 года сибирскому губернатору Мятлеву был направлен указ Коллегии иностранных дел, в котором разрешалось принимать алтайских и джунгарских зайсанов в российское подданство с условием поселения у Волги, где жили переселившиеся еще в XVII веке сплеменники джунгар волжские калмыки[1]. Большинство алтайских зайсанов отказалось переселяться на Волгу. Не хотели этого и рядовые алтайцы. Тогда в мае 1756 года было разрешено принимать в российское подданство и тех, кто отказывался переселяться, приведя их к присяге[2].

С июня 1756 года начался массовый прием алтайцев в российское подданство. Он производился в крепостях Бийской, Катунской, Ануйской, на заводах Колыванском и Шульбинском, на Змеиногорском руднике, на форпостах Убинском, Красноярском, Шеманаевском, Алейском, в Кабановой защите[3]. К ноябрю 1756 года в российское подданство перешло 13 тысяч кибиток[4]. Часть новых подданных, большей частью джунгары, были отправлены на Волгу, около 7 тысяч алтайцев расселили в Красноярском и Кузнецком уездах[5]. Большинство же осталось на территории верхнего Приобья, и после того как их прежние кочевья были закреплены за Россией, вернулись на них.

Переход в российское подданство явился в то время для алтайцев единственным выходом. Самостоятельное существование в сложившейся обстановке было не-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1600, л. 50.

[2] Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 27—28.

[3] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 181.

[4] Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 28—29. Кибитка — подвижное жилье кочевников, поэтому число кибиток примерно определяло число семей.

[5] Потапов Л. П. Указ. соч., стр. 181.

возможным. Принятие китайского подданства не несло ничего хорошего. Китай сам был в то время под властью маньчжурских феодалов. Принятие русского подданства означало, конечно, порабощение русским царизмом, но это спасало от физического истребления, обеспечивало личную безопасность, открывало возможность тесных контактов с русским народом.

Алтайцы, перешедшие в российское подданство, были разорены завоевателями. Оставшийся скот обрекался на гибель из-за отсутствия кормов. На помощь алтайцам пришли русские. На каждого человека старше десяти лет выдавалось в месяц по четверику муки, моложе 10 лет получали по 4 гарнца (полчетверика)[1]. Муку было предписано выдавать всем, «окромя младенцев, которые хлеба не едят». Зайсанам и другим представителям знати, кроме муки, выдавались деньги. Для скота были устроены специальные пригоны, где он обеспечивался кормом[2].

Добровольный переход алтайцев в российское подданство обеспечил вхождение в состав России территории их обитания — Горного Алтая. Предстояло закрепить эту территорию, обезопасить ее от возможных покушений со стороны Цинской империи.

Колыванская и Кузнецкая военные линии были плохой защитой. Цепь крепостей и форпостов была редкой, укрепленные пункты располагались подчас в неудобных местах. В сентябре 1760 года военная коллегия отмечала, что «Усть-Каменогорская и Семипалатинская крепости состоят в неудобных местах и линии Колыванская и Кузнецкая не закрывают надлежащих и нужнейших мест»[3].

17 октября 1760 года сибирский генерал-губернатор Соймонов получил указ Сената «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера и о заселении той страны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по протчим рекам, впадающим в оные и в Иртыш реку, русскими людьми»[4].

---

[1] Четверть, четверик, гарнц — старые меры емкости для сыпучих тел. В 1 четверти 8 четвериков, в четверике 8 гарнцев. Четверть равна 2,0991 гектолитра. По весу в четверти примерно 8 пудов ржи.

[2] Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, стр. 30.

[3] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1600, л. 52.

[4] Полное собрание законов Российской империи с 1649, т. XV (с 1758 по 1 июня 1762 г.). 1830, стр. 533—537.

Местные власти начали ознакомление с новой территорией еще до получения указа. Уже в 1759 году на новоприсоединенные земли были посланы инженеры с необходимыми инструментами и припасами. В 1760 году туда же направляются две экспедиции: секунд-майора Шанского от Усть-Каменогорска и майора Эндена от Бийской крепости. Результаты этих экспедиций были признаны неудовлетворительными, и поэтому в 1761 году в Горный Алтай организовали новые экспедиции, на этот раз лучше оснащенные и объединившие представителей военной власти со специалистами горнорудного дела. Первую экспедицию, из Усть-Каменогорска, возглавили инженер-майор Петрулин и шихтмейстер Иван Денисов, вторую, из Чагырского рудника, — секунд-майор Поливанов и шихтмейстер Дорофей Головин, третью, из Катунской крепости, — майор Энден и геодезист Пимен Попов. Со второй и третьей экспедициями ходили старейшие алтайские рудознатцы Иван Чупоршнев и Федор Лелеснов[1].

В 1762 году отряд во главе с инженер-поручиком Уксусниковым и шихтмейстером Иваном Денисовым произвел изыскания по маршруту от Колывано-Воскресенского завода до Усть-Каменогорской крепости[2].

Во время этих экспедиций было выбрано 34 места для новых укрепленных пунктов, причем в 11 из них фортификационные работы уже были начаты, а кое-где оставлены казачьи команды[3].

Позднее линия, намеченная отрядами 1761—1762 годов, была признана неудобной. Ее нужно было создавать большей частью в труднодоступной горной местности. Военная линия из многих крепостей и форпостов дорого стоила и строилась бы долго. Сообщение между укрепленными пунктами затруднялось бездорожьем. Поэтому было решено вести новую военную линию от Усть-Каменогорска до Чарыша, а от него почти по старой линии до Бийской крепости. В сравнительно короткие сроки этот план был приведен в исполнение. Алтайский горный округ был прикрыт с юга новой Колывано-Кузнецкой военной линией, в которую вошли: Усть-Каменогорская крепость, форпосты Красноярский, Убинский, защита Бобровская,

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 327, лл. 1—180.
[2] Там же, лл. 261—278.
[3] Там же, д. 373, лл. 71—95, 125—130, 158—164, 223—226, 261—273.

редут Секисовский, защита Верхне-Убинская, редут Плоский, форпост Ново-Алейский, маяк Ключевской, защита Белорецкая, форпост Тигирецкий, маяк Яровой, защита Тулатинская, маяк Сосновский, форпост Казанской богоматери на реке Маралихе, защита Маралихинская, маяк Слюденской, форпост Антоньевский, защита Терская, маяк Николаевский, крепость Ануйская, крепость Катунская, Бийская крепость, Бехтемирский маяк, маяки Новиковский, Нижне-Ненинский, Лебяжий, Сайлапский, Караканский, Урунский, Верхне-Ненинский, Пуштулимский полумаяк, маяк Сары-Чумышский, Кандалапский полумаяк и Кузедеевский форпост[1].

Колывано-Кузнецкая военная линия не закрывала Горного Алтая. Охрана территории, населенной алтайцами, осуществлялась пикетами русских казаков вплоть до реки Бухтармы, где стояла Усть-Бухтарминская крепость, не имевшая постоянного гарнизона и постепенно пришедшая в негодность.

В конце XVIII века укрепились позиции России на южных отрогах Алтайских гор и по реке Бухтарме. В отличие от других мест Алтая первыми поселенцами в этом районе были так называемые каменщики — беглые солдаты, мастеровые, крестьяне, ушедшие сюда от феодального гнета. Начиная с 60-х годов XVIII века они расселились по рекам Бобровке, Язовой, Тихой и другим притокам Бухтармы. Положение беглецов было опасным. За ними не раз посылались царскими властями военные команды. Приходилось скрываться, оборонять ущелья, через которые могли проникнуть правительственные отряды. С другой стороны, нужно было защищать свои селения от цинских властей и набегов живших по соседству кочевников.

В 80-х годах XVIII века отношение царской администрации к каменщикам меняется. Их начали рассматривать не только как беглых, а следовательно, в глазах властей — преступников, но и как первопоселенцев, обживающих новую территорию и тем облегчающих ее окончательное закрепление за Россией[2].

В 1790 году каменщики обратились с просьбой легализировать их положение и согласились «платить какую-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 513—518. Перечень укрепленных пунктов дается в порядке их расположения на линии от Усть-Каменогорской крепости до Кузнецка.

[2] Там же, о. 2, д. 1600, л. 66.

либо подать или другим каким образом быть полезными». Они обещали показать места для прокладки новой военной линии на Бухтарме и выставить до 300 вооруженных людей в распоряжение русского военного командования[1].

15 сентября 1791 года был издан указ о «прощении» каменщиков и разрешении им либо переселиться в глубь России, либо выйти из ущелий, где они в силу своего нелегального положения вынуждены были жить, в долину Бухтармы и там поселиться. Летом 1792 года на Бухтарму были посланы землемер Сергеев для описания и определения мест для земледелия и унтер-шихтмейстер Феденев для описания новой территории и переписи каменщиков. Феденевым было найдено 20 населенных пунктов и в них 166 душ мужского и 57 женского пола[2]. Позднее установили, что всего у каменщиков было 30 населенных пунктов и в них принятых в подданство 250 душ мужского и 68 женского пола[3].

Часть каменщиков ушла в горы, к рекам Катуни и Коксе. Там возникли первые русские деревни Верхний Уймон и Кокса. Каменщики, сошедшие с гор в долину Бухтармы, основали 9 деревень: Осочиху, Быкову, Сенную, Карабишенскую, Верх-Бухтарминскую, Мало-Нарымскую, Язову, Белую, Фыкальскую[4].

Вскоре для военной охраны нового района был построен Бухтарминский редут. Присоединение верхнего Прибья к России закончилось.

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 196, л. 182.

[2] Там же, л. 167—174.

[3] Принтц Е. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 году. — В кн.: Записки Русского географического общества по общей географии, т. 1. СПб., 1867, стр. 558.

[4] Там же.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

Крестьянская колонизация бассейна верхней Оби шла одновременно с закреплением его за Россией, причем иногда обгоняла правительственную колонизацию, перешагивая через официальные рубежи. Редкая цепочка первоначальных крепостей и острогов не могла бы обеспечить прочного присоединения новой территории, если бы правительственная колонизация не подкреплялась крестьянской. Крестьяне обживали новые земли, экономически осваивали их, обеспечивали снабжение провиантом крепостей и острогов, принимали непосредственное участие в защите новоприсоединенных земель.

Определенную роль в заселении края сыграло казачество. До появления в Южной Сибири полков регулярной армии казаки составляли основную массу вооруженных сил, которые осуществляли правительственную колонизацию верхнего Приобья и Приртышья. Казаки были первыми поселенцами и земледельцами на Сибирской военной линии, составили первые гарнизоны Бикатунской и Белоярской крепостей.

Кроме Колывано-Кузнецкой военной линии, на территории верхнего Приобья казаки осели на постоянное жительство только в Белоярской слободе, выросшей около Белоярской крепости. Государева жалования они не получали, а служили за землю, освобожденную от податей, и поэтому назывались беломестными[1]. Беломестные казаки составляли примерно половину населения Белоярской крепости в 1719 году. Другая половина жителей

---

[1] Белыми местами назывались населенные пункты, земля, освобожденные от податей.

слободы — казачьи дети — потомки служилых людей и казаков. После первой ревизии (1724 год), как и в других местах, белоярские казаки были положены в подушный оклад. С них, однако, не снималась обязанность казачьей службы. Они должны были охранять крепость, участвовать в военных походах. С исчезновением непосредственной опасности военного нападения в связи с тем, что Белоярская крепость стала тыловым пунктом, надобность в такой службе отпала. Белоярские казаки слились с оброчными государственными крестьянами, а позднее вместе с остальным земледельческим населением верхнего Приобья превратились в приписных алтайских горных заводов.

Но основную роль в заселении верхнего Приобья сыграли не казаки, а крестьяне, раскольники, беглые мастеровые и посадские, пришедшие на эту территорию самовольно и осевшие на ней либо также самовольно, либо с разрешения властей. Те из них, кто раньше всего был учтен кузнецкими властями, оказались на положении оброчных крестьян, то есть обязаны были платить хлебный оброк.

Кроме оброчных крестьян, ревизией 1724 года учитывались «гулящие люди» и «пришлые». Первые были самовольными переселенцами, беглыми в основном из европейской части России. Их прежнее местожительство, сословная принадлежность и повинности были неизвестны. Местные сибирские власти, стремясь закрепить беглых на новых местах, облагали их оброком в размере одного рубля. Оброчного хлеба гулящие люди не платили, да многие из них и не имели пашни. После петровского указа 1724 года об оброке гулящие люди влились в сословие государственных крестьян.

Все те, кто прибыл на территорию верхнего Приобья после 1719 года, были записаны ревизией как «пришлые». В отличие от гулящих людей о них было известно, откуда они переселились. По мере закрепления на новом месте пришлые, независимо от прошлой социальной категории, сливались с местными государственными крестьянами.

Большинство первопоселенцев верхнего Приобья в результате самовольного переселения на некоторое время исчезали из поля зрения властей и избавлялись от подушной подати.

Со старых мест люди бежали от феодальной эксплуа-

тации, от заводских работ, от рекрутчины, от нищеты, из-за «хлебной скудости». Пришельцев из пограничных районов Западной Сибири (с Ишима и Тобола) нередко гнала с насиженных мест опасность нападения кочевников.

Значительная часть беглецов была родом из разных мест Севера европейской части России, где главным контингентом населения были государственные крестьяне, положение которых ухудшилось с переходом при Петре I от подворного обложения к подушному.

Через некоторое время беглые и самовольные переселенцы оказывались в поле зрения администрации. От разных лет сохранилось немало протоколов, допросов и других документов, позволяющих определить места, откуда прибывали пришлые, причины переселения и бегства.

Интересны в этом отношении записи допросов трех пришлых, задержанных в 1717 году приказчиком Белоярской крепости.

Один из пришлых — пашенный крестьянин Степан Распопов — был родом из Илимска. В 1715 году его мобилизовали для перевозки грузов из Илимска до Енисейска. Из Енисейска Распопов бежал и пришел в Чаусский острог, а оттуда в 1716 году «сошел» в Кузнецкий уезд в те места, где через год была основана Белоярская крепость[1].

Другой пришлый — Петр Мамаев — происходил из Усть-Суерской слободы Тобольского ведомства, крестьянский сын. В 1714 году он вместе с братом Андреем ушел в Чаусский острог. В 1717 году братья жили в Бердском остроге и в том же году ушли оттуда «в новопоставленную Белоярскую крепость»[2].

Третий пришлый — Михаил Санаров — сын жителя Соли Камской Игнатия Санарова, ушедшего в Тобольскую губернию еще в конце XVII века. В Тобольском уезде Михаил Санаров числился в казачьих детях, в 1711 году перешел на реку Ишим в Орлово городище, в 1714 году — в Тару. Оттуда в 1717 году был послан «для кузнечных работ» в Ямышевскую крепость, но по дороге бежал в Чаусский острог, а затем в Белоярскую крепость[3].

---

[1] ЦГАДА, ф. 1134, Кузнецкая комендантская канцелярия, о. 1, д. 10, л. 1.

[2] Там же, л. 2.

[3] Там же, л. 3.

Интересный материал о пришлых содержат допросные листы конца 40-х годов XVIII века. В них мы находим сведения о крестьянине Иване Жерсвине — беглом приписном с уральских заводов, бежавшем из Ишимского дистрикта в деревню Тальменскую, Луке Пестереве и других.

Многим беглым приходилось начинать жизнь на новом месте с работы по найму у крестьян, поселившихся ранее, и лишь через несколько лет удавалось завести свое хозяйство. Остановки беглых на какое-то время у крестьян-старожилов были закономерными. Трудно себе представить, чтобы беглый без средств к существованию в неизведанном краю, в местах, подвергавшихся набегам кочевников, мог сразу же встать на ноги и завести свое хозяйство. Это было под силу только группе беглых или переселенцев.

Вместе с тем было немало фактов проникновения крестьян в незаселенные места верхнего Приобья, туда, где еще не было старожилов. Не имея возможности основать земледельческое хозяйство, эти первопоселенцы длительное время жили в примитивных избушках и занимались промыслами. В документах не раз упоминается о длительном пребывании пришлых «в пустых местах». Например, до того, как появиться в Завьяловой Чарышской сотни, крестьянин Федор Новиков долго жил на р. Чарыше «в промышленных избушках на пустых местах»[1]. На Чарыше «в промышленной избушке» жил сначала Осип Быков, вывезенный в 1724 году отцом из Екатеринбургского ведомства[2]. На р. Поперечной, притоке Алея, жил несколько лет Лаврентий Лотов, родившийся в д. Серебрянке на р. Ишиме[3].

Промысловая избушка не могла быть прочным длительным местом поселения, если ее хозяин не заводил пашни и не принимал новых переселенцев. В последнем случае одиночное жилье постепенно вырастало в деревню. Хозяева промысловых избушек часто меняли местожительство в поисках лучших промыслов, забирались глубже в необжитые места, спасаясь от царской администрации, податей. В конце концов эти одиночные жители либо под воздействием властей, а чаще всего по своему

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 640.
[2] Там же.
[3] Там же.

почину поселялись в ближайшей деревне и закреплялись за ней.

В начале колонизации верхнего Приобья крестьяне группировались деревнями из хозяйственных соображений (легче было поднимать землю, строиться сообща) и соображений безопасности от нападения кочевников. Как и в других местах Сибири, крестьянские деревни на Алтае жались к крепости или острогу, а особенно многолюдными становились слободы при укрепленных пунктах.

Заселение русским крестьянством верхнего Приобья не сопровождалось притеснениями местного населения. Крестьянской колонизации телеутские кочевья не мешали. На огромных пространствах верхнего Приобья свободно могли сосуществовать и с огромной взаимной пользой развиваться и земледельческое хозяйство русских крестьян и кочевое телеутов. Однако обстоятельства сложились таким образом, что подавляющая часть верхнего Приобья до предгорий Алтая к началу массовой крестьянской колонизации оказалась почти безлюдной. На юге русские поселения были отгорожены от алтайцев военной линией, переходить которую запрещалось вплоть до XIX века. Только в верховьях Чумыша места жительства незначительной части алтайцев находились на русской стороне от военной линии. Здесь русское крестьянство хорошо уживалось с местными жителями.

Первые русские крестьяне начали проникать на территорию верхнего Приобья, очевидно, лишь в конце XVII века. Однако никаких достоверных сведений об этом не сохранилось. Вначале границу Телеутской землицы переходили с целью промыслов отдельные крестьяне и беглые. С начала XVIII века сюда стали проникать группы «бугровщиков» — искателей кладов в древних курганах. Постепенно переселенцы стали оседать на новых землях.

Самовольный характер первоначального заселения верхнего Приобья сказался на состоянии документальных свидетельств об этом процессе. Если не считать неудачное основание в 1709 году первой Бикатунской крепости, то первое достоверное известие о русских поселениях на этой территории относится лишь к 1716 году. Русский посол в Джунгарии Иван Чередов писал в докладной, что в 1716 году кочевники, наряду с телеутскими юртами, сожгли на Чумыше «многие деревни», принад-

лежавшие русским крестьянам[1]. Таким образом, в 1716 году на р. Чумыше уже были русские деревни. Отсутствие прямых достоверных сведений о времени их основания заставляет обратиться к косвенным данным из более поздних документов.

Так, из одного крестьянского донесения, датированного 1773 годом, следует, что Кислуха ведомства Белоярской слободы возникла в 1703 году[2]. Однако проверить это сведение невозможно, так как первое достоверное свидетельство о существовании Кислухи относится лишь к 1745 году. Она названа в росписи раскольников от 29 марта 1745 года[3].

Вторая ранняя дата относится к д. Каменской ведомства Малышевской слободы. В документе 1750 года, крестьянском прошении, сообщается, что крестьянин Яков Зырянов, которому в то время было 45 лет, родился в д. Каменской[4]. Существование этой деревни в 1705 году возможно. Всего через 14 лет, в 1719 году, она была одним из самых крупных населенных пунктов верхнего Приобья, и в ней значились крестьяне Зыряновы[5].

В 1774 году в донесении в Белоярскую земскую избу крестьяне деревень Шишкиной, Усовой, Кашкарагайской писали, что семьи их живут в этих деревнях с давних пор, лет 60, то есть примерно с 1714 года[6]. Сведение это, очевидно, верное. Усова под другим названием была учтена в 1719 году. Шишкина и Кашкарагайская значатся в переписи пришлых за 1721 год[7]. И. Г. Гмелин, побывавший в Кашкарагайской в 1734 году, называет ее основателем крестьянина Колесникова[8]. В материалах второй ревизии удалось найти Игнатия Яковлевича Колесникова, которому в 1745 году было 103 года, он имел четырех сыновей, девять внуков и двух правнуков[9].

Сохранилось косвенное свидетельство о поселении не

---

[1] ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 4, кн. 156, л. 605.
[2] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 291.
[3] Там же, д. 66, л. 8.
[4] Там же, д. 59, л. 144.
[5] ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, лл. 226—228.
[6] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 268.
[7] ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, л. 269, кн. 1626, лл. 426—434.
[8] Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen, 1751, s. 265.
[9] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 212.

позднее 1713 года крестьян Лубягиных в Бобровке на р. Оби[1].

Сооружение в 1716 году Бердского острога, а в 1717 Белоярской крепости позволило администрации контролировать приток крестьян по Оби на территорию верхнего Приобья. В марте 1717 года приказчик Бердского острога Иван Буткеев доносил кузнецкому коменданту В. Синявину: «Едут вверх по Оби мимо Бердского острога многие люди с женами и детьми и в Бердевском остроге те не явятся, какие люди и куда едут, и про то мне не ведомо[2]». В ответ на это В. Синявин приказал людей, проезжавших вверх по Оби, ловить и допрашивать, а результаты доносить в Кузнецк[3].

В том же 1717 году первому приказчику Белоярской крепости С. Серебренникову было дано указание около нового укрепленного пункта создать слободу и заселить окрестные деревни. Причем в деревнях разрешалось селиться только после того, как умножится население при крепости, принимать на поселение самовольных переселенцев и даже беглых, кроме жителей Томского уезда, где в то время пополнение населения также было необходимо. Серебренникову предписывалось: «Пришлых гуляющих разных городов людей за скудостью в крепости тебе принимать, кроме томских пашенных крестьян, посадских и оброчных и гулящих людей, чтоб томских в городе отнюдь никого не было»[4].

Однако, несмотря на запрещение, продвижение крестьян из Томского уезда на юг продолжалось. В августе 1717 года С. Серебренников доносил о том, что мимо Белоярской крепости из Чаусского острога, то есть из пределов Томского уезда, прошли несколько человек (Михайло Волков с товарищами), просили поселиться в окрестностях крепости, а когда это было запрещено, ушли дальше на юг. Посланный за ними отряд казаков не нашел беглецов[5].

Впервые крестьяне верхнего Приобья были учтены в годы первой ревизии. Начало было положено переписью 1719 года, затем в 1721 году была произведена перепись «прописных», то есть пропущенных в 1719 году, а также

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1. д. 620, л. 225.
[2] ЦГАДА, ф. 1134, Кузнецкая коменд. канц., о. 1, д. 7, л. 8.
[3] Там же, д. 8, л. 6.
[4] Там же, л. 45.
[5] Там же, д. 7, лл. 76—77.

пришлых. Наконец, в 1724 году была проведена ревизия Солнцева-Засекина, уточнившая результаты предыдущих переписей и отразившая изменения, происшедшие к 1724 году.

В 1719 году в ведомстве Белоярской крепости было записано 95 дворов, а в них 311 душ мужского пола, в том числе в самой Белоярской крепости — 46 дворов, а в них 143 души мужского пола. Остальные жили в деревнях Филиппа Попова на Повалихе, Усть-Чумышской, Чумышской, Забродиной, Дранишниковой, Инющевой на Чумыше, Красиловой, Заплывиной и Переборной. В Белоярской слободе жили беломестные казаки, казачьи дети и пушкари. Жители деревень относились к категории оброчных крестьян[1].

Из названных деревень почти все позднее сохранились под теми же названиями. Исключением были две деревни. Деревня Филиппа Попова, основанная Филиппом Ильичем Поповым, вскоре стала называться Повалихой. Забылась и фамилия основателя. Сын Попова Иван носил прозвище «Второв», которое стало фамилией его потомков. Вторая деревня — Чумышская — известна под названием Усовой.

Названия деревень чаще всего происходили от фамилий или имен их основателей. Так, д. Забродина получила название от ее основателя крестьянина Забродина, д. Дранишникова — от фамилии первопоселенцев братьев Дранишниковых, д. Инюшеву основал Василий Инюшев с сыновьями, д. Красилову — Игнатий Красилов с сыновьями и другими крестьянами.

Западная часть правобережья верхнего Приобья, где позднее была основная часть ведомства Малышевской слободы, в 1719 году входила в ведомство Бердского острога. Здесь в 1719 году было учтено восемь деревень: Каменская, Чингисская, Челтемова, Аллацкая, Поротникова, Малышева, Нижнесузунская и Верхнесузунская, в них 72 двора, 234 души мужского пола[2]. За исключением жившего в д. Каменской беломестного казака Устюженина, все записанные были оброчными крестьянами.

В 1721 году при переписи прописных и утаенных душ в ведомстве Белоярской слободы было учтено 95 душ мужского пола, из них 79 гулящих, 11 — оброчных кре-

---

[1] ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, лл. 260—274.
[2] Там же, лл. 171—259.

стьян, 2 казачьих сына, 1 сын старожила, 1 бронник, социальная группа одного неразборчива[1]. В Западной части правобережья верхнего Приобья той же переписью учли 96 душ мужского пола[2].

В том же 1721 году составлялись списки пришлых. В них записывались те, о ком было известно, откуда они прибыли. Часть из них уже была учтена ревизиями на прежних местах жительства, однако местная администрация даже не ставила вопроса о высылке самовольных переселенцев: люди в Приобье были нужны. В списках пришлых в ведомстве Белоярской слободы оказалось 66 душ мужского пола, в западной части правобережья — 19. Из 85 пришлых из Тобольского уезда прибыли 50, из Тарского — 4, из Верхотурского — 11, из Тюменского — 3, из г. Соли Камской — 8, из г. Кунгура — 4, из Архангелогородской губернии — 4, из Кондинского монастыря — 1[3].

Во время переписей 1721 года было учтено по сравнению с 1719 годом 10 новых деревень: в ведомстве Белоярской крепости — Кармацкая, Речкуновка, Шишкина, Тальменская, Черемшанская, Кашкарагайская, Казанцева; в западной части правобережья — Каргаполова, Мерецкая, Инская. Некоторые из этих деревень возникли еще до 1719 года. Не названы новыми деревни Кармацкая и Речкуновка. Об остальных шести деревнях в списках прямо сказано, что они возникли после 1719 года. Деревню Тальменскую основали пришлые Ерофей Казанцев, Артемий Гилев, Степан Худяков из Тобольского, Иван Казанцев и Савва Кайгородов из Верхотурского уездов[4].

Основатель д. Черемшанской (она же Копылова) Степан Тимофеевич Копылов родился в Федьковском станце Тобольского уезда, ушел оттуда с братом Степаном самовольно и, явившись в 1720 году в Белоярскую крепость, попросил у приказчика Алексея Горлевского разрешения жить в ведомстве слободы на р. Черемшанке[5].

Деревню Казанцеву (позднее — Зайцева) основали переселенцы из Тобольского уезда Гаврила Казанцев,

---

[1] ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1626, лл. 367—381.
[2] Там же, лл. 342—356.
[3] Там же, лл. 404—445.
[4] Там же, л. 429.
[5] Там же, л. 431.

Миней Казанцев и Семен Кунгуров[1]. Известны также имена старожилов деревень Каргаполовой, Мерецкой и Инской.

В 1722 году западная часть правобережья верхней Оби была выделена из ведомства Бердского острога в самостоятельное ведомство Малышевской слободы. В него вошли все населенные пункты, расположенные в излучине обского правобережья от Нижней Каменки до р. Ини. Центром нового ведомства стала деревня Малышева, получившая название слободы[2].

В 1724 году в Кузнецком уезде проводил ревизию Солнцев-Засекин. Сохранилась сводная ведомость этой ревизии. Общие итоги по уезду без учета ясачных волостей были следующими:

учтенных в 1719 и 1721 годах	— 5970 душ муж. пола
записано в 1724 году живших в уезде раньше, но не попавших в переписи	— 1189 » » »
прибыло между 1721—1724 годами	— 202 » » »
Всего в уезде . . .	7361 душа муж. пола[3]

Все население уезда делилось на 30 групп; из них пашенные и оброчные крестьяне, беломестные и отставные казаки, казачьи дети и гулящие насчитывали вместе 5967 душ мужского пола, или 84,5% всего русского населения уезда. Эти группы земледельческого населения позднее были объединены в единую группу государственных крестьян.

Поскольку от ревизии Солнцева-Засекина сохранилась только сводная ведомость, выделить из всего населения уезда жителей верхнего Приобья невозможно, если не прибегнуть к косвенным данным. По спискам второй ревизии и другим материалам автору удалось с достаточной точностью восстановить списки крестьян верхнего Приобья на 1724 год. Результаты оказались следующими.

---

[1] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 445.

[2] Там же, ф. 199. Портфели Миллера, о. 2, № 481, ч. IV, д. 1, л. 156.

[3] Там же, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 13, д. 695, лл. 387—388. В первую ревизию учитывались только ревизские души, то есть мужское население России. Понятие «ревизская душа» возникло в связи с заменой подворного обложения подушным и сохранилось до 1887 г. Каждая ревизская душа считалась наличной вплоть до следующей ревизии, даже в случае смерти человека.

Число ревизских душ, учтенных первой ревизией.

В ведомстве Малышевской слободы:

1) Малышевская слобода	— 90	душ.	муж.	пола
2) д. Аллацкая	— 35	»	»	»
3) д. Верхнесузунская	— 86	»	»	»
4) д. Инская	— 37	»	»	»
5) д. Каменская (Нижняя)	— 54	»	»	»
6) д. Каргаполова	— 15	»	»	»
7) д. Мерецкая	— 50	»	»	»
8) д. Милованова	— 38	»	»	»
9) д. Нижнесузунская	— 60	»	»	»
10) д. Поротникова	— 40	»	»	»
11) д. Челтемова	— 9	»	»	»
12) д. Чингисская	— 27	»	»	»
Всего в ведомстве . . .	541	душа	муж.	пола

В ведомстве Белоярской крепости:

1) Белоярская крепость	— 194	души	муж.	пола
2) д. Верх-Барнаульская	— 3	»	»	»
3) д. Дранишникова	— 17	»	»	»
4) д. Забродина	— 31	»	»	»
5) д. Заплывина	— 33	»	»	»
6) д. Инюшева	— 12	»	»	»
7) д. Казанцева	— 15	»	»	»
8) д. Кармацкая	— 18	»	»	»
9) д. Кашкарагайская	— 35	»	»	»
10) д. Красилова	— 43	»	»	»
11) д. Переборная	— 17	»	»	»
12) д. Повалихинская	— 30	»	»	»
13) д. Речкуновка	— 46	»	»	»
14) д. Тальменская	— 23	»	»	»
15) д. Улыбердь	— 1	»	»	»
16) д. Усова	— 3	»	»	»
17) д. Усть-Барнаульская	— 9	»	»	»
18) д. Усть-Чумышская	— 27	»	»	»
19) д. Черемшанская	— 5	»	»	»
20) д. Шишкина	— 3	»	»	»
Всего в ведомстве . . .	565	душ	муж.	пола

В ведомстве Бикатунской крепости:

1) Бикатунская крепость	— 42	души	муж.	пола
2) д. Фоминская	— 30	»	»	»
Всего в ведомстве . . .	72	души	муж.	пола[1]

Таким образом, в 1724 году на территории верхнего Приобья, по реставрированным данным, было учтено

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28 и другие материалы.

1178 душ мужского пола. Они жили в 34 населенных пунктах. Почти все крестьянские поселения располагались на правой, защищенной от нападения кочевников, стороне Оби. На левобережье, очевидно, первыми деревнями были Верх-Барнаульская и Усть-Барнаульская.

До сих пор считалось, что первое поселение на месте города Барнаула возникло в начале 30-х годов XVIII века. Это основывалось на неверно понятом сообщении И. Г. Гмелина, побывавшего в 1734 году в деревне Барнаулке[1]. На самом деле И. Г. Гмелин был в д. Барнаульской, находившейся в среднем течении речки Барнаулки. Эта деревня позднее стала называться Колыванской, выросла в село и существует до сих пор. Первыми поселениями на месте нынешнего Барнаула были д. Усть-Барнаульская и расположенная неподалеку от нее Верх-Барнаульская. Возникли они, очевидно, между 1721 и 1724 годами (или 1726).

Первая ревизия учла крестьян, поселившихся к тому времени на территории верхнего Приобья, не полностью. В списках первой ревизии не было уже названных нами деревень Кислухи, Бобровской. До 1724 года возникли и некоторые другие населенные пункты. На р. Лосихе в ведомстве Белоярской слободы до ревизии возникла деревня Санникова. Дворы первопоселенцев Ивана Санарова и Перфилия Карпова были поставлены в 1721 году[2]. В 1763 году крестьянин д. Зудиловой на р. Большой Черемшанке Игнатий Голубцов писал, что он и его односельчане Ларион Веснин и Афанасий Дмитриев «жительство имеют в показанной деревне Зудиловой... назад тому сорок лет», то есть с 1723 года[3]. Есть основание относить к 1721 году возникновение деревни Ересной. Этим годом датируется поселение здесь крестьянина из Екатеринбургского ведомства Сергея Оверина[4].

В первой четверти XVIII века русские крестьяне, начав заселение верхнего Приобья, создали здесь более трех десятков населенных пунктов, завели пашни. Возникновение крестьянских деревень прочно закрепило правобережье верхней Оби за Россией.

---

[1] Gmelin J. G. Reise durch Sibirien... s. 261.
[2] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 150; ф. 1, о. 1, д. 583, лл. 461—463.
[3] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 136.
[4] Там же, д. 17, л. 200.

ГЛАВА III

ОТ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ ДО 1747 ГОДА

После первой ревизии приток крестьян на территорию верхнего Приобья продолжался. Условия для заселения края улучшились. Стало возможным освоение обского левобережья. Постепенно заселяется также обширная территория по правому берегу Оби от р. Чумыш до Бийской крепости.

Во время первой ревизии или сразу после нее появились первые русские деревни, в верхнем течении р. Чумыша. В 1722 году или немного позднее пришли на Чумыш крестьяне Титовы, жители д. Грамотеевой, и их родственники Егор и Александр Зарешные из д. Нижний Яр Мунгацкого станца Кузнецкого уезда. В одно время с ними появился на Чумыше крестьянин из Бердского острога Степан Бочкарев по прозвищу Максар. По данным второй ревизии, переселение было самовольным, хотя сами крестьяне утверждали, что имели указ о переселении от кузнецкого воеводы. Указ будто бы сгорел во время пожара в 1743 году[1].

Переселенцы основали на Чумыше три деревни, которые в документе 1727 года названы д. Лариона Титова, д. Дмитрия Титова и д. Якова Титова[2]. Первая называлась позднее Старой Титовой, а после пожара 1743 года — Погорелкой Титовой или просто Погорельской. Название второй деревни сохранилось до сих пор, ныне это село Дмитро-Титово в Кытмановском районе. Деревня Якова Титова известна под названием Озерно-Титовой.

Титовы, Зарешные и Бочкарев поселились рядом с алтайцами Тогульской волости. В 1729 году вместе с

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28. лл. 360—361; ф. 1, о. 1, д. 156, л. 279.
[2] ЦГАДА, ф. 517, Кузнецкая воеводская канц., о. 1, д. 7, л. 11.

крестьянами соседних деревень Переборной и Заплывиной они заключили договор с тогульцами о земельных угодьях. В документе, утвержденном Кузнецкой воеводской канцелярией, указывалось, что «ясачные татары Чебода Избрбеев, Онон Кучегешев с товарищами уступали кузнецким крестьянам Якову Титову с товарищами, всем жителям деревень Титовой, Переборной и Заплывной земли под пашни, сенные покосы, рыбные ловли «безденежно в вечное владение». Алтайцы оговаривали для себя беспрепятственное пользование урочищами для охоты, а русские крестьяне обязывались «зверей не облавливать и обиды и утеснения никакова не чинить». Этот документ хранился у крестьян Титовых и они предъявили его властям в 1759 году как доказательство своих прав на землю[1].

Недостаточная полнота переписи первой ревизии, а также появление новых поселений крестьян вызвали необходимость дополнительного учета населения на территории верхнего Приобья с целью более полного подушного обложения. Уже в 1727 году Кузнецкая воеводская канцелярия провела дополнительную перепись. Из материалов второй ревизии удалось установить имена и фамилии крестьян, переписанных в 1727 году[2]. Тогда было учтено впервые в ведомстве Белоярской крепости 91 душа муж. пола, в ведомстве Малышевской слободы — 61 душа муж. пола, всего 152 души[3].

Все эти крестьяне были записаны в центрах ведомств — в Малышевской слободе и Белоярской крепости, но на самом деле значительная часть их или почти все жили в деревнях. Среди них были и такие деревни, которые не учли во время переписей не только в 1724, но и в 1745 году. Время возникновения таких деревень приходится устанавливать по различным документам.

Среди учтенных в 1727 году новых населенных пунктов была, очевидно, и Гусельникова. По крайней мере, учтенные в 1727 году крестьяне Кадошниковы или Кадниковы жили именно в этой деревне. Есть сведение о том, что примерно в 1728 году в д. Гусельниковой, уже существовавшей, поселился крестьянин Тимофей Хрусталев[4].

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 282.

[2] Поименная выборка оказалась необходимой, так как материалов переписи 1727 г. не сохранилось.

[3] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28.

[4] Там же, д. 40, л. 19, д. 36, л. 124.

Крестьян, учтенных впервые в 1727 году, находим также в д. Фирсовой на р. Лосихе. Об одном из них — Иване Зотееве — в документе 1757 года сообщается, что он уже 30 лет живет в д. Фирсовой[1]. Сначала д. Фирсова носила одновременно название Малой Лосихи, но позднее это забылось. Деревню называли, и это название сохранилось до сих пор, Фирсовой по имени ее основателя крестьянина Фирса Белых. Среди первопоселенцев этой деревни значились также крестьяне Олковы.

В 20—40-х годах XVIII века складывается первое русское земледельческое население окрестностей Бийской крепости. После основания в 1718 году крепость не имела постоянного гарнизона. Сюда из Кузнецка присылались приказчики с полусотней казаков на короткое время. Несколько раз в год гарнизон менялся. Для стабилизации положения крепости и окончательного закрепления в этом районе Приобья было необходимо постоянное население и в крепости, и в окрестностях. Первыми поселенцами Бийского ведомства были гулящие люди Фоминские. В 1716 году пришли они на Обь в Бердский острог из «русских поморских городов», были учтены переписью 1719 года и вскоре двинулись дальше на юг. В 1720 году приказчику Бийской крепости было предписано принять Фоминских на жительство и брать с них «годовые гулящие оброки»[2]. В мае 1720 года бийский приказчик доносил о появлении в крепости еще 10 семей пришлых. Кузнецкие власти приказали отослать самовольных пришельцев на прежние места жительства, но на самом деле пришлые никуда не выехали[3]. В 1721 году в Бийское ведомство посылался отряд казаков для выселения новой группы самовольных переселенцев из Кунгурского уезда, Бердского и Белоярского ведомств.

Заведенную переселенцами заимку приказано было сжечь[4]. Однако указы о выселении выполнялись плохо. Этому сопротивлялись пришлые, да и власти были заинтересованы в заселении нового района. Кузнецкая воеводская канцелярия все чаще давала разрешения на поселение и даже организовала перевод к Бийской крепости желавших переселиться старожилов Бердского ведомства. Итоги первоначального заселения Бийской ок-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 126.
[2] ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 1, л. 9.
[3] Там же, л. 11.
[4] Там же, лл. 273—289.

руги были подведены в 1727 году переписью кузнецкого дворянина Трусова. В новом ведомстве было учтено 53 души гулящих, 53 пришлых, 36 бердских переведенцев, 21 явившихся в учетном 1727 году, а всего 163 души мужского пола.

С начала второй четверти XVIII века идет заселение левобережья верхней Оби. В значительной мере этому способствовало возникновение на Алтае горных предприятий Демидова. Потребности в рабочей силе, возможности получения которой на месте были весьма ограниченными, заставили Демидова переселить на Алтай часть своих крепостных крестьян и мастеровых. Общее число переведенных Демидовым душ мужского пола равнялось 416. Из них в 1747 году жили в ведомстве Колывано-Воскресенского завода 236, на Шульбинском заводе — 69, на Барнаульском — 111[1]. В это число вошли не только переведенные крестьяне и мастеровые Демидова, но и те, кого уже в Сибири завербовали его приказчики. Это были беглые и самовольные переселенцы из Тарского уезда, Окуневского, Ишимского, Исецкого дистриктов, из ведомств Бердского и Чаусского острогов, Белоярской слободы. 12 душ мужского пола были переселены к заводам Демидова властями Кузнецкого уезда из Мунгацкого станца.

Привезенные на Колывано-Воскресенский завод мастеровые и крестьяне все значились мастеровыми и работными людьми, но на самом деле многие из них не знали никакого ремесла, пригодного на заводе, были хлебопашцами. Последних Демидов не стал держать непосредственно на заводе, а поселил в деревнях, обязав определенное время в году выполнять заводские работы и снабжать заводы и рудники продовольствием. В одном из документов ГААК указано, что в 1735 году из 105 демидовских мастеровых и крестьян 64 жили при заводе, а остальные 41 в деревнях Чарышской, Порозихинской и Усть-Чарышской[2].

После перехода алтайских заводов в собственность императора Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства произвела проверку, все ли записанные мастеровыми и работными людьми действительно способны квалифицированно «исправлять» заводские рабо-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, лл. 428—429.
[2] Там же, д. 24, лл. 126—141.

ты, и тех, кто не знал никакого ремесла, велено было «числить» крестьянами в деревнях[1].

Параллельно с колонизационными мероприятиями Демидова продолжалась, причем в больших масштабах, чем это удавалось Демидову и его приказчикам, миграция крестьян на территорию верхнего Приобья по их собственной инициативе.

Примерно в 1732 году пришел в д. Алейскую крестьянин Иван Белобородов[2]. Эта одна из старейших деревень по реке Алею позднее стала называться Урюпиной, название сохранилось до сих пор. В начале 30-х годов XVIII века существовала уже на реке Касмале деревня Касмалинская.

Некоторые крестьяне, поселяясь на территории верхнего Приобья, «испрашивали» разрешение на это у местной администрации. Так было, например, с основателями д. Большой речки (ныне село Чаузово). В начале 30-х годов XVIII века бердские крестьяне Афанасий Банников и Григорий Волков нашли место недалеко от устья Большой Речки, удобное для хлебопашества, с достаточным количеством луговых пастбищ и леса, и обратились в Кузнецкую воеводскую канцелярию с просьбой разрешить там поселиться. Такой указ был дан, и А. Банников с Г. Волковым основали д. Большую Речку. Указ этот сохранился в фондах ГААК. Он датирован 1732 годом, 23 июня.

1732 год, таким образом, — дата основания д. Большой Речки[3].

В большинстве случаев крестьяне селились самовольно. Поэтому даты основания деревень на территории верхнего Приобья и во второй четверти XVIII века приходится чаще всего устанавливать по свидетельствам более поздних документов. Именно так устанавливаются даты основания или наиболее раннего упоминания следующих населенных пунктов: 1726 г. — д. Среднекраснлова на р. Матвеихе близ Чумыша; 1734 г. — д. Копылова на р. Чумыше; 1736 г. — д. Чесноковка на р. Чесноковке, д. Камышенка на р. Камышенке близ озера Шибаева; 1737 г. — д. Глушинская (Жилиха) на р. Малой Лосихе, д. Идолова у оз. Кривого на левом берегу

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 360, л. 5.
[2] Там же, д. 40, л. 12.
[3] Там же, д. 134, л. 361. Ныне с. Чаузово.

р. Оби; 1738 г. — д. Пещаная[1] Бийского ведомства, д. Вяткина на р. Оби; 1740 г. — д. Завьялова Бийского ведомства; 1741 г. — д. Максарова на Чумыше, д. Шадринцева близ Чумыша, д. Королева на р. Малый Аллак; 1742 г. — д. Борисова у Чумыша, д. Озерная на Чарыше; 1743 г. — д. Быкова на р. Касмале, д. Суетинская на р. Суетке, левом притоке р. Оби; 1744 г. — д. Коренева на Чумыше, д. Старо-Перуново на Чумыше, д. Тарадано-ва на протоке р. Оби в Малышевском ведомстве, д. Савинова на р. Иткуль в Бийском ведомстве[2].

Непрерывный рост населения верхнего Приобья приводил к тому, что довольно быстро увеличивалось число неучтенных, а следовательно, не обложенных подушным сбором крестьян. Фискальные соображения, а также приписки к демидовским заводам потребовали от местной администрации проведения дополнительного учета. В 1733 году Кузнецкая воеводская канцелярия провела перепись, в которую были включены 36 душ в Малышевской и 67 душ в Белоярской слободах[3]. В 1734 году были переписаны крестьяне деревень ведомства Колывано-Воскресенского завода, главным образом по рекам Чарышу и Алею. Была учтена 131 душа мужского пола, в том числе 41 человек в Колывано-Воскресенском заводе, а остальные в деревнях Алейской, Барнаульской, Быковой, Кабановой, Калманке, Перво-Чарышской, Касмалинской, Кирилловой, Старой Порозихе, Усть-Порозихе, Самсоновой, Усть-Чарышской и Обуховой[4]. Эта перепись была далеко не полной. Многие крестьяне и мастеровые в ней оказались пропущенными, что было выявлено в 1735 году, когда составлялся список всего населения ведомства Колывано-Воскресенского завода перед предполагавшимся взятием завода и рудников Демидова на Алтае в казну. Список 1735 года не сохранился, однако он полностью восстанавливается по списку 1737 года, который был выслан из Берг-коллегии по требованию Беэра. Оказывается, список 1735 года включал 565 душ обоего пола, а в 1737 году за алтайскими предприятиями Демидова числилось 600 душ обоего пола, из них непосредственно на

---

[1] В данном случае сохранено написание названия деревни «Пещаная» по источникам XVIII века (ныне с. Песчаное). Старинные названия сохранились и по другим населенным пунктам.

[2] Ссылки на источники в приложении.

[3] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, лл. 270 и 284.

[4] Там же, лл. 375—395.

Колывано-Воскресенском заводе жили 285 человек, остальные — в деревнях[1].

В последующем дополнительно учитывались жители верхнего Приобья в 1739 и 1740 годах.

Межревизские переписи не учитывали, как правило, всех крестьян, а лишь пропущенных при предыдущих переписях и вновь прибывших. Более полным источником для представления о численности населения были материалы ревизий. В 1744—1745 годах на территории Кузнецкого уезда, куда входило и верхнее Приобье, осуществлялась вторая ревизия. Кузнецкая воеводская канцелярия приняла «определение» (указание, инструкцию) о порядке ее проведения в уезде 4 апреля 1744 года.

Переписной материал к ревизии должен был состоять из поданных с мест сказок и ведомостей, составленных на основании этих сказок и материалов предыдущей ревизии. Сказки и ведомости должны были отразить прибыль и убыль населения, умерших, бежавших, переселившихся, возраст крестьян, «чьи они и откуда, и давно в тех местах живут, також в которых селе и в деревнях, городах, и по каким указам или собою без указав, хотя те которые люди и крепостные, отпущены с пашпортом и без пашпорта для прокормления работою, и о тех в сказках писать именно»[2].

По окончании переписи материал подлежал проверке государственными чиновниками и выделенными специально для этого военными чинами. Эта проверка, собственно, и называлась ревизией, хотя исследователи нередко понимают под ревизией весь комплекс работ по переписи и проверке ее результатов.

Составление сказок и ведомостей было делом трудным и громоздким. Исходный материал — генералитетские книги первой ревизии — оказался далеко не совершенным. За время между ревизиями население уезда выросло, главным образом за счет самовольных переселенцев, многие из которых не были учтены дополнительными переписями. Возникли десятки деревень, местоположение некоторых из них даже не было известно властям. Передвигалось население и внутри уезда. Предстоя-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, л. 24, лл. 136—149.

[2] ЦГАДА, ф. 517, Кузнецкая воеводская канцелярия, о. 1, д. 20, л. 1. Ревизскими сказками назывались именные списки населения. Они составлялись на местах и были первичными материалами ревизий.

ло не только учесть прибывших, но и установить новое местожительство старожилов.

В августе 1744 года бердский приказчик Мельников доносил, что многие бердские крестьяне разъехались в разные места в ведомства Белоярской и Бийской крепостей и поэтому учесть их трудно[1]. Кузнецкая воеводская канцелярия торопила, а всякие ссылки на трудности переписи были признаны «непотребными». Вынужденные уложиться в сжатые сроки, приказчики не могли добиться точного учета населения. За исходные брались материалы первой ревизии, и многие крестьяне, уже переселившиеся в другие ведомства, были записаны на старых местах, многие новые деревни оказались неучтенными.

В 1745 году проводилась проверка (ревизия) переписных материалов, но и она оказалась недостаточно точной.

Сказки, списки и материалы ревизской комиссии были бы, бесспорно, очень интересными документами, особенно если учесть, что в них были сведения о времени поселения крестьян на территории верхнего Приобья, о местах, откуда они прибыли. Однако разыскать эти документы не удалось, да и вряд ли они сохранились. В Государственном архиве Алтайского края имеется только копия со списка второй ревизии, составленная в 1747 году. Сведенные в общую таблицу, списки эти выглядят следующим образом:

Ведомства и населенные пункты	Число душ муж. пола по ревизии				
	государственные крестьяне	приписные Демидова, приписанные к			Всего
		Колывано-Воскресенскому заводу	Барнаульскому заводу	Шульбинскому заводу	
1	2	3	4	5	6
Ведомство Малышевской слободы:					
1) Малышевская слобода	505	—	—	—	505
2) д. Аллацкая	99	—	—	—	99
3) д. Верхнесузунская	—	279	—	—	279
4) д. Инская	—	98	—	—	98
5) д. Каменская (Нижняя)	131	—	—	—	131
6) д. Каргаполова	39	—	—	—	39

[1] ЦГАДА, ф. 517, Кузнецкая воевод. канц., о. 1, д. 201, л. 95.

1	2	3	4	5	6
7) д. Кучуцкая	2	—	—	—	2
8) д. Малетина	4	—	—	—	4
9) д. Мерецкая	—	137	—	—	137
10) д. Милованова	105	—	—	—	105
11) д. Нижнесузунская	14	49	117	—	180
12) д. Обвинцева (Старая)	1	—	—	—	1
13) д. Поротникова	—	—	124	—	124
14) д. Челтемова	22	—	—	—	22
15) д. Чингисская	86	—	—	—	86
16) д. Шишкина	2	—	—	—	2
Всего в ведомстве .	1010	563	241	—	1814
Ведомство Белоярской слободы:					
1) Белоярская слобода	892	—	—	—	892
2) д. Беспалова	6	—	—	—	6
3) д. Верх-Барнаульская	—	—	10	—	10
4) д. Дранишникова	—	—	65	—	65
5) д. Дрянная	3	—	—	—	3
6) д. Забродина	99	—	—	—	99
7) д. Заплывина	—	—	91	—	91
8) д. Инюшева (на Чумыше)	36	—	—	—	36
9) д. Казанцева	—	50	—	—	50
10) д. Кармацкая	—	41	7	—	48
11) д. Кашкарагайская	1	122	—	—	123
12) д. Красилова	—	—	130	—	130
13) д. Переборна	—	—	39	—	39
14) д. Повалиха	—	84	—	—	84
15) д. Речкунова	160	—	—	—	160
16) д. Тальменская	—	79	—	—	79
17) д. Улыбердь	—	—	5	—	5
18) д. Усова	—	11	—	—	11
19) д. Усть-Барнаульская	—	—	30	—	30
20) д. Усть-Чумышская	—	94	—	—	94
21) д. Фирсова	1	—	—	—	1
22) д. Черемшанская	—	11	—	—	11
23) д. Шишкина	—	14	—	—	14
24) д. Язова	3	—	—	—	3
Всего в ведомстве . . .	1147	506	377	—	2030

1	2	3	4	5	6
Ведомство Бийской крепости:					
1) Бийская крепость	107	—	—	—	107
2) Фоминская	120	—	—	—	120
3) д. Титова	30	—	—	—	30
4) д. Усяцкая	1	—	—	—	1
Всего в ведомстве . . .	258	—	—	—	258
Ведомство Колывано-Воскресенского завода:					
1) Колывано-Воскресенский завод	—	310	—	—	310
2) д. Алейская	—	6	—	—	6
3) д. Барнаульская	—	4	—	—	4
4) д. Быкова	—	29	—	—	29
5) д. Вяткина	—	3	—	—	3
6) д. Кабакова	—	10	—	—	10
7) д. Кабанова	—	31	—	—	31
8) д. Калманская	—	6	—	—	6
9) д. Касмалинская	—	84	—	—	84
10) д. Кириллова	—	13	—	—	13
11) д. Красноярская	—	122	—	—	122
12) д. Первочарышская	—	25	—	—	25
13) д. Самсонова	—	7	—	—	7
14) д. Старая Порозиха	—	9	—	—	9
15) д. Усть-Камарихинская	—	10	—	—	10
16) д. Усть-Порозиха	—	11	—	—	11
17) Усть-Чарышская	—	35	—	—	35
18) Усть-Чумышская	—	14	—	—	14
19) д. Язова	—	19	—	—	19
Всего в ведомстве . . .	—	748	—	—	748
Ведомство Барнаульского завода:					
1) Барнаульский завод	—	—	170	—	170
2) д. Кармацкая	—	—	12	—	12
3) д. Бельмесева	—	—	4	—	4
Всего в ведомстве . . .	—	—	186	—	186

1	2	3	4	5	6
Шульбинский завод:	—	—	—	89	89
На всей территории верхнего Приобья	2415	1817	804	89	5125

Таким образом, из 5125 душ мужского пола, учтенных второй ревизией, на территории верхнего Приобья было 2415 государственных крестьян и 2710 приписных Демидова[1]. Вторая ревизия отразила крупные изменения в населении: согласно ее данным, число душ мужского пола на территории верхнего Приобья выросло почти в 4,5 раза, число населенных пунктов увеличилось с 34 в 1724 году до 64 в 1745 году. Если во время первой ревизии на левобережье было учтено только две деревни, то в 1745 их число возросло до 24, не считая заводов.

Но это далеко не все. Как бы ни были велики изменения, отраженные второй ревизией, действительные результаты колонизации верхнего Приобья русским крестьянством в 1745 году превосходили их. В 1748 году при приеме демидовских и новоприписных крестьян в заводское ведомство было выявлено большое расхождение между действительным расселением крестьян и данными второй ревизии. Из учтенных в ведомстве Малышевской слободы 932 души мужского пола государственных крестьян только 278 жили в тех местах, где были записаны во вторую ревизию, а остальные находились в других населенных пунктах. Подобная же картина выявилась и в ведомстве Белоярской слободы. Кроме того, на территории верхнего Приобья жило немало крестьян, записанных в ведомствах Бердского и Чаусского острогов, в деревнях Кузнецкого уезда. Часть из этих крестьян переселилась между 1745—1748 годами, но большинство значительно раньше, и это не было учтено ревизией. По различным источникам удалось установить время основания или существования деревень, не указанных в материалах ревизии, но в действительности заселенных крестьянами не позднее 1745 года. К 64 деревням, учтенным властями в 1745 году, можно добавить по крайней мере 32 таких де-

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, все.

ревни, как Титова, Озерна-Титова, Дмитрова-Титова, Бехтемирская и другие.

До начала русской колонизации территория верхнего Приобья в экономическом отношении была освоена крайне слабо. Малочисленное местное население сосредоточивалось главным образом в горной и предгорной частях. С откочевкой телеутов к югу большая часть верхнего Приобья оказалась совершенно безлюдной.

Хозяйство местных алтайских племен носило скотоводческо-охотничье направление. Главным занятием северных алтайцев, в том числе и живших на территории верхнего Приобья кумандинцев, тубаларов, челканцев и тогульцев, была охота на пушного зверя. Южные и западные алтайцы занимались преимущественно скотоводством кочевого характера. Определенную роль играло рыболовство[1].

В древнейший период Алтай был одним из центров раннего сибирского земледелия. Однако позднее в результате урона, нанесенного монгольскими завоеваниями, алтайское земледелие пришло в упадок. К XVIII веку оно существовало в небольших размерах в верховьях Катуни, по р. Семе и в долине р. Нарыма. У северных алтайцев земледелие было примитивным, мотыжным и носило лишь подсобный характер[2]. Пришла в упадок задолго до прихода русских и древняя алтайская металлургия.

С приходом русских на территорию верхнего Приобья здесь в короткий срок произошел значительный экономический сдвиг. Исключительно положительную роль сыграло в этом отношении крестьянство. Русские крестьяне приняли непосредственное участие в разведке местных рудных запасов. Крестьянское население стало основной рабочей силой на заводах, возникших на Алтае. В обстановке того времени без приписного крестьянства не было бы алтайской металлургической промышленности. Однако главным результатом колонизации русским крестьянством верхнего Приобья было основание и развитие местного земледелия и оседлого скотоводства.

В первой четверти XVIII века Кузнецкий уезд испытывал большие продовольственные затруднения. Созданная здесь казенная десятинная пашня была крайне не-

---

[1] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 122—124.

[2] Там же.

значительной. Собственные пашни служилых людей, посадских и крестьян лишь с трудом удовлетворяли их личные потребности.

По мере заселения территории верхнего Приобья здесь возникало земледелие, быстро перегнавшее по своей продуктивности и масштабам хлебопашество окрестностей города Кузнецка. Этому способствовало лучшее качество земель, чем в кузнецких пригородах.

Русские крестьяне, переселяясь на территорию Сибири, несли сюда накопленный веками опыт земледельцев, свои приемы и методы сельскохозяйственного производства. Применяя этот опыт к местным сибирским условиям, крестьяне уже в XVII веке сумели найти агротехнические приемы, наиболее подходившие в Сибири. На территорию верхнего Приобья, которое заселялось в XVIII веке, крестьяне принесли не только давние навыки русского земледелия, но и сибирский опыт, так как большинство алтайских первопоселенцев прожило определенное время в Сибири или родилось в ранее заселенных ее районах.

Наличие большого количества свободных земель освобождало первопоселенцев верхнего Приобья от необходимости сберегать плодородие почвы. Поэтому издавна распространенное в европейской части России трехполье было здесь крайне редким явлением. Преобладал почти исключительно перелог. Если земля выпахивалась, ее забрасывали, а пашню заводили на новом месте. Уже в 40-х годах XVIII века крестьяне Белоярского и Малышевского ведомств часто писали о выпашке земли, о заведении заимок с новой распашкою. Крестьяне начинали жаловаться на то, что «пашни удалели от их деревень», и просили разрешения переселиться на новые места. Пока население верхнего Приобья было малочисленным, необходимости в более интенсивной системе земледелия не было.

Первые крестьяне верхнего Приобья сеяли озимую рожь, пшеницу, ячмень, овес и некоторые другие культуры, а также овощи. Для собственных нужд крестьянской семьи сеялся лен.

На территории верхнего Приобья, в отличие от пригородной части Кузнецкого уезда, не было государевой десятинной пашни. Верхнеобские крестьяне жили на значительном расстоянии от Кузнецка, большинство из них селилось самовольно, власти долгое время даже не знали

о действительном количестве населения, поэтому контроль за десятинной пашней был невозможен. Верхнеобские крестьяне вносили в казну оброк, в том числе натурой. Вместо обработки казенного поля — государевой десятинной пашни — они сдавали четвериковый сбор: по полтора четверика зерна с ревизской души. По мере роста учтенного населения четвериковый сбор становился важным источником обеспечения провиантом Кузнецка и военных частей в уезде. Так, в 1739 году крестьяне Бердского острога, Малышевской слободы, Белоярской и Бийской крепостей сдали провианта 3815 четвериков[1].

Однако четверикового сбора было недостаточно для покрытия потребностей властей в провианте. Это вызывало необходимость закупа хлеба и других припасов у крестьян. Особое внимание на организацию закупа сибирская администрация обратила в 1745 году в связи с переводом в Сибирь крупных воинских частей. Снабжение их провиантом предлагалось организовать за счет местных ресурсов. Кузнецким властям было приказано купить для воинских частей, расквартированных в верхиртышских крепостях, до 20 тысяч и более четвертей ржи и муки, до 20 тысяч четвертей овса и значительное количество крупы. Обращалось внимание на возможность заготовки хлеба ближе к военной линии, в деревнях близ Белоярской крепости и по Чумышу[2].

При закупке провианта применялась система подрядов. Представители администрации заключали с крестьянами контракт на поставку провианта. В установленные сроки крестьянин должен был привезти провиант в назначенное место и продать по заранее определенной цене. При заключении контракта крестьянин получал ярлык, на котором обозначались виды поставки, количество провианта и сумма полученного задатка. Окончательный расчет производился при доставке провианта. Нередко крестьяне перепродавали ярлыки, и тот, кто его покупал, доставлял провиант и получал разницу между полной ценой и задатком.

В Государственном архиве Алтайского края сохранилось много таких ярлыков.

Размеры подрядов были различными. Большинство крестьян брались поставить от 10 до 30 пудов. Но были

---

[1] ЦГАДА, ф. 517. Кузнецкая воеводская канц., о. 1, д. 119, л. 3.
[2] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 10. лл. 38—39.

и такие, кто брал подряд на 40—50 пудов, а крестьянин д. Повалихи Ерофей Кайгородов в 1746 году обязался доставить 200 пудов ржаной муки[1].

Начиная с 1747 года некоторые крестьяне, а подчас и жители Барнаульского завода, стали брать подряды на оптовую доставку провианта, получали задаток и заготавливали хлеб по деревням. Так, 25 августа 1747 года крестьяне д. Юдиной Семен Юдин и Гаврила Шурыгин брались поставить в Барнаульский завод 1000 пудов ржаной муки, 150 пудов пшеничной, 150 пудов крупы и 200 пудов немолотого овса. Поставку нужно было осуществить в два срока: первую половину — к 29 ноября и вторую — к 30 декабря. Они взяли задаток 100 рублей и к началу 1748 года даже несколько перевыполнили подряд, доставив всего провианта 1595 пудов[2].

Система подрядов и другие способы заготовки провианта позволяли властям обеспечивать хлебом и другими продуктами гарнизоны крепостей, а также население заводских поселков. Однако в общей сложности хозяйство верхнеобских крестьян на первом этапе колонизации было еще маломощным. Многие крестьяне не могли производить больше того, что потребляла семья и уходило на уплату натурального оброка в виде четверикового сбора. В этих условиях власти делали ставку не на вольный закуп, а на принудительную поставку провианта. Только незначительная часть крестьян и подрядчики заключали контракты добровольно. В основном же система подрядов была способом насильственного изъятия хлеба.

После перехода алтайских заводов и приписных крестьян в ведение Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства заводские власти пытались стимулировать товарность крестьянского хозяйства. В 1748 году был дан указ всем заводским крестьянам посеять сверх «домашнего обиходу» по три четверти всякого хлеба, а тем, кто этого не выполнит, грозили наказанием[3].

23 сентября 1748 года Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства запретила приписным крестьянам продавать хлеб и другие продукты кому-либо,

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 12, лл. 424—427.

[2] Там же, д. 21, л. 534. Деревня Юдина возникла близ Белоярской крепости и после ее запустения стала называться Белоярской слободой. В 1759 г. еще различали старую Белоярскую крепость и д. Юдину. Позднее д. Юдина не упоминается.

[3] Там же, д. 32, л. 325.

«кроме заводов и заводских обывателей»[1]. Поставка провианта стала одной из обязательных повинностей приписных крестьян.

Наряду с земледелием на территории верхнего Приобья возникло и развилось крестьянское скотоводство. При этом крестьяне опирались на местные скотоводческие традиции и базу. Скот, прежде всего лошадей, покупали у джунгар и телеутов.

В больших масштабах, чем другие виды скотоводства, было развито коневодство. Это объяснялось тем, что лошадей легче всего было купить у кочевников, а также быстро возросшими собственными потребностями. При полевых работах на Алтае применялись главным образом лошади. Быки как тягловая сила использовались крайне редко. Верхнеобское крестьянство чуть ли не с начала заселения начало выполнять гужевую повинность.

Наряду с коневодством крестьяне верхнего Приобья занимались разведением крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. В отличие от коренных жителей верхнего Приобья — кочевников — русские крестьяне занимались оседлым, пастбищно-стойловым скотоводством.

Подсобное значение в жизни крестьян имело рыболовство, а также охота. «Для звериного промысла» крестьяне подчас уходили далеко от своих деревень.

Русские крестьяне были также зачинателями местного соляного промысла. 28 ноября 1724 года крестьянин Малышевской слободы Дементий Ковров взял подряд привезти с Кулундинских озер и поставить казне 300 пудов соли по два алтына и четыре деньги за пуд. В марте 1725 года Д. Ковров выполнил подряд. До этого местные власти не знали о запасах соли на территории верхнего Приобья[2].

Таковы коротко экономические результаты раннего этапа крестьянской колонизации верхнего Приобья. Как ни трудны были условия освоения нового края, как ни усугублялось это растущей из года в год феодальной эксплуатацией, русские крестьяне в меру своих сил и возможностей уже в первый период заселения верхнего Приобья сумели сделать многое. Именно на раннем этапе колонизации были заложены основы последующего развития местного крестьянского хозяйства.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 32, л. 335.
[2] ЦГАДА, ф. 517. Кузнецкая воеводская канц., о. 1, д. 4, л. 8.

ГЛАВА IV

ПОСЕЛЕНИЕ ПРИШЛЫХ И ДОБРОВОЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

С самого начала своей деятельности Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства столкнулась с проблемой рабочей силы для заводов. В условиях феодализма возможности найма рабочих были, особенно в малонаселенной Сибири, крайне ограниченными. Русская промышленность того времени должна была основываться на принудительном труде вотчинных, посессионных и приписных крестьян[1]. Из их числа набирались и постоянные заводские работники — мастеровые.

По указу от 1 мая 1747 года все демидовские мастеровые и крестьяне перешли в ведение новой заводской администрации. Всего было принято от Демидовых 4286 душ мужского пола[2]. Для широкой постановки горного дела этого было мало. К тому же значительная часть демидовских приписных жила на большом расстоянии от заводов.

Тем же указом к алтайским заводам было приписано дополнительно 4664 души мужского пола, в том числе из ведомств: Бердского острога — 1493, Белоярской слободы — 1147, Малышевской слободы — 1010, Бийской крепости — 258, Чаусского острога — 333, Сосновского острога — 423[3].

Новая приписка не решала полностью проблемы ра-

---

[1] Вотчинные, посессионные, приписные крестьяне — категории феодальнозависимых крестьян России. Вотчинные крестьяне — крепостные феодала, посессионные — крепостные крестьяне, закрепленные за промышленными предприятиями, приписные — крестьяне, приписанные к заводам.

[2] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, лл. 274—276.

[3] Там же.

бочей силы. Новоприписанные также располагались далеко от Колывано-Воскресенского, а частью и от Барнаульского заводов. Поэтому заводская администрация и правительство принимают меры по дополнительному заселению горного ведомства и точному учету крестьян, живших на подчиненной заводам территории.

В 1748 году производится прием в заводское ведомство крестьян, приписанных указом от 1 мая 1747 года. Списки второй ревизии были проверены на местах, выявлены все расхождения ревизских данных с действительным расселением населения. Учет приписных еще раз показал необходимость дополнительного заселения заводской территории. Особое внимание было уделено заселению бассейнов рек Чарыша и Алея, то есть земель, расположенных в непосредственной близости от Колывано-Воскресенского завода и рудников. Начальник Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства А. Беэр в одном из рапортов в Сенат в 1748 году писал: «...около Колыванского завода по рекам Алею и протчим за дальностью того завода от слобод к разведению хлебопашества и для близости к работам поселение таковых (**крестьян** — Ю. Б.) нужно»[1].

Способ заселения был предусмотрен уже указом от 1 мая 1747 года. В нем предписывалось учесть в Сибири самовольно поселившихся и впервые записанных во вторую ревизию людей и переселить их в окрестности Колывано-Воскресенского завода. Царизм решил собрать пришедших самовольно в Сибирь независимо от того, откуда они прибыли и от кого бежали. В интересах развития горной промышленности императрица не собиралась возвращать помещикам их беглых и даже беглых с приписных казенных заводов[2].

Для администрации горных заводов было важно, чтобы заселение производилось под строгим контролем, присылались люди, способные к заводской работе и к заведению пашни, чтобы пришлые были поселены в местах, достаточно удобных для жизни и для использования на заводских работах. Поиск таких мест был поручен специальной экспедиции во главе с прапорщиком геодезии Пименом Старцевым. В росписи, составленной П. Старцевым по результатам экспедиции в 1748 году, было на-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1, л. 85.
[2] Там же, л. 63.

звано 63 места, из них по р. Алею и его притокам — 36, р. Чарышу и притокам — 18, р. Убе — 9 мест. Здесь предполагалось завести 1358 дворов крестьян-переселенцев[1]. Большинство найденных мест до 1748 года не было заселено. Исключение составляли 8 мест, из них д. Шипунова, где было три двора, будущая д. Быкова на Алее, которую в 1748 году основал бердский крестьянин Агафон Быков, и другие.

Едва начав подготовку к приему поселенцев, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства стала форсировать присылку беглых.

Местами сбора пришлых для последующей отправки в ведомство алтайских заводов были Тобольск, Тара, Иркутск. Значительное число пришлых было набрано в ведомствах Бердского и Чаусского острогов, Малышевской и Белоярской слобод.

Вселение пришлых на Алтай не носило никаких элементов добровольности. С их желанием не считались, направляли под конвоем, за попытки к бегству жестоко наказывали. Так, 6 июля 1748 года Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства направила в Бердскую судную избу указ, в котором предписывалось всех пришлых, живших в этом ведомстве, «сыскать и по сыску всех с женами и детьми и со всеми их пожитки для определения к поселению... с надлежащим конвоем на здешний Барнаульский завод в немедленном времени из Бердского острога направить»[2].

На назначенных к поселению составлялись и высылались в Барнаул предварительные списки. Однако далеко не все, внесенные в них, действительно поселились на Алтае. Об этом, в частности, свидетельствует хранящаяся в ГААК «Книга настольная, сочиненная в Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, о пришлых, поселенных при здешних заводах, присланных из Тобольска и других городов», составленная в 1750 году. В ней названо всего 2336 душ мужского пола, из которых были действительно поселены 1670. Остальные 66 человек не были поселены по различным причинам[3].

Часть пришлых осталась на прежних местах по решению местной администрации. Так, о пришлом Кононе

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 7—12. Росписью назывался документ, содержащий список лиц, мест или вещей.

[2] Там же, д. 40, л. 57.

[3] Там же, д. 105, все.

Фролове в «Книге настольной» записано следующее: «Об оном Фролове в ведомости из Ильинского острогу показано, что его по указу из Селенгинской канцелярии на здешние заводы высылать не велено, понеже он переведен в посад»[1].

В материалах ГААК есть и другие сведения об оставлении пришлых на старых местах, потому что они там закрепились довольно прочно и обзавелись хозяйством. Таких беглых местная администрация высылала неохотно. Оно и понятно: в то время в Сибири еще не было мест, населенных достаточно.

Второй причиной неявки пришлых на поселение была их смерть в период между составлением списков и отправкой. Третьи не вынесли тяжелой дороги и погибли в пути. Четвертой причиной неявки было бегство во время пересылки.

Некоторые пришлые, явившиеся на поселение, были признаны негодными по причине старости, увечья, малолетства и отправлены обратно. Так, 82-летний Михаил Бесырев был «за старостью и дряхлостью» отправлен обратно в Иркутск[2]. Скупые пометки в «Книге настольной» раскрывают бесчеловечное отношение царской администрации к поселенцам. За тысячи километров гнали людей, зачастую старых и увечных, вместо того чтобы на месте, в том же Иркутске, решить, годны они или нет для поселения. Причем гнали целыми семьями, с малолетними детьми, и дети нередко погибали в пути. Например, у беглого крестьянина Кирилла Чекавского, присланного из Иркутска, замерз в дороге сын 13 лет, а с младшим его отправили обратно. Почти два года бродил Чекавский, потерял второго сына, пока получил разрешение поселиться при Колывано-Воскресенском заводе[3].

Вселение пришлых продолжалось несколько лет. Основная масса прибыла в 1749—1750 годах, но некоторые поселились лишь в 1752 и даже в 1754 годах.

Присланные в ведомство Колывано-Воскресенского завода беглые были частью оставлены на заводе, а остальные расселены по деревням. На 11 июля 1750 года в деревнях было поселено 1048 душ мужского пола[4]. К 1754 году, после дополнительного подселения, в дерев-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105, л. 116.
[2] Там же, л. 119.
[3] Там же, л. 106.
[4] Там же, д. 43, лл. 760—777.

нях было 1082 души мужского пола из числа пришлых[1]. Остальные 588 человек из 1670 всех поселенных осели на Колывано-Воскресенском, Барнаульском заводах и немногие в деревнях Белоярской слободы[2].

Параллельно с вселением пришлых царская администрация и заводское начальство занимались переселением в заводское ведомство крестьян из других мест Сибири на основе добровольности. Вопрос о добровольных переселенцах первым поставил перед правительством командир военных частей на юге Сибири генерал-майор Киндерман. 18 апреля он послал в Сенат донесение о необходимости заселения окрестностей Усть-Каменогорской крепости желающими переселиться в эти места крестьянами Белоярской слободы и Томского уезда. Киндерман сообщал, что около Усть-Каменогорской крепости уже побывали крестьяне Максим Землянинских и Василий Шибаев, нашли хорошие места и просили о переводе 29 семей «для поселения и пахоты хлеба»[3]. Не получив ответа, Киндерман написал в Сенат вторично в марте 1747 года, сославшись на этот раз на челобитную крестьян Ишимского дистрикта, которые тоже желали поселиться близ Усть-Каменогорской крепости[4]. После того как в это дело вмешалась Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, заинтересованная в том, чтобы за счет добровольных переселенцев пополнить население заводского округа, вопрос был решен положительно. Им занималась Сибирская губернская канцелярия. Ею в соответствующие ведомства было дано указание на местах разобраться, какие повинности несли пожелавшие переселиться крестьяне, не беглые ли они, а затем составить на них подробные списки, включая всех членов семей. После окончательного решения вопроса о переселении предписывалось взыскать с переселенцев все подати и недоимки и с сопроводительным конвоем отправить их к новому местожительству[5].

Никакой помощи переселенцам не оказывалось. Переселяться они должны были «своим коштом», то есть за свой счет. Официально отпускались они не на постоянное жительство, а на три года. Поэтому от каждой семьи

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 161, лл. 581—596.
[2] Там же, д. 105, все.
[3] Там же, д. 17, л. 25.
[4] Там же.
[5] Там же, лл. 32—34.

одного или нескольких человек оставляли на старом месте для того, чтобы там сохранить хозяйственную единицу и не допустить большой убыли населения в тех районах Сибири, откуда шло переселение. Однако поименная проверка показывает, что все переселившиеся в конце 40-х годов XVIII века продолжали жить в ведомстве алтайских заводов и в 1763 году.

Положение переселенцев было тяжелым. Не от легкой жизни отправлялись они на новые места. Взымание податей и недоимок перед отъездом усугубляло положение. Кроме того, прежде чем получить разрешение на переселение, крестьянин получал паспорт. Это было связано с трудностями. Надо было заплатить взятку чиновнику, чтобы получить документ, а с ним и право на выезд. О том, что такие случаи были нередки, свидетельствует предупреждение Сибирской губернской канцелярии от 15 января 1748 года, в котором местным чиновникам под угрозой штрафов и лишения всего движимого и недвижимого имущества запрещается волокитить дело с переселением, «а паче в даче пашпартов отнюдь бы взятков не было и оное запрещено под смертной казни»[1].

Большая часть добровольных переселенцев поселилась на военной линии (о них в 7-й главе), остальные осели по рекам Чарышу и Алею в ведомстве Колывано-Воскресенского завода. Общее число этой второй группы составило 128 душ мужского пола[2]. Расселены они были сначала в трех местах: крестьянин Юда Романов из д. Онохиной Ишимского дистрикта был поселен с семьей в основанной бердским керстьянином А. Быковым деревне Быковой на р. Алее. Две другие деревни — Поспелиху и Фирсову — основали сами добровольные переселенцы.

Поселенных в ведомстве Колывано-Воскресенского завода пришлых и переселенцев заводская администрация стремилась быстрее закрепить на новых местах. Уже в самом начале заселения Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства предписывала местным властям, чтобы «присланные на поселение из разных мест крестьяне и другие люди селились, домами и дворовыми строениями заводились и хлебопашество разводили порядочно, без лености и с прилежанием». Никакой помо-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 34.
[2] Там же, д. 43, лл. 192—197.

щи им не предусматривалось, а лишь приказывалось администрации «смотреть накрепко и к тому оных побуждать неослабно». Для выполнения этой задачи — «смотреть» и принуждать — на Колывано-Воскресенском заводе была выделена особая группа в составе капитана Шанского и шихтмейстера Звездочетова с помощниками. Эта группа действовала до 1751 года. Прекращение ее деятельности администрация объясняла тем, что к тому времени «все присланные по то время крестьяне в поселение уже разосланы были, к чему им и принуждение тогда чинилось»[1].

После этого контроль за поселенцами на местах был поручен старостам, сотникам и десятникам. Однако заводские власти уже в 1752 году отказались от такого порядка. Объяснялось это тем, что сотникам и другим выборным и без досмотра за закреплением поселенцев на новых местах работы было много, а главное, что старосты, сотники и десятники сами были крестьянами и неохотно выполняли по существу полицейские функции[2].

10 августа 1752 года заводская контора направила по всем подведомственным деревням комиссию в составе унтер-шихтмейстера Головина и подканцеляриста Шилова[3]. Эта комиссия довольно обстоятельно проверила хозяйство новопоселенцев и представила в колывано-воскресенскую заводскую контору соответствующие документы. В них подводились итоги заселения ведомства Колывано-Воскресенского завода пришлыми и переселенцами.

Оказалось, что заселение не получило того размаха, на который рассчитывала администрация. П. Старцев планировал основание 1358 крестьянских дворов, а на самом деле к осени 1752 года было вселено только 390 семей и 133 одиноких крестьянина, которыми в общей сложности было создано 379 дворов[4]. Из 63 мест, определенных для поселения, было в действительности заселено только 15, да в трех местах основаны форпосты. Зато новопоселенцы поселились еще в 22 пунктах, не предусмотренных П. Старцевым.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 4.

[2] Там же.

[3] Унтер-шихтмейстер — унтер-офицерский чин в горнорудном производстве. Следующий чин — шихтмейстер — был офицерским и соответствовал прапорщику в армии.

[4] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 7—14.

Ко времени работы комиссии Головина и Шилова новопоселенцы жили: во-первых, в возникших ранее (старожильческих) деревнях, учтенных второй ревизией и принятых от Демидовых; во-вторых, в деревнях, не учтенных ревизией, часть из которых возникла еще до 1745 года и была основана либо старожилами первых местных деревень, либо самовольными переселенцами из других ведомств; в-третьих, в основанных ими деревнях.

К первой группе относились деревни Карпова (Первочарышская), Порозиха, Кабанова, Калманка, Вяткина, Красноярская на Чарыше и Урюпина (Алейская); ко второй — Нечунаева, Безголосова, Зимина, Буранова, Шадрина, Новая на Оби, Усть-Карболиха, Качусова, Краснощекова, Харлова, Колыванская, Панюшева, Озерская, Шипунова на Алее, Кашина и Тугозвонова; к третьей — Чистюнька, Фирсова, Большая Курья, Усть-Янцева, Быкова на Алее, Хлопунова, Поспелиха, Красноярская на Алее, Бобкова (Склюиха), Гилева и поселение без названия между деревнями Калманской и Чистюнькой.

В 1752 году, уже после работы комиссии, несколько пришлых были поселены на Савинском станце у истоков реки Чистюньки[1]. Станец этот был основан раньше. В донесении крестьян д. Алейской от 31 марта 1747 года называется станец Ивана Симонова «Сова»[2]. Он и стал позднее называться Савинским станцем (ныне с. Савинка).

Старожильческой деревней была и включенная во вторую группу д. Тугозвонова. Раньше в ней жили раскольники, которые до мая 1746 года большей частью подвергли себя сожжению, а оставшиеся были арестованы и вывезены. Опустевшую деревню несколько месяцев караулили по приказу начальства крестьяне соседних деревень, а потом сюда поселили пришлых[3].

Обследование хозяйства новопоселенцев показало, что многие из них за 2,5—3 года, прошедшие со времени поселения, не смогли еще по-настоящему обзавестись хозяйством. В д. Большой Курье, например, на 11 семей и 3 одиноких крестьян не оказалось ни одного полностью построенного двора. 4 избы были только начаты. Сени имелись только у одной избы. Дворовых построек не было ни у кого. Из-за недостатка средств крестьяне объеди-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1. д. 105, лл. 42 и 47.
[2] Там же, д. 15, л. 456.
[3] Там же, д. 152, лл. 15—16.

нялись по нескольку семей и строили одну избу. Из четырех изб в этой деревне у одной было 4 хозяина, у другой — три, у третьей — два и только у четвертой — один хозяин[1].

В ряде деревень дело обстояло несколько лучше, но и в них некоторые крестьяне не имели своих изб, другие имели избы без крыши, третьи объединялись по нескольку семей для строительства общей избы. Почти все крестьяне объясняли это недостатком средств («скудостью»), и только те, кто был поселен в 1752 году, ссылались на недостаток времени, прошедшего с момента заселения.

С большими трудностями было сопряжено заведение пашни. Не хватало семян, орудий, далеко не все сумели обзавестись лошадьми. Заводская контора в 1752 году сообщала, что некоторые крестьяне не могли «исправлять» заводские работы, так как «за всеконечною нуждою лошадей купить чем не имеют»[2].

Однако, несмотря на трудности, новопоселенцами в 1752 году было засеяно почти 1030 десятин, из них около 98 — рожью, свыше 453 — ярицей, 218 — пшеницей, около 177,5 — ячменем, 73 — овсом[3].

Размеры пашни у разных крестьян были неодинаковыми. Материалы комиссии Головина и Шилова позволили составить следующую таблицу.

Из 523 семей и одиноких крестьян, учтенных в 1752 году,

не имели посева	80
имели посев до 1 десятины	151
» » до 2 »	127
» » до 3 »	57
» » до 4 »	44
» » до 6 »	45
» » до 10 »	14
» свыше 10 десятин	5

Наибольшее количество земли засевали крестьяне, прибывшие из ведомств Бердского и Чаусского острогов, Белоярской и Малышевской слобод, а также добровольные переселенцы, наименьшее — присланные из Иркутска. В д. Большой Курье, целиком заселенной пришлыми из Иркутска, не было ни одной семьи, у которой имелось

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 15—16.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 5.

бы под пашней более трех четвертей десятины, а вся посевная площадь деревни была менее 7 десятин[1]. И противоположный пример: в д. Фирсовой, заселенной переселенцами из Ишимского и Ялуторовского дистриктов, общая площадь посева оказалась около 88,5 десятины, из 26 хозяев 14 имели посевы каждый свыше 3 десятин[2].

Крестьяне, выселенные из деревень ближайших ведомств, имели возможность прибыть на новое место с некоторым запасом. В одном из приказов, направленных Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, прямо предлагалось, чтобы высылаемые на поселение крестьяне «взяли для пахоты хлеба сохи и для кошения сена косы и себе на пропитание запасу на два месяца»[3]. С запасом и на своих лошадях прибывали и добровольные переселенцы. Ничего подобного нельзя было требовать с пришлых, которых гнали на Алтай из Иркутска или других отдаленных мест. Они являлись на поселение лишь, как говорили тогда, «душой», то есть без всякого имущества.

Поселение пришлых и добровольных переселенцев в короткий срок увеличило земледельческое население в бассейнах рек Чарыша и Алея. Заводские власти получили возможность использовать на заводских работах труд живших поблизости крестьян. Цель, которая ставилась в 1747 году, была достигнута. Как ни мало поворотлива была царская администрация, она справилась с поставленной задачей, хотя и не в тех масштабах, как намечалось.

1747—1752 годы были временем наиболее активных действий правительства по заселению верхнего Приобья. Ни раньше, ни позднее на протяжении всего XVIII века такой активности властей в заселении края не было. Но даже в эти годы роль администрации в колонизации верхнего Приобья не следует преувеличивать. Переселенцы из Ишимского и Ялуторовского дистриктов и добровольцы из других мест сами были инициаторами поселения на Алтае.

Даже при насильственном вселении пришлых проявлялась собственная инициатива крестьян. Было немало и таких, кто шел на поселение без сопротивления. На-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, лл. 15—16.
[2] Там же, лл. 31—32.
[3] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 73.

пример, бердский крестьянин Агафон Быков, считавшийся пришлым, воспринял указ о поселении при Колывано-Воскресенском заводе не как насилие, а как разрешение переселиться на юг, куда и ранее проникали крестьяне Бердского ведомства. Он даже обогнал приказ о своем переселении и еще до того, как этот указ был получен колывано-воскресенской заводской конторой, подал прошение о разрешении поселиться у реки Алея.

В декабре 1747 года крестьяне Екатеринбургского ведомства (Лаврентий Хабаров «с товарищи»), терпевшие недостаток в пахотных землях и сенных покосах, писали в прошении: «Ныне уведомились мы... что... велено явившихся по нынешней генералитетской переписи в Сибири пришлых для поселения высылать на Колывано-Воскресенский и другие заводы, и ради того мы именованные для поселения на оные заводы желание имеем и положенные на нас государственные подати и заводские работы зарабатывать будем без всякого отрицания и отговорок. Того ради... просим по желанию нашему для поселения на помянутые Колывано-Воскресенские и другие заводы нас... принять, понеже, как слышно, что тамо места к житию человеческому изобильныя, також пахотных земель и сенных покосов довольно...»[1]

Перспектива приписки к заводам, бесспорно, не могла не ограничивать желания переселения на Алтай. Но в данном случае, как видим, эта перспектива крестьян не пугала. Стремление поселиться на плодородных землях верхнего Приобья оказывалось сильнее.

При расселении на Алтае пришлые подчас вносили коррективы в распоряжения властей. Так, для группы крестьян из Иркутска было определено место поселения у впадения р. Колыванки в р. Локтевку. До 1752 года во всех документах там значилась д. Усть-Колыванская, и только в этом году власти установили, что на самом деле крестьяне поселились ниже по Локтевке и основали д. Большую Курью[2].

Таким образом, даже в 1747—1752 годах при заселении верхнего Приобья проявлялась крестьянская инициатива.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 23, лл. 1—3.
[2] Там же, д. 43, лл. 770, 773, 774 и д. 152, лл. 16—35.

ГЛАВА V

ВНЕШНИЙ ПРИТОК КРЕСТЬЯНСТВА НА АЛТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во второй половине XVIII века продолжался приток крестьянства на территорию верхнего Приобья. Следует различать два вида миграции: приток из мест, расположенных за пределами Алтайского горного округа, и переселение крестьянства из других заводских ведомств округа. Для прибывших из-за пределов горного округа поселение на Алтае чаще всего было сопряжено с приписной к заводам. Во втором же случае крестьяне лишь меняли местожительство, а в их социальном положении никаких изменений не происходило.

Приток крестьянства на территорию верхнего Приобья из мест, не входивших в заводское ведомство, после 1752 года до конца XVIII века не носил массового характера. Оно и понятно: резервы для насильственного заселения были исчерпаны, а добровольное переселение, во-первых, ограничивалось перспективой приписки к заводам, во-вторых, и это главное, ограниченными возможностями крестьянского передвижения в условиях феодализма с его непременным прикреплением крестьян к земле. Даже государственный крестьянин не имел права без разрешения властей и соответствующих документов изменить свое местожительство. Самовольный уход, бегство по мере укрепления царской администрации на местах становилось все сложнее. Однако внешняя миграция на Алтай, хотя и в меньших, чем раньше, масштабах, продолжалась.

Уже в первые годы деятельности Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства было выявлено,

что среди приписных крестьян живет немало людей, самовольно переселившихся из разных мест России и не приписанных к заводам. 24 июля 1759 года Сенат издал указ о дополнительной приписке к алтайским заводам в Томском и Кузнецком уездах 12823 душ мужского пола или сколько их при проверке действительно окажется. Сибирская губернская канцелярия произвела проверку наличия населения в деревнях, подлежавших новой приписке. Установили, что приписать следует не 12823 души, а 14978 душ мужского пола[1].

Заводская администрация не удовлетворилась этими данными и приказала в августе 1760 года судным и земским избам вновь приписываемых к заводам «разночинцев и крестьян с их женами и детьми, сколько оных в наличии имеется... описать и сочинить именные списки с летами». Такие списки были составлены и на их основании произведена приписка к заводам[2].

В 1760 году к алтайским заводам было приписано:

в ведомстве	Бердского острога	— 112	душ.	муж. пола
»	Чаусского острога	— 4714	»	»
»	г. Томска	— 4627	»	»
»	Сосновского острога	— 4159	»	»
»	г. Кузнецка	— 3572	»	»
»	Белоярской слободы	— —	»	»
»	Малышевской слободы	— —	»	»
»	Бийской крепости	— 508	»	»
в Красноярском уезде к Ирбинскому заводу		— 170	»	»

Кроме того, к алтайским заводам были приписаны 2463 души мужского пола пришлых и добровольных переселенцев, о поселении которых рассказано в предыдущей главе. В это же число вошло некоторое количество самовольных переселенцев.

Самовольных переселенцев указом от 24 июля 1759 года предписывалось отдать немедленно в полное ведомство Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Хотя к горному начальству часто поступали требования вернуть их на прежнее местожительство, заинтере-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 285, лл. 1—2.

[2] Там же, д. 74, лл. 254—317, 319—327, 329—333, 338—534, 536—581, 603—656.

сованная в заселении края заводская администрация весьма редко шла на выдачу беглецов.

После третьей ревизии (1763 г.) внешний приток населения на территорию верхнего Приобья из-за пределов горного округа был незначительным. Горное начальство стремилось учитывать и регулировать этот приток.

Большая часть переселенцев прибывала на Алтай с «покормежными» билетами, то есть с документами, дававшими право отправляться на заработки на длительный срок в отдаленные места, задерживалась дольше положенного срока, выбирала места для поселения. Затем такие поселенцы обращались с просьбами о поселении на заводских землях. Отпуск с покормежной был довольно распространенным явлением. Делать это приходилось крестьянам, попавшим по той или иной причине в крайнюю нужду.

Из мест, куда направлялись покормежники, территория ведомства алтайских горных заводов особенно привлекала: плодородие земли, возможность вольного найма на заводы и рудники. Однако надежды на заработки, как правило, не оправдывались. Часто не было средств даже на обратную дорогу.

Крестьяне-покормежники хорошо понимали, что получить разрешение поселиться на алтайских землях можно лишь при условии приписки к заводам, и поэтому, как правило, подавая просьбу, сразу же заявляли о своем согласии выполнять все обязанности, установленные для приписных. Так, в 1777 году нарымский крестьянин Степан Костырев, прося о поселении в д. Язовой, писал: «...и желание имею для платежа подушных и оброчных денег и отправления заводских работ и протчего к здешним заводам»[1]. В 1774 году тарский крестьянин Степан Пешков просился на поселение в ведомство Малышевской слободы в д. Каргаполову и брал на себя обязательство «подушный оклад платить или за оный заводскими и горными работами зарабатывать» наряду с заводскими крестьянами[2].

Необходимость приписки к заводам, по мнению крестьян, компенсировалась хорошими естественными условиями для сельскохозяйственного производства, лучшими, чем на прежних местах жительства. В 1787 году перм-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 614, л. 288.
[2] Там же, д. 763, л. 10.

ский крестьянин Самойло Златкин, прося о приписке в д. Чистюньке Шадринской слободы, писал: «...усмотрел я в означенной деревне к хлебопашеству и скотоводству пашенных земель и сенных покосов весьма против прежнего моего жительства достаточнее, почему и возымел желание поселиться»[1]

Поселяя покормежников, заводская администрация стремилась закрепить их на новых местах, применяя для этого систему поручательств. Например, в 1778 году в указе Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о приеме в заводское ведомство тарского государственного крестьянина Назара Свидерского было записано: «...его Свидерского препоручить тамошним жителям, чтоб никуда не збежал и жил постоянно, а ежели збежит, то за него поручателям подушные деньги платить и за оные работы исправлять безоговорочно»[2].

Почти все известные по документам ГААК поселенные при заводах покормежники были до этого государственными крестьянами. Люди других категорий встречались крайне редко. Среди них — жители городов: разночинцы, посадские. Они, как правило, поселялись на жительство в самом Барнауле.

1 мая 1779 года был издан указ об учреждении Колыванской области; Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была закрыта. Ее хозяйственные функции перешли к Колыванской горной экспедиции, а судебные и административные — к судебному департаменту и уездным учреждениям: нижним земским судам и расправам[3]. В связи с этим вопросы крестьянских переселений перешли в ведение местных государственных учреждений. Переселенцев из других губерний России приписывать к заводам было запрещено. Пока шло формирование нового областного управления, продолжавшая функционировать Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства вообще отказывалась решать просьбы о переселениях. Только в 1782 году, во время четвертой ревизии, эти прошения были рассмотрены. Покормежники и другие переселенцы, не приписанные к заводам, были зачислены в категорию государственных крестьян.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 728, л. 80.
[2] Там же, д. 614, л. 391.
[3] Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. 20, № 14868.

Количество их из-за неполноты ревизских данных 1782 года на время четвертой ревизии удается восстановить по более поздним материалам. Оказывается, что в 1782 году в Бийском уезде, который занимал тогда большую часть нынешнего Алтайского края, было записано 110 государственных крестьян. Кроме этого, 42 души мужского пола государственных крестьян было учтено в Барнауле. Сначала они числились по Нижнебарнаульской слободе как крестьяне, но позднее почти все перевелись в мещане и купечество[1].

В Бийском уезде числилась также целая Ново-Енисейская слобода (позднее Смоленская волость) неприписного земледельческого населения, но о них будет речь в отдельной главе.

После 4-й ревизии поселение покормежников на территории верхнего Приобья продолжалось, но сопровождавшая его процедура стала много сложнее.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, объединяя в своих руках руководство заводами и административную власть, раньше решала эти вопросы, сообразуясь часто лишь с нуждами кабинетского хозяйства, и не всегда обращалась в те местные государственные организации, из ведомства которых прибывали покормежники. В 80—90-е годы каждая просьба о переселении стала обрастать массой бумаг: запросов, справок, ответов. Решение вопроса часто затягивалось на долгое время. Например, в августе 1791 года с просьбой о поселении в д. Боровиковой Шадринской слободы обратился государственный крестьянин Трофим Ширяев, прибывший с покормежной из Вологодского наместничества. Только в феврале 1796 года колыванские власти решили закрепить Ширяева в своем ведомстве[2].

Следует иметь в виду, что причиной этого не была какая-то особая неповоротливость колыванской администрации по сравнению с Канцелярией горного начальства. Прибывших на территорию горного округа извне не разрешалось превращать в приписных, и в этом все дело. Местное начальство очень неохотно шло на увеличение числа государственных крестьян среди приписных. Государственные крестьяне подвергались значительно меньшей эксплуатации, и это не могло не побуждать припис-

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 56—70.
[2] Там же, д. 728, лл. 311—317.

ных к борьбе против эксплуатации их заводскими властями.

Не случайно поэтому в период между 4 и 5-й ревизиями (1782—1795 гг.) поселение на территории горного округа крестьян, прибывших извне, было весьма ограниченным. В Бийском уезде за это время поселилось всего 3 государственных крестьянина, да и то из ближайших Крутоберезовской и Усть-Каменогорской слобод. На территорию Колыванской слободы прибыло всего 6 неприписных: 5 добровольных переселенцев из европейской части России и один ссыльный.

Иная обстановка складывалась в западной части верхнего Приобья, где были значительные резервы неосвоенной территории. Местная администрация, заинтересованная в заселении земель по рекам Бурле, Карасуку, Чулыму, не препятствовала поселению здесь государственных крестьян. В ведомстве Бурлинской слободы к 1795 году их насчитывалось 111 душ мужского пола[1].

В другие верхнеобские слободы Колыванского уезда с 1782 по 1795 год прибыло государственных крестьян: в Малышевскую слободу — 24 души мужского пола, в Кулундинскую — 55, в Чингисскую — 33, в Ордынскую (если учитывать только ту часть, которая входила ранее в Малышевскую слободу) — 12[2].

В целом по всей территории верхнего Приобья внешний приток населения из-за пределов горного округа становился все меньшим. В отличие от этого переселение приписных крестьян на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств длительное время было довольно значительным.

С массовым сдвигом населения на юг Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства столкнулась с самого начала своей деятельности. В июле 1748 года был составлен список бердских крестьян, и при этом оказалось, что значительная часть их фактически жила в то время в различных деревнях Малышевского, Белоярского и Бийского ведомств[3]. Подобная же картина была и в Чаусском остроге.

Несоответствие между ведомственной принадлежностью крестьянина и фактическим местожительством

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 442.
[2] Там же, ф. 169, о. 1, д. 827; д. 776; д. 781; д. 838.
[3] Там же, ф. 1, о. 1, д. 19, лл. 86—94.

оказалось обременительным для крестьян и неудобным для заводских властей. Например, чаусский крестьянин, живший в пределах Малышевской слободы, вынужден был нести мирские повинности по Чаусскому острогу и оттуда же получал назначения на заводские работы. В Чаусском остроге должен был решать этот крестьянин и все другие вопросы, входившие в компетенцию земских и судных изб. С другой стороны, местные власти Чаусского острога испытывали большие затруднения в использовании крестьян на заводских работах, в принуждении их к выполнению мирских повинностей. Переселившимися в другие ведомства крестьянами управлять было трудно. В то же время в том ведомстве, куда переселился крестьянин, возникала путаница. В одной и той же деревне оказывались крестьяне, подчиненные и не подчиненные местным властям.

На новом месте переселенец был чуждым элементом и жил под постоянной угрозой выселения на прежнее местожительство.

Для феодализма характерно прикрепление крестьянина к земле. В ведомстве Колывано-Воскресенского горного начальства это прикрепление оформлялось записью крестьянина во время ревизии в определенной деревне и в определенном ведомстве слободы или острога. Обилие свободных земель, подвижность пашни при перелоге делали нецелесообразным прикрепление крестьянина к определенному земельному участку. Вполне достаточным было закрепление земледельца за той или иной административно-территориальной единицей и деревней. Самовольные переселения крестьян нарушали этот феодальный порядок, и власти должны были решать, либо выселять крестьянина на прежнее местожительство, либо юридически закреплять его на новом месте. А так как сдвиг населения на юг, ближе к заводам, был выгоден заводской администрации, то решение вопроса о самовольных переселенцах почти всегда осуществлялось вторым способом.

Нередко инициатива в этом исходила от самих крестьян. Так, в мае 1750 года в Канцелярию горного начальства обратились выборные от бердских и чаусских крестьян Антон Соколов и Трофим Казанцев. Пославшие их крестьяне жили по рекам Оби, Ине, Ануе и их притокам в деревнях Тырышкиной, Завьяловой, Шипуновой, Соколовой, Большой Речке, Иконниковой, Савиновой и

Инской. Крестьяне сообщали, что поселились они на новых местах немало лет тому назад, а по ревизии числятся по-прежнему в Бердском и Чаусском острогах, на большом расстоянии от их новых жилищ. Крестьяне просили причислить их к тем ведомствам, где они действительно жили[1]. По заданию Канцелярии, как уже отмечалось, были составлены росписи бердских и чаусских крестьян, переселившихся в южные ведомства, и на основании этих списков крестьяне были зачислены по новым ведомствам. Оформление этого было поручено Пимену Старцеву. Сохранились сведения, что в 1751 году он отчислил из Бердского острога 222 души мужского пола, из Чаусского — 33[2].

В 50-х годах XVIII века была также произведена приписка к Малышевскому ведомству крестьян, поселившихся на р. Кулунде. Еще в 1748 году при оформлении приписки к заводам новой большой группы крестьян в соответствии с указом от 1 мая 1747 года П. Старцев установил, что часть бердских и чаусских крестьян живет по р. Кулунде двумя деревнями. Одна из них называлась Черемшанской, а другую долгое время обозначали как деревню на р. Кулунде, и только с 1755 года в документах появляется название этой деревни — Андронова.

В 1755 году власти решили разобраться с этими деревнями. Была сделана попытка установить время и основание переселения. Малышевская судная изба сообщила, что бердские и чаусские крестьяне «в оные кулундинские деревни переехали и своими домами поселились без письменных видов», хотя некоторые из них ссылались на разрешение демидовского приказчика Г. Сидорова. Из Бердского острога сообщили, что «вышепоказанные бердские крестьяне на Кулунду переехали в давних годах, а по каким указам и в каких годах, того в Бердской судной избе ничего не сыскано»[3]. Удалось установить, что одним из основателей д. Черемшанской был бердский крестьянин Евдоким Жарков, а д. Андроновой — крестьянин д. Атамановой Бердского острога Андрон Гуляев[4].

Только после того как на Кулунде побывал начальник заводов Христиани, в июне 1756 года крестьянам бы-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, л. 575.
[2] Там же, д. 97, лл. 373—377, д. 209, лл. 576—577.
[3] Там же, д. 209, лл. 577—578.
[4] Там же, л. 574.

ло разрешено жить на р. Кулунде «невозбранно», только других переселенцев к себе не пускать[1].

В 1757 году был произведен учет крестьян, живших не в своих ведомствах. Результаты оказались следующими: в Белоярской слободе оказалось переселившихся из других ведомств 337 душ мужского пола, годных для заводской работы, да 303 души не годных для работы на заводах и выбывших, за которых крестьяне продолжали выполнять повинности. Больше всего переселенцев было из ведомства Бердского острога — 227 годных и 218 негодных и выбывших. В Малышевской слободе оказалось 246 переселенцев мужского пола (годных, не годных для заводской работы и выбывших). В ведомстве Колывано-Воскресенского завода — 25; по Бийскому ведомству — 27. В это число не вошли те крестьяне, которых уже приписали на новых местах до 1757 года[2].

В 1760 году впервые были приписаны к заводам переселенцы из Кузнецкого уезда, поселившиеся на территории верхнего Приобья. Ими были основаны в Бийском ведомстве деревни Малая и Большая Угреневы, Локтевая, Дупленская, Тарабинская и Колонкова. Часть неучтенных переселенцев была найдена в приписанных ранее деревнях. Всего в 1760 году в Бийском ведомстве было приписано 508 душ мужского пола[3].

В том же 1760 году население ведомства Малышевской слободы увеличилось за счет приписки к этому ведомству деревень Кырзинской, Панкрушихинской, Бурлинской, Волчьей и Камня.

Окончательное закрепление всех поселившихся на территории верхнего Приобья крестьян за новыми ведомствами произошло во время третьей ревизии — в 1763 году. После этого о крестьянах уже не писали: «бывший бердский», «бывший чаусский».

После 1763 года приток крестьянства на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств не прекратился. Заводские власти стремились держать в своих руках дела, связанные с переселением крестьян. Часто администрации удавалось решать вопрос до действительного переселения. Однако и после 3-й ревизии было немало фактов серьезного отставания документального

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, лл. 175—180.

[2] Там же, д. 211, л. 254.

[3] Там же, д. 283, лл. 99—113; д. 830, лл. 1—33; ф. 169, о. 1, д. 231.

оформления перемещений от процесса крестьянской миграции. Крестьянская инициатива опережала, и Канцелярии, как и в первые годы деятельности, приходилось разбирать дела о переселении после того, как оно произошло.

Так, в 1770 году большая группа крестьян Томского ведомства «по самопроизвольному их желанию для житья и произведения хлебопашества» переселилась в ведомства Белоярской, Малышевской и Красноярской слобод. Канцелярии горного начальства ничего не оставалось как объявить о причислении самовольных переселенцев к новым местам[1].

В 1779 году томский крестьянин А. Болтовский самовольно переселился в д. Трубачеву Малышевской слободы. В 1781 году он обратился с прошением о переселении, уже имея на новом месте собственный дом, пашню и 30 голов скота. Переселение разрешили[2].

Причины самовольных переселений и просьбы о переселении оставались теми же, что и в более ранние годы, и носили преимущественно экономический характер. Крестьяне ссылались на удаленность от заводов и трудности в связи с этим в выполнении заводских работ. Переселялись в места, где были свободные земли, удобные для хлебопашества и скотоводства, ближе к заводам и рудникам.

Заводское начальство вообще, как уже отмечалось, положительно относилось к таким просьбам. Сдвиг населения на юг был выгоден администрации. Но тем не менее разрешение на переселение оговаривалось непременными условиями. Для получения права на переселение требовалось:

чтобы новое место находилось ближе к заводам и рудникам и располагалось на водном пути или проезжей дороге;

чтобы там действительно были земли, не занятые другими крестьянами;

чтобы у просителя не было долгов и крестьяне той деревни, откуда он уходил, не возражали против переселения;

чтобы крестьяне тех деревень, куда происходило переселение, или соседних деревень, если избрано «порож-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 576, лл. 1—2.
[2] Там же, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 66.

нее» место, также не возражали против поселения новых жителей;

чтобы селились крестьяне деревнями, а не однодворками.

Конкретных примеров, подтверждающих обязательность этих условий, более чем достаточно.

В 1773 году крестьянин Чаусского ведомства Т. Захаров получил разрешение на переселение в Лушникову заимку ведомства Малышевской слободы, поскольку новое место оказалось ближе к заводам, были в наличии и свободные земли[1].

В указе, разрешавшем в 1773 году переселение томскому крестьянину Д. Саламатову в д. Прижимову (Касмалинскую), прямо указывалось, что разрешается переселение «в рассуждение близости к рудникам»[2].

В 1775 году заводское начальство отказало в переселении томским крестьянам Гречанину и Малютину в ведомство Малышевской слободы: первого не приняли крестьяне д. Нижнесузунской из-за недостатка свободных земель, второй имел долги в прежнем местожительстве[3].

В 1773 году было отказано в переселении в д. Каргаполову крестьянам Ереминым, потому что крестьяне этой деревни «их Ереминых в обчество не принимают, потому что при этой деревне пашенных земель в близости нисколько не имеется и сами через 15 и более верст хлебопашество производят, сенных покосов и скотских выпусков за многолюдством живущих тут весьма мало»[4].

В ряде случаев Канцелярия горного начальства предлагала решившим переселиться крестьянам другое место, если избранное ими оказывалось неприемлемым. Например, в начале 70-х годов заводские власти усиленно настаивали на поселении на новую дорогу к Каинскому форпосту.

Так, в 1773 году чаусским крестьянам Ведерникову, Елину и Устюженину после отказа в поселении у д. Панкрушихи было предложено: «...а не пожелают ли они поселиться на вновь проложенной отсюда к Каинскому форпосту дороге, а именно на речках Карасуке, Олешихе, Озерной, Кучуке, Опачихе, Багане, Сарталайке,

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 78.
[2] Там же, лл. 541—542.
[3] Там же, д. 736, лл. 168—172.
[4] Там же, д. 620, л. 159.

при озерах Булатовых, Гусинных, Горском»[1]. Подчас власти прибегали к прямому принуждению. В 1774 году крестьянин Сарапулов самовольно поселился в д. Овечкиной Малышевской слободы. Его за это наказали, и после наказания плетьми Сарапулов «изъявил желание» вместе с отцом переселиться на р. Чулым. Вскоре они основали д. Чулымскую[2].

Разрешая крестьянам переселяться на новые места, заводские власти переводили вместе с ними души выбывших, за которых переселенцы выполняли повинности на старых местах. Так, в 1775 году было разрешено поселиться в д. Высокой Гриве чаусским крестьянам Бурматовым. С ними была перечислена и душа умершего крестьянина Третьякова[3].

В 1775 году Чаусская земская изба сообщала, что в ее ведомстве оказалось много выбывших душ, за некоторых из них повинности должны были выполнять крестьяне, выехавшие в другие ведомства. По указу Канцелярии от Чаусского острога были отчислены и приписаны к Малышевскому ведомству 37 умерших и взятых в рекруты. Поселившиеся в ведомстве Малышевской слободы бывшие чаусские крестьяне должны были нести за них повинности до новой переписи.

Стремясь закрепить переселенцев на новых местах, власти использовали удобную для них систему поручательства. Новоселы либо сами находили среди старожилов согласных поручиться за них, либо поручатели назначались начальством. В случае бегства или самовольного отъезда новосела поручатели несли за них повинности. Иногда разрешали селиться без поручательства, но для этого переселенец должен был доказать свою надежность. Если он быстро обзаводился двором и пашней, то тем самым снимал с себя подозрение в намерении бежать. В 1772 году в ведомстве Малышевской слободы было выявлено 133 души мужского пола новоселов, поселившихся в 1767—1772 годах и не имевших поручательства. Только после того как проверкой было установлено наличие у крестьян пашен и дворов, Канцелярия разре-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, лл. 219—222.

[2] Там же, д. 667, лл. 112—120.

[3] Там же, д. 736, лл. 206—209. Поскольку ревизская душа считалась наличной до новой ревизии и за нее нужно было платить подати, мертвая душа записывалась за переселенцем, «причислялась» на новом месте.

шила Малышевской земской избе с этих новоселов поручателей не требовать[1].

Как правило, Канцелярия охотнее разрешала переселение сравнительно зажиточным крестьянам. Ближе к заводам власти хотели иметь таких крестьян, которые могли выполнять заводские работы на своих лошадях и обеспечивать заводы и рудники провиантом.

Были однако и обратные случаи, когда при организации насильственного переселения отбирались неимущие и малоимущие крестьяне. В октябре 1771 года Канцелярия горного начальства дала указание Чаусской земской избе учесть всех «шетающихся и неимеющих домов и хлебопашества для переселения их в близости от заводов».

В списке, составленном Чаусской земской избой, значились 145 душ. Среди них Макар Большаков и его дети, о которых сообщалось: «...все оные не имеют дому и хлебопашества своего, а шетаются у разных крестьян по срокам»; Наум Достовалов — «хотя ветхий дом имеют, но только беспахотные и хлебопашеству нерачительные, а шетаются по срокам», то есть нанимаются на работу на определенные сроки. Из этих крестьян Канцелярия решила годных к заводской работе взять в рекруты вместо сыновей из состоятельных семей, а остальных с семьями поселить у р. Алея между деревнями Ново-Алейской и Склюихинской, назвав эту деревню Алейской. Не все назначенные сюда действительно переселились. Некоторым удалось доказать свою состоятельность, и их оставили на прежних местах жительства. Другие осели по пути в селе Кашино, не имея возможности добраться из-за «изнурения лошадей и крайней скудости». Остальные поселились на назначенном месте в половинном расстоянии между деревнями Ново-Алейской и Склюихинской, основав д. Алейскую, которую, чтобы не путать с другой, сходной по названию, стали вскоре называть Половинной. Ныне это село Половинкино[2].

Второй важной причиной насильственного переселения приписных крестьян в верхнее Приобье было строительство Томского железоделательного завода. 28 февраля 1769 года Кабинет принял решение вместо взятого в казенное ведомство Ирбинского завода, расположенного в

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, лл. 65—70.
[2] Там же, лл. 1—11, 334—336, 263—264; д. 667, л. 165.

бассейне р. Енисея, построить завод на реке Томь-Чумыш — около нынешней границы между Алтайским краем и Кемеровской областью. Для обеспечения нового завода рабочей силой было решено перевести работных людей и мастеровых с Ирбинского завода, а также приписанных к этому заводу крестьян, которых, согласно данным 3-й ревизии, насчитывалось 198 душ мужского пола. Ирбинской конторе было приказано объявить приписным крестьянам, что «около Томского завода как пашенных земель, так и сенных покосов имеется со удовольствием, и для того не пожелают ли кто переехать поселиться при том заводе». Вскоре заводское начальство, не считаясь с желанием крестьян, распорядилось всех ирбинских приписных переселить к Томскому заводу на р. Уксунай. Часть крестьян умерла после ревизии, двое взяты в рекруты, поэтому в действительности в д. Уксунайской поселили 161 душу мужского пола с семьями[1].

Насильственное переселение тяжело отразилось на крестьянах. На старых местах у некоторых остались не только дома, но и хозяйство. «А в нынешней деревне, — писали крестьяне в 1782 году, — хотя мы сколько не прилагали старания, но скотоводство развести не можем, ибо почти ежегодно оным бывает падеж, да и хлебопашество производить негде, потому что деревня поселена при чернолесье, и сенные покосы в дальнем расстоянии, да и то единственно по дубравам, почему мы ныне и приходим в крайний недостаток и разорение»[2]. Некоторые просились обратно на Енисей, но в этом было отказано. Ирбинский завод уже продали частному лицу, земли вокруг него не входили больше в кабинетские владения.

В период между 3 и 4-й ревизиями (1763—1782 гг.) на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств переселились 1937 душ мужского пола, в том числе в ведомство Малышевской слободы — 879, Белоярской — 771, Красноярской — 211, Бийской — 76. В Малышевское ведомство больше всего переселилось крестьян из ведомства Чаусского острога (в том числе из деревень Каинского форпоста) — 561 душа мужского пола. В ведомство Белоярской слободы главным образом прибыли крестьяне, подчиненные Кузнецкой земской

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1427—1485.
[2] Там же, д. 97, л. 361.

конторе (279), Ирбинскому заводу и Сосновскому острогу[1].

В 80—90-е годы XVIII века приток крестьянства на территорию верхнего Приобья резко сократился. Об этом наглядно свидетельствуют материалы пятой ревизии (1795 г.). С 1782 по 1795 год в Бийский уезд, занимавший большую часть верхнего Приобья, переселились из других заводских ведомств всего 38 душ мужского пола, в том числе из Кузнецкого уезда 34. Из этих 34 крестьян 24 осели в Уксунайской слободе, то есть в непосредственной близости к Кузнецкому уезду[2].

Подобная же картина была в верхнеобских слободах Колыванского уезда. В Малышевскую слободу, например, за эти годы переселилось всего 3 томских крестьянина[3]. В Кулундинскую слободу переселилось также только 3 крестьянина из того же Томского уезда, в Чингисскую — 14 человек из Кайлинской слободы, но это было переселение в пределах Колыванского уезда. На юге верхнего Приобья, в Колыванской слободе, поселилось всего 3 крестьянина из Кузнецкого уезда[4].

Миграция крестьянства на территорию верхнего Приобья из других заводских ведомств сыграла огромную роль в заселении этого края. Используя и во многих случаях поощряя эти переселения, заводская администрация получила значительное увеличение населения именно в той части подведомственной территории, заселение которой было особенно нужно для заводского производства.

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, дд. 181, 182, 192, 220, 221, 188, 227, 231.
[2] Там же, д. 822, лл. 56—70.
[3] Там же, д. 827, все.
[4] Там же, дд. 776, 781, 847.

ГЛАВА VI

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА НА АЛТАЕ

Внешний приток населения при освоении новых территорий играет главную роль лишь в начальный период колонизации и приобретает немалое значение в годы массового дополнительного заселения, подобного крестьянскому переселенческому движению в Сибирь во время столыпинской реакции. Все остальное время основная работа по освоению территории выполняется путем внутренней миграции. Население, увеличиваясь отчасти благодаря внешнему притоку, а главным образом за счет естественного прироста, постепенно растекается по новой территории, проникает во все ее уголки, создает новые деревни, заводит новые пашни. На смену отдельным населенным очагам приходят заселенные территории. Процесс внутренней миграции становится особенно сильным после закрепления новой области в составе России и исчезновения непосредственной опасности внешних вторжений.

Начало внутренней миграции крестьянства на верхней Оби восходит к раннему этапу колонизации этой территории. Первые поселенцы не оставались длительное время на одном месте, искали лучшие промысловые угодья, более удобные места жительства. Промысловые избушки забрасывались, заводились другие. Первые маленькие деревни подчас исчезали полностью. Так, еще до 1747 года были заброшены на Чарыше деревни Вяткина, Быкова, а несколько позднее — Обухова, Кириллова и Усть-Комариха.

Со временем, особенно после 1747 года, ослабление, а затем и исчезновение опасности нападения кочевников позволило крестьянам изменить принцип выбора мест

для деревень. Раньше деревни жались к крепостям и острогам, укрывались за водными рубежами. В новых условиях появилась возможность широкого освоения территории, выбора мест не из соображений безопасности, а по экономической выгодности. Новые условия позволили ликвидировать относительную перезаселенность первых очагов земледелия. Резко сократилось население Белоярской слободы, да и сама слобода от крепости была перенесена на другое место. На протяжении XVIII века продолжали в результате внутренней миграции исчезать целые деревни. Так, между 3 и 4-й ревизиями в ведомстве Белоярской слободы исчезли деревни Черемная на перевозе, Огурцова, Климова, Рындина, Боровлянская[1].

Причины внутренней миграции сходны с причинами переселения крестьян из других заводских ведомств. Они преимущественно экономического порядка: недостаток, низкое качество или удаленность от деревни пахотных земель, покосов и угодий, удаленность от заводов, дорог, подверженность прежнего местожительства стихийным бедствиям. Среди всех этих причин главными были связанные с хлебопашеством — основным занятием крестьянства. Система земледелия того времени на территории верхнего Приобья была довольно примитивной. Севооборот не применялся, удобрения, как правило, не вносились. Распахав целину, крестьянин несколько лет сеял на ней, а с убылью плодородия пашни забрасывал ее и запахивал новую. Со временем приходилось пахать все дальше и дальше от деревни, а это уже было сопряжено с определенными трудностями. Чтобы не терять времени и сил на переезды, не оставлять надолго пашню без присмотра, крестьянин заводил заимку и, если место было удачным, окончательно поселялся там. На месте заимки вырастала новая деревня.

В районах раннего заселения, где деревень было больше, заведение новых пашен иногда затрагивало интересы крестьян соседних деревень. В таких случаях начинались поиски более отдаленных мест. В результате в хозяйственный оборот вводились новые районы верхнего Приобья, в которые подчас первые поселенцы даже не заглядывали.

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181, лл. 319—320, д. 221, лл. 909, 911, 925, 952—954.

В фондах ГААК сохранилось множество документов, раскрывающих причины крестьянских переселений. Например, в 1764 году крестьяне д. Зудиловой ведомства Белоярской слободы Игнатий Голубцов, Ларион Веснин и др. сообщали, что в Зудиловой они живут уже 40 лет, «где пашенные земли опахались и скотские выпуски обросли лесом, к тому же оное место к житию нездоровое, почти каждогодно от ветроносной болезни скот валитца, а паче от множества травы омега объедается и пропадает, отчего уже пришли в крайнее разорение и убожество». Крестьяне просили разрешения переселиться на приисканное место вверх по р. Черемшанке[1]. Переселение было разрешено, и на р. Малой Черемшанке возникла новая деревня — Голубцова. Из Зудиловой переселилось в нее 26 душ мужского пола, не считая женщин[2].

Крестьяне деревни Пещаной Бийского ведомства из-за недостатка сенокосных угодий вынуждены были косить сено за 80 верст по р. Чарышу, в 30 верстах по р. Камышенке, в 40 — у р. Буланихи. В зимнее время из-за буранов приходилось проводить в рейсах за сеном по нескольку дней. Поэтому крестьяне нашли место для жительства на р. Буланихе около сенокосов и просили разрешения о поселении там. Разрешение было получено, и в новую д. Буланиху переселилась в 1772 году большая группа песчанских крестьян[3].

В ряде случаев крестьяне ставили вопрос о переселении всей деревней. Так, в 1767 году жители д. Шадриной обратились за разрешением перенести свою деревню, страдавшую из-за весенних разливов Оби (водой заливало амбары, дворы и другие постройки, выезжать из деревни весной и в «большую прибылую воду» приходилось на лодках), на версту от старого места на р. Шадрину. Просьба была удовлетворена. При этом тем крестьянам, которые не выполняли заводских работ, разрешалось переселиться весной 1768 года после уплаты подушного оклада деньгами[4]. Перенесение деревни несколько задержалось. П. С. Паллас, побывавший в ней в 1770 году, писал: «Деревня Шадрина лежит на рукове реки Оби на низменности, но сказывают, что оная будет перене-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 136.
[2] Там же, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1546—1559.
[3] Там же, ф. 1, о. 1, д. 440, л. 402; ф. 169, о. 1, д. 231, лл. 207—211.
[4] Там же, д. 456, лл. 401—403.

дена теперь на высокое место»[1]. Вскоре переселение действительно было завершено.

В 1763 году возник вопрос о перенесении на новое место д. Колыванской. После потери Колывано-Воскресенским заводом его былого центрального значения расположение этой деревни на восточной стороне Колыванского озера утратило всякий смысл. Большая дорога от Барнаульского завода к Змеиногорскому руднику проходила по западной стороне озера. Поэтому крестьяне просили разрешения перенести деревню на дорогу к зимовью Саввы Фарафонова, на что и получили согласие от генерал-майора Порошина[2]. П. С. Паллас писал по этому поводу: «Деревня Колыванская была построена на лежащем в двух верстах боле в северную сторону озере того же имени, но при проложении дороги сюда перенесена»[3]. Долгое время в соответствии с приказом Порошина деревня называлась Колыванской. Однако не забывалось и имя Саввы Фарафонова, к зимовью которого переместилась деревня. На картах XIX века уже обозначалась деревня Саушка или Саввушка. Село Саввушка существует и ныне.

Были случаи переселения из-за конфликта с властями военной линии. В 1748 году крестьяне д. Кабановой обратились за разрешением переселиться к реке Алею, «где имеется как хлебопахотных земель, так и сенных покосов довольно». Канцелярия приказала им жить на старом месте. Однако из этого ничего не получилось. В деревне Кабановой была расположена воинская часть, и земли просителей — крестьян Шумилова, Кузьмина, Кабакова, Останина и Лукьянова — оказались засеянными «казенным хлебом», а покосы выкосили «для драгунских и служивенных лошадей». Поэтому крестьяне самовольно переселились в д. Кособокову на Чарыше[4]. В 1749 году их вернули в Кабанову, но к тому времени дома разорили солдаты, пашни засеяли, покосы выкосили. Только после долгих мытарств кабановские крестьяне получили в октябре 1749 года разрешение жить в д. Кособоковой[5].

---

[1] Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 3, СПб., 1786, стр. 334.

[2] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 371, л. 156.

[3] Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 3, СПб., 1786, стр. 362.

[4] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 71, л. 363.

[5] Там же, лл. 364—366.

Другой факт переселения по этой же причине относится к д. Иконниковой. Эта деревня была обозначена на картах 1745, 1748, 1750 годов. В 1751 году ее жители подали прошение о переселении, так как рядом была построена Катунская крепость, около нее заводились казенные пашни, и крестьяне оказались стесненными в пахотных и сенокосных угодьях. Получив разрешение, крестьяне переселились в д. Песчаную, полностью забросив старую[1]. Только после того как были ликвидированы казенные пашни, д. Иконникова была возрождена на том же месте. Это произошло в 1764 году[2].

Перемещение крестьян в сторону заводов не увеличивало общего количества жителей на территории, в густом заселении которой заводские власти были особо заинтересованы.Поэтому в документах XVIII века мы не находим значительных фактов поощрения внутренней миграции. Напротив, довольно часто встречаются факты запрещения переселений.

На территории верхнего Приобья местная администрация охотнее разрешала внутриведомственное переселение. Оно и понятно. Переселяясь в другие слободские ведомства, крестьянин менял и ведомственную подчиненность. Администрации приходилось оформлять причисление крестьянина по новой слободе, вносить коррективы в раскладные книги, основанные на ревизских данных. Внутриведомственные переселения не вызывали таких трудностей. Крестьяне по-прежнему оставались под наблюдением и в подчинении тех же земских и судных изб. Важность этого подчеркивалась, в частности, в донесении Белоярской судной избы от 7 апреля 1755 года. Поддерживая просьбу о переселении нескольких крестьян из деревень Казанцевой и Кашкарагайской, белоярский староста К. Залесов и выборный Ф. Заковряшин писали: «...они же просятся не в другое какое чюжое место, но того же ведомства Белоярской слободы, також и на яму во оной слободе состоять желают»[3].

Для разрешения переселений в пределах верхнего Приобья условия были те же, что и при переселении из-за пределов его. Однако нередко точки зрения крестьян и администрации не совпадали. Для крестьян решающи-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 440, л. 402.
[2] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 55.
[3] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 103.

ми были хозяйственные причины, для властей — удобность эксплуатации приписных. Так, в 1773 году Канцелярия отказала крестьянину д. Бобровской Белоярского ведомства Ивану Лубягину в переселении на реку Боровлянку под тем предлогом, что избранное место дальше от завода, чем д. Бобровская. Когда же позднее Лубягин нашел другое место у озера Козьмина в ведомстве Красноярской слободы, которое было ближе к рудникам, то получил разрешение на переселение и основал д. Лубягину, известную более под названием д. у Козьмина озера[1].

В 1772 году Канцелярия отказала в переселении на р. Бурлу крестьянам д. Крутихинской, потому что «из всего видно стараются они выехать ни для чего иного, как удалиться от Оби реки на пустое место»[2]. Приписные крестьяне обязаны были обеспечивать всю перевозку заводских грузов. К гужевой повинности у тех, кто жил у р. Оби, добавлялась обязанность перевозок водным путем. В стремлении уйти от этой повинности и были обвинены крутихинские крестьяне.

В 1760 году горное начальство обвинило крестьян д. Прослаушенской в том, что они переселились в бассейн Кулунды умышленно и «ту просьбу чинили и переехали в сторону от большой дороги и от реки Оби, чтобы им отбыть от подводной гоньбы и от своду водою судов»[3].

Как известно, далеко не всегда, переселяясь на новое место, крестьяне спрашивали согласие властей. Некоторые из них подавали просьбы о переселении, фактически уже состоявшемся, других администрация сама находила на новых местах. Последнее обычно происходило во время ревизий. Так, в 4-ю ревизию в д. Ново-Озерки Белоярской слободы было найдено 11 крестьян, переехавших самовольно из деревень Кунгуровой, Дранишниковой, Кислухи; в д. Речкуновой — несколько самовольных переселенцев из деревень Шишкиной и Зайцевой[4]. Без разрешения властей были основаны, например, деревни Верх-Камышенка, Чюпина, Ново-Крайчикова, Пурысева и другие[5].

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 522.
[2] Там же, д. 440, л. 136.
[3] Там же, д. 262, л. 413.
[4] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181.
[5] Там же, д. 777, л. 227; д. 192, л. 595; д. 188, л. 1519; д. 866, л. 160.

Заводская администрация стремилась пресечь самовольные переселения, особенно если это касалось деревень, расположенных близко от заводов и рудников. В 1764 году генерал-майор Порошин отмечал как крайне отрицательное частое перемещение пришлых, поселенных в 1748—1752 годах. Он писал: «...усмотрено, что вновь поселяющие крестьяне в своих домовых обзаводствах слабого и непостоянного мнения, ибо через два или три года переселяются из места в место, и тем как обзаводством домов своих, так и в протчем к земледелию надобностям никогда исправиться и в настоящий крестьянский порядок прийти не могут. К тому же хлебопахотные земли выбирают в отдаленных местах, будто бы в близости годного нет. Сей поступок — только застарелое и никуда годное, чем изыскивают себе случаев за иными промыслами упражняться, яко то в звериную охоту, винокурение и протчих заповедных дел, а то не рассуждают, что они за таковою иногда долгою отлучкою от своих домов все обзаводство тратят»[1].

Выход Порошин видел в безусловном запрещении переездов и в улучшении системы земледелия. Он советовал внедрять удобрение земли, как это делалось в других странах и в европейской части России. На Алтае, где население было редкое, а удобных для пахоты земель в изобилии, практического значения эти советы не имели. Исходя из насущных потребностей, крестьяне все-таки переселялись с разрешением или без такового.

В 1752 году крестьянин д. Кучуцкой Петр Куликов с братьями основали в 30 верстах от своей деревни на р. Кулунде заимку, построили избу, овин, два амбара, завели посевы. Только через пять лет П. Куликов обратился за разрешением о переселении. Канцелярия горного начальства запретила, а Малышевской судной избе было приказано: «Нежели кто самовольно там поселитца, у тех ломать их домы и жить тут не давать, и оных людей для учинения с ними за ту их самовольность по указу присылать под караулом в здешнюю Канцелярию»[2]. Только после долгих мытарств Куликов добился переселения на заимку. На Кулунде стала расти новая деревня — Куликова[3].

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 401, л. 230.
[2] Там же, д. 211, л. 23.
[3] Там же, лл. 19—29.

В 1760 году Канцелярия горного начальства приказала наказать крестьянина Е. Остальцева за самовольное переселение из д. Кротовой в д. Мерецкую, «в той деревне Мерецкой Остальцева двор со всеми строениями разломать и изрубя сжечь, а потом оного Остальцева жену, ево семейство, сколько имеется, со скотом и пожитки перевесть на прежнее ево жилище в деревню Кротову». Малышевская судная изба это приказание выполнила[1].

Во всех подобных случаях заводская администрация приказывала наказывать самовольных переселенцев публично, «чтобы им и другим, на то смотря, впредь того чинить было неповадно». Однако крестьяне, «на то смотря», все-таки самовольно переезжали. Переселялись и те, кто уже был наказан за самовольное переселение. Например, в 1768 году крестьянин д. Грамотиной Игнатий Карпов переехал в деревню Белову и построил там дом. В 1769 году он был выведен обратно и наказан. Вскоре Карпов снова переехал в Белову, вновь построился и завел пашню. Малышевская земская изба, обследовав хозяйство Карпова, пришла к выводу о нецелесообразности его выселения. Только после этого Канцелярия горного начальства решила оставить Карпова в Беловой, «якобы хлебопашество производит довольно, однако к доказательству, что он действительно пахотный крестьянин, а не шатун, велеть ему каждогодно за себя с семейством поставлять разного хлеба»[2].

Таким образом, внутренняя миграция на территории верхнего Приобья проходила почти исключительно по инициативе крестьян. Фактов насильственного переселения мало. Одним из них было заведение Шаховского станца. После основания Павловского завода потребовалось на дороге к нему из Барнаульского завода основать станец. Желающих не нашлось. Тогда администрация в 1771 году приказала перевести из Бердского ведомства нескольких крестьян «за негодностью в заводскую службу и по неимению у них хлебопашества». В 1771, 1774, 1777 годах на Шаховской станец были переведены крестьяне из бийских деревень Малой и Большой Угреневой и Усяцкой. Поводы для насильственного переселения нашлись. Так, крестьянин Алексей Фликов был послан на Шаховской станец за самовольный пере-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 235, лл. 256—263.
[2] Там же, д. 677, л. 204.

езд из д. Бехтемирской в Усяцкую. В 1782 году на Шаховском станце жило 24 души мужского пола и 17 женского[1].

Количественная сторона внутренней миграции крестьянства на территории верхнего Приобья устанавливается по сохранившимся ревизским материалам, спискам и ряду других документов. Наибольшую сложность представлял период между 2 и 3-й ревизиями (1745—1763 гг.). Пришлось пойти на составление именных списков населения верхнего Приобья по различным источникам и провести поименную сверку жителей всех деревень. Результаты оказались следующими.

За период с 1745 по 1763 год в ведомстве Красноярской слободы в результате внутренней миграции возникли деревни Усть-Журавлиха, Ручьева, Мажанова, Загайнова, Кабакова. Из 66 населенных пунктов, учтенных в этом ведомстве 3-й ревизией, только в 15 не было переселенцев из других деревень того же ведомства. В остальных 51 пунктах оказалось 676 душ мужского пола, переселившихся внутри ведомства. Это более четверти всего населения Красноярской слободы[2].

В Бийском ведомстве к 1763 году жило 623 души мужского пола, переселившихся из деревень того же ведомства[3].

В ведомстве Малышевской слободы с 1745 по 1763 год из деревни в деревню переехали 1557 душ мужского пола, с ними детей мужского пола насчитывалось 1081 человек. Почти во всех деревнях Малышевской слободы за эти годы увеличение населения за счет внутренней миграции превышало естественный прирост[4].

В ведомстве Белоярской слободы из 119 населенных пунктов, учтенных 3-й ревизией, поименную проверку удалось провести по 87 деревням. В них в 1763 году жило 956 душ мужского пола, переехавших из населенных пунктов того же ведомства, и 1068 их детей мужского пола[5].

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1659—1667; д. 231, лл. 58—88.

[2] Там же, ф. 1, о. дополнит. к. 1, д. 8, все.

[3] Там же, д. 28, лл. 352—361, д. 273, лл. 234, 261; ф. 169, о. 1, д. 231. Число переселенцев включает здесь взрослых, учтенных 2-й ревизией, и их сыновей, родившихся до 1763 г.

[4] Там же, лл. 280—292, д. 273, лл. 81—155; ф. 169, о. 1, дд. 182, 227, 689.

[5] Там же, лл. 155—261; д. 273, лл. 156—215; ф. 169, о. 1, дд. 181, 188, 221.

Между 3 и 4-й ревизиями (1763—1782 гг.) внутренняя миграция крестьян на территории верхнего Приобья продолжала оставаться весьма значительной. Только в ведомстве Малышевской слободы в 4-ю ревизию учтено 1130 душ мужского пола, переехавших из других деревень того же ведомства, и 973 человека их детей мужского пола. Однако хотя число крестьян, переезжавших внутри своих ведомств, осталось почти таким же большим, как и в предыдущий межревизионный период, удельный вес внутриведомственной миграции снизился. Естественный прирост стал преобладать над ростом за счет переселений.

Наряду с внутриведомственными переселениями шло перемещение крестьян между ведомствами верхнего Приобья. С 1763 по 1782 год из ведомства Белоярской слободы переселилось в Малышевскую — 17, в Бийскую — 18, в Красноярскую — 8 душ мужского пола. Из Малышевской слободы за те же годы выехали в Белоярскую 75, в Красноярскую — 26 душ мужского пола; из Бийской слободы выехали 80 душ мужского пола в Белоярскую и 131 — в Красноярскую. Из Красноярской слободы в Белоярскую — 118, в Малышевскую — 32, в Бийскую — 11 душ мужского пола. Межведомственная миграция была, как видим, значительно меньше внутриведомственной. Оно и понятно. В поисках новых мест для жилья крестьяне при обилии свободных земель не имели необходимости переселяться далеко от прежних мест жительства. К тому же и разрешение на переселение в пределах своего ведомства можно было получить скорее.

За период между 4 и 5-й ревизиями (1782—1795 гг.) в пределах Бийского уезда, который занимал значительную часть верхнего Приобья, перемещение внутри слободских ведомств составило 1150 душ мужского пола. Абсолютная цифра внутрислободских миграций как будто бы по-прежнему оставалась довольно высокой, но в действительности удельный вес этих переселений резко снизился. Население верхнего Приобья, в том числе и по Бийскому уезду, выросло. Число крестьян, переселившихся внутри своих слобод, оказалось в 17 с лишним раз меньше общего числа приписных крестьян Бийского уезда[1].

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 56—70; дд. 833, 834, 811, 818, 837, 777, 825, 816, 832.

Еще меньшие размеры имела межслободская миграция населения. С 1782 по 1795 год в Бийском уезде она составила всего 125 душ мужского пола. Подобная же картина была в верхнеобских слободах Колыванского и Семипалатинского уездов.

Сокращение внутренней миграции крестьянства к концу XVIII века несомненно. Население стабилизировалось, и главным в каждой деревне стал естественный прирост. Однако в отличие от внешней миграции внутренние переселения на территории верхнего Приобья еще играли определенную роль. За 1782—1795 годы только в Бийском уезде за счет внутренних переселений возникло 39 новых деревень. За это же время переселенцы из других уездов горного округа не основали ни одного населенного пункта. Это еще раз доказывает, что при изучении истории колонизации той или иной территории нельзя ограничиваться только внешней миграцией и не учитывать внутренние переселения крестьян.

ГЛАВА VII

ЗАСЕЛЕНИЕ КОЛЫВАНО-КУЗНЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ЛИНИИ

Колывано-Кузнецкая военная линия возникла в ходе борьбы России за присоединение территорий верхнего Приобья и верхнего Прииртышья. В 1718 году была построена Бийская крепость, в 1720 году — Усть-Каменогорская. Позднее они были соединены цепью крепостей и форпостов. Военная линия продолжалась на северо-восток от Бийской крепости до Кузнецка.

С самого начала сооружения укрепленных пунктов в верхнем Приобье возникла необходимость снабжения гарнизонов крепостей продовольствием и фуражом. Первоначально хлеб и другие припасы доставляли издалека: в иртышские крепости — из окрестностей Тобольска и Тюмени, в Бийскую — через Кузнецк. В 30-е годы XVIII века кузнецкие власти переложили обеспечение Бийской крепости на крестьян и разночинцев Бердского острога, Малышевской слободы и Белоярской крепости. Недостаточные размеры принудительной поставки в счет оброка вызывали потребность в организации закупа его у крестьянства. По мере роста земледельческого населения верхнего Приобья возможности заготовки провианта на месте возросли. Однако после перехода алтайских заводов в собственность императора доставка провианта на военную линию ухудшилась. Горное начальство не только не помогало военному ведомству в провиантском вопросе, но стало прямо запрещать закуп провианта в заводском ведомстве. И дело было не в какой-то межведомственной вражде, а в возросших внутренних потребностях заводов и рудников в сельскохозяйственной продукции. Поэтому одним из актуальнейших вопросов ста-

новится проблема заселения земледельцами самой военной линии.

Первоначально была сделана попытка завести на линии казенную пашню силами линейного казачества. Приказом генерал-майора Киндермана, данным в 1746 году, казенная пашня заводилась на Иртышской и Колывано-Кузнецкой военных линиях. На первой к хлебопашеству было определено 400 казаков, на второй — 200. Каждый казак должен был распахать по три десятины под яровой хлеб и рожь. Для этого казак получал земледельческие орудия и две пары волов[1]. Вскоре казенные пашни возникли в окрестностях Усть-Каменогорской крепости, а затем и около других пунктов военной линии. Казенная пашня была, в частности, заведена у Кабановой защиты, и это вынудило кабановских приписных крестьян покинуть свою деревню[2]. В 1749 году небольшие участки казенной пашни существовали у Катунской крепости[3].

Казенное хлебопашество оказалось нежизнеспособным. Причины этого заключались в экономической несостоятельности самой системы казенной пашни. Назначенные к этому делу казаки не освобождались от военной службы, и времени на хлебопашество у них оставалось крайне мало. В рапорте от 17 июня 1747 года один из командиров военной линии доносил: «Казаки в разных многих трудностях, яко-то: в форпостах и станцах, в караулах и в разъездах, а паче у хлебопашества и в посылках в Тобольск на досчаниках за солью и в добыче соли, и в крепостной работе»[4]. Хлеб, полученный на месте с казенных пашен, обходился дороже привозного, поэтому в 1770 году казенное хлебопашество было отменено[5].

Экономическая невыгодность и мизерность казенной пашни вызвали необходимость развития на военной линии крестьянского земледелия. Эта задача выдвигается местными властями одновременно с решением о казенном хлебопашестве, которое не могло рассматриваться иначе, как временная мера. Уже в декабре 1745 года

---

[1] Алексеенко Н. В. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX веках. Канд. диссертация. Л., 1961, стр. 61.

[2] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 71, лл. 363—366.

[3] Там же, ф. 50, о. 18, св. 190, ед. хр. 6322.

[4] Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 24.

[5] Алексеенко Н. В. Указ. Кандидатская диссертация, стр. 64—65.

А. Беэр предлагал около новых крепостей строившейся Колывано-Кузнецкой военной линии поселить крестьян «при каждой по 1000, итого 8000 душ»[1]. Практическое осуществление этого дела встречалось с огромными трудностями. Во-первых, русское правительство просто не располагало в Сибири такими резервами земледельцев, во-вторых, вскоре интересы заводской администрации разошлись с интересами военного ведомства. По указу от 1 мая 1747 года всех найденных в Сибири пришлых велено было селить на землях Колывано-Воскресенских заводов. Поэтому при заселении военной линии пришлось ограничиться вольной колонизацией.

Именно за счет добровольной крестьянской колонизации сформировалось на военной линии первое земледельческое население. Подавая о нем сведения в 1777 году, Усть-Каменогорская комендантская канцелярия писала: «А сибирские крестьяне когда сначала сюда заселяться начали, о том за згорением в бывший в 1766 году в июле месяце здесь в крепости Усть-Каменогорской пожар, в коем и вся крепость згорела, и именных дел не известно»[2]. Утрата этих документов, конечно, значительно осложняет изучение раннего этапа крестьянской колонизации по военной линии, однако некоторым материалом мы располагаем.

Инициатива заселения линии исходила от крестьян. Уже в 1743 году крестьянин Василий Шибаев обратился с просьбой о поселении близ Усть-Каменогорской крепости. Наличие добровольцев позволило генерал-майору Киндерману поставить вопрос о разрешении и организации крестьянского переселения. 18 апреля 1746 года, а затем 31 марта 1747 года он посылает в Сенат предложения о заселении окрестностей Усть-Каменогорской крепости пожелавшими переселиться туда крестьянами[3]. После поддержки этого предложения Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, вопрос решается положительно. Было организовано переселение добровольцев как на военную линию, так и в заводское ведомство.

В октябре 1748 года сообщалось, что «...крестьяне начали по усмотрению и избранию ими мест довольных к

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 6, лл. 137—138.
[2] Там же, д. 860, лл. 141—142.
[3] Там же, д. 17, лл. 25—28.

хлебопашеству земель и сенных покосов на реке Убе от Убинского форпоста вверх по реке Убе версты с четыре, а от Усть-Каменогорской крепости 82 версты, да на реке Иртыше от Уварова станца к крепости верст с пять в урочище на Прапорщиковом от крепости 15 верст. И те места по просьбе их отведены им приказанием инженер-капитана Плаутина кондуктором Ешковым, и велено оным селиться по наказанию оного кондуктора линейно, а на первый случай для укрепления приказано обкинуть плотными надолбами и рогатками, которые и строются»[1]. Так возникли на юго-западе военной линии первые деревни — Убинская и Прапорщикова. К октябрю 1748 года в Убинской было 6 готовых изб и 2 строились; в Прапорщиковой — готовых 7 изб, начато строительство 5[2].

Вскоре после этого возникли в ведомстве Усть-Каменогорской крепости также деревни добровольных переселенцев: Глубокая на р. Иртыше, Выдринская на р. Убе и Зевакина на Иртыше выше устья Убы. Ко времени 3-й ревизии (1763 г.) в этих пяти деревнях насчитывалось 927 душ обоего пола[3].

После третьей ревизии приток добровольных переселенцев продолжался. В 1782 году в Бобровской слободе (бывшем ведомстве Усть-Каменогорской крепости) государственные крестьяне (добровольные переселенцы) жили уже в 11 деревнях. Их насчитывалось 1403 души мужского пола и 1362 женского — всего 2765 душ[4]. За межревизское время значительная часть первых добровольных переселенцев переехала в пределах слободы в другие деревни. Около 500, а если считать с детьми, более 800 душ мужского пола среди государственных крестьян были добровольными переселенцами, прибывшими между 1763—1782 годами. Больше всего прибыло из Ишимского (238), Ялуторовского дистриктов (62) и Тарского уезда (47).

Второй группой населения Бобровской слободы были так называемые великорусские посельщики. Эта группа сформировалась за счет насильственного поселения крестьян и представителей других сословий, сосланных в Сибирь. Начало этому делу было положено указом от

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, лл. 25—28, стр. 130.
[2] Там же, лл. 130—134.
[3] Там же, ф. 169, о. 1, д. 819, лл. 1—55, 145—191, 194—228, 238—294.
[4] Там же, д. 819, полностью.

13 декабря 1760 года о предоставлении помещикам права ссылать крестьян в Сибирь в счет рекрутов. Вместе с ссыльными отправлялись в Сибирь их жены и дети. Подобный же порядок ссылки предусматривался для дворцовых, монастырских, государственных крестьян и посадских[1]. Этот указ предписывал селить ссыльных в пределах Сибирской губернии, Иркутской провинции и в Нерчинском округе. Изданный 6 августа 1762 года сенатский указ относился непосредственно к заселению ссыльными Сибирской военной линии. В нем предписывалось селить ссыльных в местах по направлению к р. Бухтарме, «начиная от оной вниз по Иртышу внутри границы против Семипалатинской, Ямышевской и Омской крепостей». Там же приказывалось: каждой поселяемой семье отводить под посев по 5 десятин и покосов на 50 копен, выдать по 54 пуда семенного хлеба с условием обязательного возврата. Предлагалось также на каждую семью давать по 5 рублей на заведение лошадей, причем давать не деньги, а лошадей, купленных администрацией оптом[2].

Поселение ссыльных на Колывано-Кузнецкой военной линии было одним из проявлений произвола царизма и помещиков. Большинство ссыльных были участниками классовых, антифеодальных выступлений. Например, поселенный в д. Плоской Матвей Васильев происходил из Тверского уезда д. Киевой, принадлежавшей помещику С. Аксакову. За побеги от помещика он был наказан кнутом и послан в зачет рекрут на поселение[3]. Поселенный в той же деревне Михайла Афанасьев, крепостной крестьянин помещика Тюленева из Арзамасского уезда, был «за ослушание помещика своего наказан кнутом и послан в ссылку»[4].

О ссыльнопоселенце Иване Тюленеве в ревизских сказках было записано: «Тобольской губернии, Ялуторовского дистрикта, Царева городища, деревни Черемуховой крестьянин за бунт в 1760 году об налагаемой в Сибири на крестьян казенной пашни наказан и с сыном Андреем кнутом и послан с семейством в ссылку»[5].

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XV, стр. 281—283.
[2] Там же, т. XVI, стр. 39—42.
[3] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 348.
[4] Там же, л. 347.
[5] Там же, л. 389.

Заселение ссыльными Колывано-Кузнецкой военной линии началось в 1762 году, и уже к 1777 году в ведомстве Усть-Каменогорской крепости была 1281 душа мужского пола «великорусских посельщиков», то есть ссыльных[1]. Поселялись они большей частью около укрепленных пунктов военной линии. Ссыльнопоселенцы основали деревни Красноярскую, Крутую-Березовскую на р. Иртыше, Красноярскую на р. Убе, Плоскую у устья р. Плоской, притока Алея, Ново-Алейскую в верховьях р. Алея и Ульбинскую на р. Ульбе. Кроме того, ссыльные были поселены в старожильческих деревнях Прапорщиковой, Глубокой, Зевакиной и Убинской, а также вместе с «польскими» поселенцами в деревнях Шеманаевской, Екатерининской, Старо-Алейской, Верх-Убинской и Секисовской[2].

Материалы 4-й ревизии (1782 г.) позволяют установить места, откуда были присланы ссыльные, и их социальную принадлежность. Согласно переписи, из 1974 душ мужского пола ссыльных, поселенных в ведомстве слободы, было: государственных крестьян — 189, дворцовых — 10, экономических — 121, помещичьих — 1022, заводских и мастеровых — 134, посадских — 224, солдат — 22, ямщиков — 9, колодников — 14, татар и других нерусской национальности — 27, «неизвестных чинов» — 202.

Как видим, из ссыльных больше всего было помещичьих крестьян (51,8%). Крестьяне других категорий составляли 22,9% от общего числа ссыльных. Таким образом, три четверти ссыльнопоселенцев были из крестьян. Это имело большое значение, поскольку для решения продовольственного вопроса на военной линии нужны были именно земледельцы.

Присланы были ссыльные из разных мест. Среди учтенных 4-й ревизией в Бобровской слободе больше всего было присланных из Московской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Казанской, Тульской, Тобольской, Владимирской губерний. Из этих губерний было сослано в Бобровскую слободу более чем по 100 душ мужского пола, причем из Московской губернии больше всего — 203 души. За исключением Тобольской губернии, откуда ссылали государственных и экономических крестьян, из

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 141—142.
[2] Там же, лл. 141—142.

остальных названных губерний шли помещичьи крестьяне.

Всего в 1782 году в Бобровской слободе было учтено 3097 душ ссыльнопоселенцев, из них 1644 мужского пола и 1452 женского[1]. Расхождение с вышеназванным числом 1974 ссыльных мужского пола объяснялось убылью их со времени поселения до 1782 года. Из мужчин ссыльных умерло 299, бежало 25, группа ссыльных из д. Ново-Алейской была переведена на реки Чулым, Карасук, Бурлу.

Третьей группой населения Бобровской слободы были упоминавшиеся уже «польские» поселенцы, или сибирские «поляки» — потомки тех русских крестьян, которые еще в первой четверти XVIII века и в последующие годы бежали от феодальной эксплуатации и религиозных преследований на территорию Польши. Петр I неоднократно приказывал «по границам на заставах беглецов, кои из России бегут в Польшу, ловить и расспрашивать и, бив кнутом, отсылать в те провинции, отколь бежали»[2].

Русское правительство не раз пыталось вернуть беглецов. Благоприятные условия для этого сложились в 60-х годах XVIII века в связи с усилением влияния русского царизма в Польше. В 1762 году был издан указ, приглашавший беглых добровольно вернуться из Польши и поселиться в России. Среди мест, назначенных для поселения, были земли по рекам Убе, Ульбе, Березовке в ведомстве Усть-Каменогорской крепости[3].

Часть беглецов действительно вернулась добровольно, но большинство было насильственно выведено военными командами. Большая группа беглых была отправлена в Сибирь и поселена на военной линии.

Заселение ведомства Усть-Каменогорской крепости «поляками» началось в 1766 году[4]. Они основали деревни Шеманаевскую, Екатерининскую, Старо-Алейскую, Верх-Убинскую, Бобровскую и Секисовскую. В 1782 году в Бобровской слободе было учтено 2657 душ, из них мужского пола 1364, женского 1293[5]. Кроме того, часть «польских» поселенцев, по их желанию переведенных к

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819.
[2] ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, о. 13, д. 690, л. 619.
[3] Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XVI, стр. 129—131.
[4] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 141—142.
[5] Там же, ф. 169, о. 1, д. 819, все.

реке Аную, основала д. Петропавловскую в ведомстве Бийской комендантской канцелярии. Всего переселилось 76 душ мужского пола из д. Старо-Алейской[1].

О заселении восточной части Колывано-Кузнецкой военной линии в ведомстве Бийской комендантской канцелярии сохранилось мало документов. В окрестностях Бийской крепости военные власти и после приписки бийских крестьян к заводам по указу 1 мая 1747 года могли заготовлять провиант у неприписного населения. К заводам были приписаны лишь 258 душ мужского пола, учтенных в этом ведомстве второй ревизией, но кроме них оставались еще кузнецкие крестьяне и разночинцы, переселившиеся к Бийской крепости из Кузнецкого уезда.

Еще в 1748 году Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства по требованию Кузнецкой воеводской канцелярии давала указание о сыске разъехавшихся из Кузнецка плательщиков подушных денег и высылке их в Кузнецк для платежа. Однако в 1751 году Кузнецкая воеводская канцелярия вновь обратилась с просьбой к заводской администрации помочь собрать подати с живших в ее ведомстве кузнецких жителей. Только по ведомству Бикатунской крепости их значилось 40 человек (мужского пола)[2]. Кузнецкие разночинцы уходили в заводское ведомство самовольно или с покормежными билетами и оседали на новых местах, в том числе и в окрестностях Бийской крепости. В 1760 году полковник де-Гаррига писал: «...а между тем находятся и от времени размножаются кузнецкие крестьяне и разночинцы и живут в той же Бийской крепости своими домами немалое число»[3].

После того как все эти переселенцы были в 1760 году приписаны к заводам, командование Колывано-Кузнецкой военной линии поставило вопрос о заселении ведомства Бийской крепости теми же способами, что и окрестностей Усть-Каменогорска. Как проходило это заселение, более или менее основательно установить не удалось из-за отсутствия документов. В ведомстве Бийской крепости достоверно устанавливается существование на время 3-й ревизии неприписного населения только в одном населенном пункте — в деревне Ново-Чемровской, где в

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, лл. 439—474.
[2] Там же, все.
[3] Там же, ф. 1, о. 1, д. 315, л. 221.

1763 году было учтено 74 души мужского пола[1]. Есть основание считать существовавшим в 1763 году также село Ново-Енисейское.

К 1777 году в ведомстве Бийской комендантской канцелярии государственные крестьяне жили в селах Ново-Енисейском и Смоленском, в деревнях Ново-Чемровской, Чесноковке, Марушке — всего 423 души мужского пола[2]. Кроме того, в ведомстве той же канцелярии было с. Петропавловское, основанное, как уже сказано, «польскими» поселенцами, в котором в 1777 году жило 117 душ мужского пола[3].

Помимо названных населенных пунктов, в том же ведомстве существовали деревни Ненинская, Карабинская и Ельцовская, заселенные в 1770 году «великорусскими посельщиками», то есть ссыльными. К 1782 году их насчитывалось в названных деревнях 647 душ, из них 345 мужских и 302 женских[4].

Согласно сводной ведомости к рекрутскому набору, составленной в 1786 году, в 1782 году в ведомстве Бийской комендантской канцелярии было государственных крестьян 609 душ мужского пола, поселенцев 451, всего 1060 душ мужского пола[5].

Особую группу населения по Колывано-Кузнецкой военной линии составляли отставные военнослужащие. Решение о поселении отставных по сибирским военным линиям было принято 9 октября 1762 года в форме утвержденного царицей специального доклада Сената. Отставным предписывалось отводить на каждую семью от 20 до 30 четвертей под пашню, «а чтоб к тому приохотить, давать вознаграждение, как они в те места для поселения придут, ссуды каждой семье от 5 до 10 рублей, и сие только тем, которые прежде селиться будут, а как селение умножится, тогда сами между собою друг другу в строении и прочем поспособствовать могут»[6].

Цель поселения отставных ясно определялась в промемории[7] генерал-майора Шпрингера в Канцелярию Ко-

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, лл. 57—75.
[2] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 53, 516—517.
[3] Там же, л. 53.
[4] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, лл. 79—116.
[5] Там же, д. 684, л. 411.
[6] Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XVIII, стр. 76—77.
[7] Промемория — официальная записка, письмо, памятная записка.

лывано-Воскресенского горного начальства. Он писал: «...поселение отставных на линиях чинится в силу высших правительственных указов более для того, чтоб от них по обзаводстве без дальних убытков и труда на продовольствие воинских команд можно было покупать хлеб, коего за запрещением в продажу от заводской стороны в здешнюю и получить надежды нет»[1].

Единичные случаи поселения отставных на линии были и до 1762 года. Известно, что еще в 1759 году в Смоленском редуте были определены на поселение отставные казаки В. Хворой, Т. Богданов и Ломшаков. В 1760 году в том же редуте поселились отставные солдаты Ф. Колчев и Г. Окулов. Массовая отставка на поселение началась лишь после 1762 года. В том же Смоленском редуте в 1763 году было поселено 12, а в 1764 году — 43 отставных[2].

Различали «отставных на поселение» и «отставных на свое пропитание». Последние, очевидно, либо уже до отставки имели свое хозяйство, либо приселялись к родственникам.

Большинство отставных имели семьи. Этому придавалось большое значение. Для администрации было выгодно селить именно семейных. Они быстрее обзаводились хозяйством. В 1776 году Бийская комендантская канцелярия в предложениях в «судебную об отставных контору» напоминала, что «велено определять из отставных на поселение и с их семействами, ибо ежели без детей поселить, то никакой пользы ожидать не можно. И у тех, которых кроме одного сына других нет, то последнего не брать ни в службу, ни в школу, дабы через то по одиночеству, вместо чаемой от поселения пользы, не навесть отставным отягощения. От таковых отставных, у коих два или три сына имеется, то из них одного только, буде годен явиться на службу, а от семи лет в школу определять, а протчих оставлять впредь до резолюции при отцах их на поселении для вспоможения в домостроительстве, обзаводстве и хлебопашестве»[3]. Сыновей, оставленных с отцами на поселении и освобожденных от военной службы, зачисляли в категорию «малолеток». Со временем они сами обзаводились семьями, но по-прежнему ос-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 539, л. 14.
[2] Там же, ф. 167, о. 1, д. 1, лл. 186—200.
[3] Там же, л. 62.

тавались в той же категории. В документах конца XVIII века и начала XIX века встречаются «малолетки», имевшие детей и внуков.

Закрепление отставных на поселении и обзаводство их хозяйством зависело от ряда условий: состава семьи, времени поселения и т. д. В Смоленском редуте на 1776 год было 126 отставных. Из них: безлошадных — 5, имели одну лошадь — 14, 2—17, 3—22, 4—21, 5—12, 6—15, 7—13, 8—1, 9—4, 10 лошадей было только у двух хозяев. Количество лошадей и состав семьи определяли мощность хозяйства. Семьи, в которых имелось всего одна—две души, включая самого отставного, сеяли мало. Они же были безлошадными или малолошадными. Слабое хозяйство имели и те, кто был поселен недавно. В отличие от этого большие семьи, жившие на поселении уже несколько лет, имели крупное хозяйство. Например, отставной солдат С. Плотников имел семью в 11 душ, у него было 9 лошадей, 20 голов другого скота и самый большой в селе посев — 18 десятин. Плотников жил на поселении с 1766 года, то есть уже 10 лет[1].

В 1777 году на Колывано-Кузнецкой военной линии отставные жили в 43 населенных пунктах, и вместе с детьми их насчитывалось 1543 души мужского пола. Отставные были расселены в селах и деревнях, возникших у укрепленных пунктов, а также в деревнях вместе с государственными крестьянами и даже с приписными. Больше всего отставных жило в селе Смоленском, в Бийской и Катунской крепостях, в деревнях Бобровской, Верх-Ануйской, Секисовской, при Новиковском и Бехтемирском маяках[2].

После 4-й ревизии нового притока крестьян на Колывано-Кузнецкую военную линию не было. Некоторый прирост населения с 1782 по 1795 год (по пятую ревизию) произошел исключительно за счет детей, родившихся в межревизионный период. С истечением льготных сроков исчезло всякое отличие между добровольными поселенцами, «польскими» посельщиками и ссыльными. Все они стали государственными крестьянами. В связи с укреплением позиций России в верхнем Приобье исчезла надобность в непосредственном подчинении крестьян комендантским канцеляриям. Территория по военной ли-

---

[1] ГААК, ф. 167, о. 1, д. 1, лл. 186—202.
[2] Там же, ф. 1, о. 1, д. 866, лл. 53 и 141—142.

нии вошла в состав Колыванской губернии, а ее население подчинено местным слободским ведомствам. В 1795 году население по военной линии было следующим.

Семипалатинский уезд:	
Усть-Каменогорская слобода	— 1602 души муж. пола
Убинская слобода	— 1830 » » »
Крутоберезовская слобода	— 1429 » » »
Всего	4861 душа муж. пола
Бийский уезд:	
Ново-Енисейская слобода	— 1290 душ муж. пола

Всего государственных крестьян на линии — 6151 душа мужского пола[1]. Отставные учитывались отдельно и сюда не включены.

В 1797 году государственные крестьяне трех названных слобод Семипалатинского уезда были приписаны к алтайским заводам[2]. Крестьяне Ново-Енисейской волости (бывшая слобода) остались на положении государственных. Вместе с отставными и казаками они составляли особую часть населения Алтая и не подчинялись заводскому начальству.

В формировании земледельческого населения на Колывано-Кузнецкой военной линии роль правительственных учреждений проявлялась особенно отчетливо. Но правительство занималось лишь организацией заселения. Освоение территории, развитие на ней земледелия и скотоводства было делом самих крестьян. К концу XVIII века местное крестьянское хозяйство не только удовлетворяло потребности военной линии в продовольствии, но и имело резерв для продажи в заводское ведомство.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, лл. 459, 471—473.
[2] Там же, лл. 44—45.

ГЛАВА VIII

ИТОГИ ЗАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ КРЕСТЬЯНАМИ В XVIII ВЕКЕ

На протяжении второй половины XVIII века шел интенсивный процесс заселения территории верхнего Приобья русским крестьянством, сочетавший в себе миграцию из европейской части России, из разных мест Сибири, из северных заводских ведомств, с территории Кузнецкого уезда, массовые передвижения населения в пределах верхнего Приобья. Вольная колонизация переплеталась с правительственной.

За вторую половину XVIII века, по сравнению с предыдущими годами, область расселения крестьян в верхнем Приобье значительно расширилась. К концу века оказалась довольно густо заселенной территория между реками Обью, Бией и Чумышом. Произошло действительное земледельческое освоение бассейнов рек Чарыша и Алея, где до 1747 года население было крайне редким. Особенно значительные изменения произошли в западной части верхнего Приобья. Крестьяне продвинулись в верховья рек Барнаулки и Касмалы и дальше почти на всем протяжении Барнаульского и Касмалинского боров, начали освоение плодородных земель Алейской степи. Продолжалось начатое в 40-х годах освоение Кулундинской степи. К концу века крестьянские деревни продвинулись до низовий р. Кулунды. Была основательно заселена долина р. Бурлы. Русские деревни возникли у рек Карасук, Баган и Чулым.

Освоение новых районов было обусловлено прежде всего ростом населения. К 1795 году на территории верхнего Приобья насчитывалось свыше 500 населенных пунктов, тогда как в первую ревизию было учтено всего 34 населенных пункта и в них 1178 душ мужского пола.

В 1795 году в 509 населенных пунктах учитывалось 34580 душ мужского пола. Причем сюда не вошло население города Барнаула, за исключением живших в нем крестьян, числившихся по Нижнебарнаульской слободе, а также население заводов и рудников. Не включены в названное число отставные и казаки. К концу XVIII века в Колыванской губернии насчитывалось 3118 отставных, из которых жили на территории Бийского уезда 1662, Семипалатинского — 823 души мужского пола[1].

Что касается населения Барнаула, Бийска и заводских поселков, то оно было также значительным. З. Г. Карпенко приводит следующие данные: на 1771 год в Барнауле насчитывалось 5448 жителей обоего пола; в Змеиногорске — 2449 душ мужского пола; в Сузунской заводской слободе — 2285 жителей обоего пола; при Павловском заводе — 1894 жителя[2].

По данным пятой ревизии, при кабинетских заводах и рудниках в Колыванской губернии состояло 54 мастера, 209 подмастерьев, 7822 рабочих, 164 мастеровых, уволенных по старости и болезням[3]. Следовательно, население промышленных поселков было значительным. Его рост обусловлен был развитием горнорудной и металлургической промышленности. Основным резервом для пополнения этого населения было крестьянство.

Прямым результатом колонизации русским крестьянством территории верхнего Приобья явилось усиление русского влияния на местное население. С каждым годом все оживленнее становилась торговля с жителями Горного Алтая. Часть алтайцев переходит к оседлой жизни, заводит пашни. Однако непосредственный контакт русского крестьянства с основной массой алтайцев на протяжении XVIII века был невозможен. Районы, заселенные приписными крестьянами, были отгорожены от Горного Алтая Колывано-Кузнецкой военной линией, переход через которую запрещался. Преступлением считались не только всякая попытка поселиться за линией, но даже временное проникновение за нее с целью промысла.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, лл. 268—269.

[2] Карпенко З. Г. Промышленные города и поселки Западной Сибири в XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962, стр. 195.

[3] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 269.

В отличие от южных, северные алтайцы жили в более тесном контакте с русскими еще в XVIII веке. Именно они уже в то время стали переходить к оседлости и заводить пашни. В северо-восточной части верхнего Приобья происходил отход от кочевого хозяйства и постепенное обрусение тогульцев и азкыштымцев. К оседлой жизни переходит и некоторая часть кумандинцев. В 1782 году среди жителей Нижнекумандинской волости было 313 душ мужского пола кочующих и 69 оседлых. Оседлые кумандинцы жили в селах Солтонском, Смоленском, маяках Нижненененинском, Новиковском, деревнях Ажинской, Усяцкой, Чемровской, Воронихе, в Бийской крепости. В 1795 году оседлых кумандинцев в этой волости насчитывалось 87 душ мужского пола. К прежним местам их жительства добавились деревни Шубенская, Чесноковская, Буланиха, Савинова, Комарова, Бехтемирская, Карабинская, Марушинская; маяки Сайлапский, Караканский, Лебяжий, Сайдыпский и село Ново-Енисейское[1]. Эти кумандинцы жили не только вблизи русских крестьян, но даже в одних населенных пунктах с ними.

Вторая половина XVIII века явилась временем дальнейшего развития на территории верхнего Приобья крестьянского хозяйства и прежде всего земледелия.

До 1747 года русское земледелие имело наименьший объем в непосредственной близости к Колывано-Воскресенскому заводу, по рекам Чарышу и Алею. В короткий срок (1749—1752 гг.) поселенные здесь пришлые освоили под пашню свыше 1000 десятин новых земель. Это значительно увеличило размеры местной пашни. В 1767 году в ведомстве Красноярской судной избы, то есть на той же территории, где селились пришлые, крестьяне засеяли зерновыми 3164 десятины[2]. Кроме того, в той же части верхнего Приобья подчиненные Змеиногорской конторе переселенцы с Шульбинского завода и крестьяне деревни Ново-Алейской в том же 1767 году засеяли разными культурами 276 десятин[3].

Во второй половине XVIII века интенсивно увеличивалось население Бийского ведомства. Росла и местная крестьянская пашня. В 1765 году здесь было под зерновыми культурами 3210 десятин, а в 1771 году 6622 деся-

---

[1] ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, лл. 70—71.
[2] Там же, ф. 1, о. 1, д. 475, л. 229.
[3] Там же, л. 225.

тины. Всего за шесть лет засеянная пашня крестьян Бийского ведомства увеличилась более чем в два раза[1].

Значительных успехов добились крестьяне самого обширного и самого раннего по началу заселения ведомства Белоярской слободы. В 1766 году в этом ведомстве крестьяне засеяли зерновыми 6455 десятин, в том числе рожью 3357[2]. Рожь преобладала здесь, как и в других районах верхнего Приобья.

На конец XVIII века имеются ведомости о количестве собранного хлеба и размерах пашни почти по всей территории верхнего Приобья. Отсутствуют лишь данные по волостям Семипалатинского уезда: Колыванской, Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской. Есть данные по Колыванскому уезду, в том числе и верхнеобским волостям. В 1799 году крестьянами было засеяно: в Бийском уезде (волости Белоярская, Тальменская, Боровлянская, Чумышская, Уксунайская, Енисейская, Барнаульская, Чарышская, Шадринская, Касмалинская) 35254 десятины, в Колыванском уезде (в волостях Малышевской, Кулундинской, Чингисской, Бурлинской, Ордынской) — 16838 десятин[3].

Если из сведений о пашне 1799 года по Бийскому уезду исключить данные по Барнаульской и Чарышской волостям, то есть взять территорию существовавших в 60-х годах XVIII века Белоярской и Бийской слобод, и сравнить данные о пашне конца века с запашкой 1766 года, то оказывается, что с 1766 по 1799 год на этой территории размеры пашни выросли почти в три раза.

Территория верхнего Приобья в сравнении с другими районами Сибири особенно благоприятна для земледелия, тем более, что в XVIII веке шел непрерывный процесс освоения новых земель, непаханых, неистощенных. Переселяясь в пределах верхнего Приобья, крестьяне в значительной степени обновили во второй половине XVIII века активный земельный фонд.

Обширная территория верхнего Приобья в разных местах имела различные условия для сельского хозяйства. В равнинной части преобладают черноземные и каштановые почвы, пригодные для возделывания почти всех сельскохозяйственных культур. В лесистых местностях

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 475, л. 143; д. 539, л. 684.
[2] Там же, л. 233.
[3] Там же, о. 2, д. 151, лл. 313—318, 330—374.

почвы подзолистые, песчаные, суглинистые. Земский управитель А. Богданов в 1799 году в отчете по Малышевской, Кулундинской, Чингисской и Бурлинской волостям отмечал: «Занимаемое сими волостями пространство, лежащее ближе к Иртышской линии между заводов, гористое, ровное, возвышенное и ниское, черноземное, пещаное и глинистое, но к произрастаниям удобное, и потому всегда почти родится довольно всякого хлеба, как-то: пшеницы, ржи, ярицы, гороху, ячменя, проса, овса, да и огородных культур непосредственно лучший же урожай имеется в волостях Кулундинской и Бурлинской»[1]. В лесистой части верхнего Приобья, ближе к Алтайским горам, условия для земледельцев были худшими. Земский управитель Бийской, Уксунайской и Енисейской волостей в том же 1799 году отмечал, что земли там «к произрастанию не так-то удобные, и хлеба родятся посредственно, как-то: пшеница, рожь, горох, просо, ячмень и овес, и огородные овощи имеют урожай самый ниский»[2].

Наибольшей обстоятельностью отличается отчет В. Шаболина, управителя Белоярской, Тальменской, Боровлянской и Чумышской волостей за 1799 год. Он писал: «Пахотные земли большей частью между дубов и колков березовых, с коих земель снимают по 4, по 5 на ровных местах, а на возвышенных гривах и долах по 5 и 6. Которые земли по прошествии означенных лет ослабевая прорастают травами и подавляют растение посеянного хлеба, делаются весьма неприбыточными и к сеянию земледельцам трудными и неспособными, а потому оные земли пахотою совсем оставляют, называя те места по сибирскому обыкновению пустошами, и лежа в пусте не менее как через 20 лет удабриваются и бывают годными к земледелию, но не в таковом уже изобильном урожае, каковой был при первом земледелии. Где же лесистые, сухменистые, согристые и песковатые, к земледелию и плодородию совсем неспособные. Урожай в хлебе большей частью: рожь — сама 15-я, ярица — сама 9-я, пшеница — сама 5-я и 6-я, овес и ячмень — 10-й, горох — 5-й и 6-й, конопляное семя — 4-я и 5-я, о льняном же семени неизвестно потому больше, что жители, вырывая лен, постилают на землю с семенами головками для согнития во оном дудки, оставляя по своей на-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 318.
[2] Там же, л. 356.

добности в снопах, из коих выколачивая хранят до посева»[1].

Описанная здесь система земледелия была возможна лишь в местных условиях при обилии резервных земель. Развитию земледелия в верхнем Приобье способствовало также совершенствование земледельческих орудий. Происходит переход от сибирской сохи-косухи (рогулихи) к более совершенной сохе-колесухе.

Вместе с тем земледелие верхнеобских крестьян испытывало немало трудностей как природного, так и социального характера. Сказывались разница почвенных условий, значительные погодные колебания. Посевы то вымокали от обилия осадков, то выгорали при отсутствии дождей в начале лета. Крестьянин не имел возможностей правильно поставить семеноводство. Мало приспособленные к местным условиям сорта злаков вымерзали, гибли. У многих крестьян не было достаточного количества лошадей, чтобы в нужные сроки выполнить все сельскохозяйственные работы. Заводские повинности отрывали крестьян от пашен в самое горячее время. Все это приводило к тому, что сельское хозяйство развивалось медленно, часты были неурожаи. Например, в Бийском ведомстве в 1764 году, посеяв на десятину 15 пудов пшеницы, получили 35 пудов, ржи 8 пудов — получили 45, ячменя сеяли на десятину 15 пудов — получили 54. В отчете Бийской земской избы отмечалось: «Оный хлеб, когда посевом окончен, тогда были стужи немалые, а потом же сильные ветры, а после того наступили жары, от которых сход весма был неспешен, и меж тем поля окинулись травою, и оному хлебу поспешного роста не дало, а когда же оный начал в цвету быть, а прочей уже и отцветал, тогда божиим посещением пустились великие дожди с градом и ненастныя погоды, отчего оный хлеб не весма добр родился и немалое число по некоторым деревням как от оного неуроду, так и от поедания червями несколько десятин покинуто нежато»[2].

Нередко по разным причинам, а прежде всего из-за неурожая в предыдущем году или из-за падежа лошадей, крестьяне вынуждены были значительно сокращать посевные площади. Так было, в частности, в Бийской сло-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151; л. 339. Урожай рассчитывается в сравнении с количеством посеянного. Например, посеяли 100 пудов, получили 500 — сам пять.

[2] Там же, о. 1, д. 391, л. 463.

боде в 1784 году. Предыдущий год был неурожайным: «Хотя урожай соломою и весьма хорош был, точию (только) в летнее время инеями хлеб позяб, и затем в урожае примолоту было мало, а другие десятины по неимению в колосьях ядра нежатые бросили. А семена конопляные, льняные и горох вовсе вымерзли». В результате если в 1783 году было засеяно 4588 десятин, то в 1784 году 3729. Урожай в 1784 году оказался низким, плюс сокращение пашни, в итоге собрали 19269 четвертей против 22654 четвертей в 1783 году[1].

Тем не менее валовые сборы зерновых на территории верхнего Приобья росли. Крестьянское хозяйство стало обеспечивать местные потребности в провианте. В 1799 году по волостям Бийского уезда крестьянами с 35254 десятин было получено 266633 четверти зерна; по верхнеобским волостям Колыванского уезда (Малышевской, Кулундинской, Чингисской, Бурлинской и Ордынской) с 16848 десятин было получено зерновых 108221 четверть[2].

Если сопоставить сбор зерна в конце XVIII века в Бийском уезде с урожаем 1766 года по ведомствам Белоярской и Бийской слобод, то оказывается, что сбор зерновых за 33 года вырос в 4,6 раза. За это же время размеры пашни увеличились в 3 раза. Следовательно, сбор хлеба рос быстрее, чем расширялась пашня.

К концу XVIII века крестьянское хозяйство в верхнем Приобье давало значительный избыток зерна. В 1799 году, по подсчетам М. М. Громыко, из 16 волостей Бийского и Колыванского уездов (только верхнеобские волости) в 4 имелся дефицит хлеба в среднем по волости. Остальные 12 волостей давали значительный избыток хлеба. Он шел на удовлетворение потребностей неземледельческого населения Барнаула и заводских поселков, на военную линию и частично оставался в запасе у крестьян[3].

Земледелие было главным, но не единственным занятием верхнеобских крестьян. Наряду с земледелием важную роль в их хозяйстве играло животноводство, в первую очередь коневодство. Помимо заводских конных работ, крестьяне, имевшие достаточно лошадей, занима-

---

[1] ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, лл. 236—237.

[2] Там же, ф. 1, о. 2, д. 151, лл. 313—318, 330—374.

[3] Громыко М. М. Некоторые результаты земледельческого освоения Западной Сибири в XVIII в. — «История СССР», 1965, № 2, стр. 59.

лись перевозкой руд и других грузов по вольному найму. Это занятие называется как одно из постоянных в отчетах управителей. Увеличения количества лошадей потребовал также переход к сохе-колесухе, надобность в тягловой силе на сельскохозяйственных работах возросла. Обилие выпасов и покосов позволяло держать значительное количество и другого скота: коров, овец, свиней. Овцеводство было развито главным образом в предгорной части верхнего Приобья.

Заводская администрация, заинтересованная в исполнении крестьянами гужевой повинности, поощряла крестьянское животноводство и особенно коневодство. При решении вопросов о переселении крестьян обеспечение их выпасами и сенокосными угодьями непременно учитывалось наряду с наличием земли под пашню. Именно необходимость в конном крестьянстве заставляла заводскую администрацию организовывать борьбу с падежом скота, принимать меры по ликвидации эпизоотий.

Эпизоотии сибирской язвы и другие болезни скота были бичом местного скотоводства. Так, в 1784 году только в июле в 28 деревнях в бассейне Чумыша пали от язвы 521 лошадь и 29 коров[1]. В 1773 году в алейских деревнях Шипуновой, Хлопуновой, Поспелихе, Махановой и Красноярской пали 531 лошадь, 188 коров, 586 овец. У многих крестьян скота вообще не осталось. Например, у крестьянина д. Красноярской И. Вольных пало в 1773 году 15 лошадей, 2 коровы, 15 овец, у П. Ульянова из той же деревни пало 20 лошадей, 23 овцы, у И. Другова — 15 лошадей, 30 коров, 10 овец[2].

Почти единственным способом борьбы с эпизоотиями была изоляция очагов заболеваний скота карантинами, быстрейшее захоронение погибших животных. Для этой цели на места высылались специальные представители администрации с солдатами. Во многих случаях вместо помощи крестьянам власти прибегали к карательным мерам. Так, в 1774 году разбиралась просьба крестьян белоярских деревень Зиминой и Окуловой об освобождении их временно от конных заводских работ, потому что «у них лошади почти все вывалились, зачем таковых конных работ исправлять не в состоянии». Канцелярия горного начальства обвинила крестьян в отсутствии долж-

---

[1] ГААК, ф. 32, о. 1, д. 1, лл. 104—106.
[2] Там же, ф. 1, о. 1, д. 665, лл. 105—106.

ной заботы о заготовлении кормов и приказала: «... при собрании протчих крестьян наказать на страх им и другим плетьми, подтвердя при том, чтобы они впредь лошадей и прочаго скота имели в добром призрении и хранении и на корм сен ставили с довольным достатком»[1].

Крестьянское хозяйство в верхнем Приобье было разносторонним. Крестьянская семья изготовляла все необходимое для внутренних потребностей и обеспечения жителей Барнаула и заводских поселков. В 1800 году белоярский земский управитель Василий Шаболин так описывал занятия крестьян:

«Жители упражняются в свободное время по окончании земледелия и убрании в полях посеянного хлеба, также и в возложенных на них заводских работ, вольною перевозкою с рудников руд в заводы, перевозкою кладей служащих, купеческих и посторонних людей, заготавливанием против препорции излишнего сена для проезжающих, скотоводством, некоторые деланием телег, колес, саней, разной домашней посуды, как-то: кадей, ведер, чашек, корыт, ящиков, горшков; кузнечным мастерством, деланием овчин, лосиных, сыромятью и дубленых кож для домашней надобности, так и для посторонних людей, собиранием разных ягод, хмелю, копанием белой глины; и, что у кого бывает за домашним избытком, продают. В зимнее же время промыслом зверей в небольшом количестве: волков, лисиц, зайцев, белок и шатрами тетерь, а в летнее время также в небольшом количестве рыбною ловлею; женщины — тканием разных сортов холста, также и салфетошной брани на крестьянскую руку, опоясок шерстяных, выкрашивая пряденную шерсть разными домовыми красками, вязанием чулков, варег, плетением кружев, и что у кого бывает за избытком, между собою продают»[2].

Алтайская приписная деревня с самого начала приписки к заводам вынуждена была исполнять обширные повинности, не только связанные с горнозаводским производством, но и по снабжению заводского населения продукцией сельского хозяйства. Приписные крестьяне поставляли на заводы и рудники хлеб, животноводческую продукцию как для питания, так и для производственных целей, пеньку, деготь и т. д. В заводское ведом-

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 732, л. 31.
[2] Там же, о. 2, д. 151, л. 340.

ство ввозилось лишь немногое. Почти все необходимое производилось населением заводских поселков и приписными крестьянами. Заводская администрация стремилась получить как можно большую часть в счет обязательных повинностей крестьян путем феодального внеэкономического принуждения. Однако возможности эксплуатации приписной деревни не могли быть неограниченными. Росло заводское население, росли потребности заводов и рудников в сельскохозяйственной продукции. Это заставляло администрацию при обязательных поставках крестьянами провианта, организованном закупе его у них все больше считаться с существовавшими рыночными ценами, а также поощрять вольную крестьянскую торговлю с жителями заводских поселков.

Одновременно власти пытались внедрять хлебопашество в самих заводских поселках. В 1788 году Кабинет приказал при Нерчинских заводах внедрить казенное хлебопашество силами заводских работников и ссыльных и предложил «сие повеление о заведении хлебопашества распространить и на Колыванские заводы»[1]. Казенное хлебопашество должно было осуществляться в счет податей некоторым числом заводских служителей и отставных. Попытка введения этой новой повинности встретила сопротивление со стороны заводских работников. 12 сентября 1788 года Сузунская заводская контора доносила, что из живших там отставных желающих к разведению хлебопашества не оказалось. 23 октября 1788 года Алейская заводская контора сообщала, что из работников завода желающих заняться хлебопашеством не оказалось, «как они в двух сменах без роздыху обращаются»[2].

В связи с этим начальник заводов Качка поставил вопрос о разрешении и поощрении добровольных запашек заводскими служителями: «...дозволить, чтобы горные служители на тех пустопорожних местах земледельство производили и тем по крайней мере семейства могли свои пропитать»[3].

Есть сведения о некоторых результатах хлебопашества заводского населения, в частности за 1796 год по Змеиногорскому, Семеновскому, Николаевскому и Риддерскому рудникам. В Змеиногорском руднике имели в 1796

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 96, лл. 2—3.
[2] Там же, лл. 15—17.
[3] Там же, л. 4.

году пашню 49 семей, они засеяли 51 десятину и получили урожая 6848 пудов; в Риддерском руднике 31 семья имела пашню в 86 десятин и урожая 6946 пудов. В Николаевском руднике пашню имели всего 7 семей, а в Семеновском только 2. Запашки горных служителей были неодинаковыми. Большинство семей сеяло мизерное количество. В Змеиногорском руднике из 49 хозяев в 1797 году избыток хлеба урожая 1796 года оказался только у 15, а в Риддерском руднике из 31 только у 7 хозяев[1].

Пашни горных служителей никоим образом не могли заменить того, что давала приписная деревня путем принудительных поставок и вольной торговлей. Крестьянская торговля была довольно по тому времени оживленной и многопредметной. О многопредметности крестьянской торговли свидетельствует, в частности, «Книга именная» с примерным перечнем продаваемого крестьянами, которая была разослана в земские избы в 1785 году. В ней перечислялось: «...мука ржаная и пшеничная, ячневая, гороховая, крупа ячневая, гречневая, просяная, овес, ячмень, рожь, пшеница, солод, толокно, горох, семя конопляное, льняное, маковое, просо, гречиха, полба, лук, мясо говяжье соленое, свежее, мясо свиное свежее, соленое, вяленое, тушами, бараны живые, колотые, конопля трепанная и нетрепанная, лен трепанный и нетрепанный, потрохи всякие, сало свиное, говяжье, баранье — топленое и нетопленое, конопляное масло, рыба: осетры, стерлядь, нельма, сычуг, язь, окунь, карась, налим, чебак, лень; зипуны, сукно серое, коровы, лошади, прочий скот, икра разная, гуси, утки, косачи и другая птица, хмель, сено, орехи кедровые, дрова, кошевки, дровни, завертки, кибитки, дуги, оглобли, хомуты, гужи и другая упряжь, яйца, молоко, творог, перья разной птицы, нитки, холст, рубашки, и так далее писать, что только в продаже есть всяку-всячину без пропуску»[2].

Таким образом, крестьяне, поселившиеся на протяжении XVIII века на территории верхнего Приобья, сумели в условиях жестокой эксплуатации заводской администрацией, феодального гнета создать довольно развитое многоотраслевое хозяйство. Это было главным результатом крестьянской колонизации.

---

[1] ГААК, ф. 1, о. 2, д. 96, лл. 35—36.
[2] ГААК, ф. 167, о. 1, д. 2, л. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение верхнего Приобья к России и освоение его территории русскими земледельцами — сложный и длительный процесс, который осуществлялся как силами государства, так и путем вольной крестьянской колонизации. В присоединении этого района занятие и закрепление территории правительственными отрядами сочеталось с добровольным переходом алтайцев в российское подданство. Сибирскими военными частями была создана Колывано-Кузнецкая военная линия, которая обеспечивала безопасность новоприсоединенной территории и, следовательно, возможность ее хозяйственного освоения, гарантированного от нападений соседей-кочевников. Государственная администрация приняла непосредственное участие в развитии горного и металлургического производства на Алтае, в заселении края разными способами, вплоть до насильственного сбора для новой территории беглых со всей Сибири и организации ссылки сюда людей из разных мест России.

Параллельно с правительственной колонизацией происходила народная колонизация. Крестьяне по своей инициативе, на свой страх и риск нередко переселялись в еще не закрепленные за Россией районы и тем самым облегчали присоединение их к Российскому государству. Крестьянами были выявлены рудные богатства Алтая, отысканы лучшие места для развития сельского хозяйства, основано местное земледелие, новое оседлое скотоводство. Подавляющее большинство населенных пунктов на Алтае возникло в XVIII веке по инициативе крестьян, действовавших либо самовольно, либо по разрешению властей.

В истории присоединения и освоения верхнего Приобья, таким образом, наблюдается несомненное переплетение, взаимодействие правительственной и народной ко-

лонизаций, они взаимно дополняли друг друга. Вместе с тем, было бы совершенно неправильно отождествлять правительственную и народную колонизацию.

Подчеркивая в целом несомненную прогрессивность присоединения верхнего Приобья к России и благотворность этого для местного алтайского населения, нельзя забывать эксплуататорской сущности царизма, забывать то, что он вместе с защитой от угрозы истребления и порабощения со стороны Цинской империи принес алтайцам колониально-феодальный гнет помещиков, а позднее и капиталистов. Что касается русского народа, в первую очередь крестьян, то он принес местному населению свою культуру, свои трудовые навыки. И если этот контакт в XVIII веке был недостаточным, то в этом повинно не русское крестьянство, а царизм, его военные власти, заводская администрация, отгородившие русское население верхнего Приобья от коренных жителей Горного Алтая.

Едва ли есть возможность сомневаться в прогрессивности развития властями России алтайской горной промышленности, но это сопровождалось угнетением заселявшего верхнее Приобье крестьянства. Этот гнет в немалой степени удерживал крестьян от поселения на землях заводского ведомства. Пока заводское начальство имело возможность приписать любого крестьянина, поселившегося на подведомственной территории, оно поощряло приток крестьян. После прекращения приписки заселение верхнего Приобья извне стало для местных властей нежелательным и ограничивалось. Особенность владельческой принадлежности Алтайского горного округа стала тормозом для дальнейшей крестьянской колонизации.

Местное заводское начальство в целом поощрительно относилось, особенно в первой половине XVIII века, к внутренней миграции крестьянства на территории верхнего Приобья, так как основной приток населения шел к югу, ближе к заводам и рудникам. Наряду с этим есть масса фактов прямого запрещения миграции, наказания за переселения, неугодные администрации. Многие из этих запрещенных переселений были бы полезными для общего хозяйственного развития края. Именно помехи со стороны властей задержали на некоторое время освоение долины р. Кулунды с ее плодородными землями, обширного пространства на запад от р. Алея.

Русское крестьянство, заселявшее верхнее Приобье, вложило массу сил и энергии в развитие сельского хозяйства края. Царские власти и заводская администрация относились к этому поощрительно. Вместе с тем огромный вред крестьянскому хозяйству наносила эксплуатация заводским начальством, заводские работы, отрывавшие крестьян от их дела в самое горячее время. Многие крестьяне совершенно отрывались от деревни во время рекрутских наборов на заводскую службу.

Тем не менее и в условиях старой царской России крестьяне сыграли решающую роль в освоении верхнего Приобья, заложили основы экономики края, ставшего одним из главных сельскохозяйственных районов Сибири.

Крестьянское хозяйство на территории верхнего Приобья оказалось более жизнеспособным, чем существовавшее на подневольном труде горнозаводское производство. Вместе с общим кризисом феодальной системы в России наступил кризис и алтайской промышленности. Падение крепостного права привело к упадку и полной ликвидации к концу XIX века этой промышленности. Верхнее Приобье сохранило свое значение лишь как сельскохозяйственный район.

Только в условиях социализма стало возможным действительно всестороннее использование природных богатств края. Алтай — одна из важнейших хлебных житниц страны — стал одновременно и краем развитой промышленности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В XVIII ВЕКЕ

(В список включены населенные пункты, существовавшие к концу XVIII века. Они расположены по слободам в соответствии с административным делением на 1795 год. Датировка дается троякая: там, где это известно, указывается точная дата основания, если точная дата не найдена, дается время наиболее раннего из найденных косвенных свидетельств, а в третьем случае — дата самого раннего бесспорного известия о существовании населенного пункта. В последней графе указаны источники датировки).

Населенные пункты	Дата основания	Косвенное свидетельство	Достоверное известие	Источники
1	2	3	4	5
г. Барнаул		1724	1740	ГААК, ф. 1, о. 1; 2, д. 28, л 261. В первую ревизию впервые была учтена д. Усть-Барнаульская — первый населенный пункт на месте Барнаула. 1740 г. — начало строительства Барнаульского завода
Бийская крепость	1718			ЦГАДА, ф. 199, о. 2, № 481, ч. 4, д. 1, л. 155. Первая Бикатунская крепость была основана в 1709 г.
Змеиногорский рудник	1735			
Павловский завод	1763			Даты основания заводов и Змеиногорского рудника — широко известны, многократно назывались в литературе, и поэтому приводятся без ссылки на источники

1	2	3	4	5
Сузунский завод	1764			
Томский завод	1771			
Локтевский завод	1783			

Бийский уезд

Чумышская слобода

Аристова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 57
Беспалова			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д 231а
Борисова	1742			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 217
Ветохина	1797			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 10
Воронина			1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 115
Воскресенская	1787			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 214
Глушихинская		1737	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 314. ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Гоношихина			1761	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 226, л. 285
Дмитро-Титова		1722	1727	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 279. ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, лл. 7—11
Евдокимова-Титова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 168
Жилина	1798			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 224
Залесова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 145
Заплывина			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 272
Захарова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1526
Змазнева	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 96
Зырянова			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Инюшева			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 256
Казанцева	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 217
Калиновка	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1525
Камышенская	1776			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 159
Каргаполова			1763	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 237
Каркавина	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 188[1]

[1] Фактически крестьяне поселились в 1795 г. ГААК, ф. 1, о. 2, д. 40, л. 216. 1796 г. — дата указа.

1	2	3	4	5
Койнова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 210
Копылова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 173, л. 456
Косиха		1752	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 318
Кытманова (Тяхта)			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 830, л. 1—34
Лаврентьева			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 210
Ларионова-Титова			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 188, л. 1414
Лосишенский стан			1763	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 137
Максарова	1741			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 279
Маношкина			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 146
Миронова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 1—13
Мостовая	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 217
Ново-Драченина	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 559
Ново-Копылова	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 667, л. 278
Ново-Красилова			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Ново-Краюшкина			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1683
Ново-Крутинская	1786			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 211
Ново-Кытманова	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 216
Ново-Максарова	1771			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 558
Ново-Озерная		1777	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1649—1658
Ново-Повалиха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1486
Ново-Тарабинская	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 178
Озерна-Титова		1722	1727	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 279 ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, лл. 7—11
Оплеухина			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 146
Переборная			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 273
Петрушиха	1777			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 161

1	2	3	4	5
Пещерская	1793			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 218
Плотникова	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 217
Погорелка-Титова		1722	1727	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 156, л. 279. ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, л. 7—11
Порожинская	1797			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 194[1]
Протопопова	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 95
Салаирская	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 215
Семенова-Красилова		1777	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1492—7
Сорокина			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 442
Среднекрасилова		1726	1754	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 779, л. 621 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 319
Среднекраюшкина	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1233, л. 175
Старо-Драченина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 175, л. 696
Тундриха	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 219
Урапская	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 77
Усть-Каменка	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 833, л. 217
Филиппова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 122
Черкасова	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 215
Шатунова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, лл. 439—442
Шмакова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428—439

Тальменская слобода

Барсукова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 142
Беспалова			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 212
Боброва			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, л. 88
Выползова			1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 42, л. 362
Дрянная			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 213
Забродина			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 270
Зайцева			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 445[2]

[1] 1797 г. — дата указа, фактически крестьяне переселились в 1795 г. ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 215.

[2] Вначале называлась Казанцева.

1	2	3	4	5
Карагужева	1774			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 151
Кашкарагайская		1714	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 268 ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 434
Кокуйская			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 142
Куликова (Нетужилова)			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Кунгурова		1755	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 313
Луговая		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 29
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 124
Наумова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 438
Ново-Еловка	1763			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1593
Ново-Инская	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 151
Ново-Перунова	1756			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 368
Озерки	1757		1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 159.
				ГААК, ф. 169, о. 1, д. 181, л. 250
Речкунова			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 421
Старо-Обвинцова			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 312
Старо-Перуновa		1744	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 126
Тальменская			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 429
Таскаева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 124
Усова		1714	1719	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 268
				ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 269[1]
Усть-Чумышская			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 267
Шицицина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 190
Шишкина			1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 268
				ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 426
Язова		1725	1735	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 44.
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 24, л. 139
Яркова на р. Еловке	1794			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 218
Барнаульская слобода				
Безголосова		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 28.
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152

[1] В то время д. Усова называлась Чумышской.

1	2	3	4	5
Беспалова	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 312
Белова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 201
Большая Речка	1732			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 361
Буранова			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Буткина			1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 13
Вяткина		1738	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 46
Елбанский мыс	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 625
Зимина			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Калистратиха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 235
Калманская			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 458
Калпакова			1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 18, л. 60
Каменный Исток	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 621
Камышенка		1736	1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 311. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 123
Кашина			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 456
Клепикова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, л. 86
Красноярская на Алее	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 365
Красноярская на Чарыше			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 24, л. 389
Легостаева		1748	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, л. 442 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 148
Мезенцева			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1517.
Нижнеозерная	1775			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 304
Нижнесоколова		1740	1750	ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 5, л. 175[1] ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, л. 374
Новая на Оби		1747	1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 14
Огнева	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, л. 191
Осколкова	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, л. 191
Панюшева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 13
Савинский станец			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 456

[1] С 1740 г. сюда получили разрешение поселиться И. Пономарев и П. Соколов. В 1744 и 1745 гг. деревня называется Коншиной. Позднее — Нижнесоколовой.

1	2	3	4	5
Солдатова		1743	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, л. 440. ГААК, ф. 50, о. 12, д. 255б
Усть-Алейская			1745	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 255б
Усть-Журавлиха			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 220, л. 602
Усть-Калманская			1745	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 255б
Усть-Чарышская		1724	1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 30, л. 199 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28
Усть-Чарышская пристань	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 315
Урюпина		1731	1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 12; д. 28. Под названием Урюпина встречается с 1747 г., до этого Алейская
Фунтикова заимка	1798			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 1218, л. 59
Хабазина	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 740, л. 20
Чеканиха	1791			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 811, л. 23
Чесноковка	1774			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 300
Чистюнька			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Шелегина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 204
Шилова	1774			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 561
Шипунова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 19, л. 86

Боровлянская слобода

Анисимова		1734	1748	И. Г. Гмелин, стр. 265. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428
Барсукова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 36
Безбожная			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 269
Безменова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428
Боркова (Пустоплясова)	1789			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 153
Боровская	1791			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 152
Бочкарева	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 144
Буранова	1794			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 219

1	2	3	4	5
Ганюшкино зимовье			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 133
Гусельникова		1728	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 19
Дранишникова		1717	1719	ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 7, л. 39. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 270
Думчева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 61, л. 7
Елбанская	1786			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 149
Елунина (Улыбердь)			1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 258
Загайнова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 456
Инюшева			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 271
Калтайская			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, д. 231а
Камышенка			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 123
Коренева		1744	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 42. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 123
Кошелева			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Крайчикова		1746	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 30. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 31
Красилова			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 271
Краскова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45 л. 130
Лисвенка	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 85
Лушникова			1761	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 226, л. 287
Мамонова			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 364
Маслянская			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 442
Никонова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428
Ново-Крайчикова			1770	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, лл. 1519—1524
Ново-Пяткова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 129
Ново-Шмакова	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 291
Ногина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 173
Огнева заимка	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 147
Окулова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 175
Пайвина			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462
Пенкова	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 17
Пурысева	1767			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 856, л. 558
Суенгинская	1787			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 818, л. 145

1	2	3	4	5
Талицкая (Кадникова)	1776			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 558
Татарка	1798			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1270, л. 82
Черемушкина		1745	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 315
Шадринцова		1741	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 28. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 123
Шмакова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428

Касмалинская слобода

Белова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 629
Болвашкина	1775			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1624
Боровая	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 139
Бутырская	1780			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 146
Верхняя Пайва	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 1216, л. 84
Волчиха	1784	1782		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 837, л. 278. ГААК, ф. 169, о. 1, д. 401, л. 380[1]
Ворониха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1576
Вылкова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 602
Жаркова	1770			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 779, л. 538
Завьялова	1782			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 331
Казанцева	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 138
Козьмина	1773			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 504
Коробейникова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 45
Куликова	1752			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, лл. 19—29
Нижняя Пайва	1798			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 178, л. 26—34[2]
Островная на Касмале	1776			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 822, л. 617
Островная			1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, лл. 181—253

[1] К 1782 г. относится прошение о переселении.

[2] Переселившиеся в 1798 г. крестьяне подали прошение о переселении только в 1802 г.

1	2	3	4	5
Панова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 190
Парфёновский станец			1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 95, л. 5
Пещаная	1763			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 134—138. Возникла в результате перенесения в 1763 г. д. Урывной, существовавшей на месте нынешнего Павловска.
Подстепная	1784			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 837, л. 254
Ребриха	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 11, л. 113
Рожнев Лог	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1662
Серебренникова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 135
Суслова	1770			ГААК, ф. 160, о. 1, д. 227, л. 142
Усть-Мосиха			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 852, лл. 90—100
Харитонова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 110
Шарчина	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 93
Шелаболихинская заимка (Кадникова)	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 186
Шипунова	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 162
Чарышская слобода				
Бестужева		1753	1755	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 252 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 102, л. 210
Быкова на Аллее	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 7
Верх-Камышенская	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, л. 227
Воробьева			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 66, л. 25
Ельцовская	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Кабакова			1763	ГААК, ф. 1, доп. 1, о. 1, д. 8, л. 266
Кабанова защита			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 385
Карпова			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 381. Сначала называлась Первочарышской

1	2	3	4	5
Качусова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 66, л. 31
Кособокова			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 192
Кособоко-Белоглазова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 516. Ныне с. Белоглазово
Метелева			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, доп. д. 8, л. 258
Нечунаева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 13
Новая Шипунова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, л. 223
Озерная		1742	1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 127, л. 73
Пономарева	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 595
Порозиха			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 345
Пустынская	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 422
Самсонова			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 382
Тугозвонова			1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 500
Уржумова	1787			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, л. 223
Усть-Ермилиха			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 307
Усть-Камышенская	1778			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 583, л. 102
Усть-Козлушинская	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 440
Усть-Порозиха			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 382
Усть-Тулатинская	1795			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 42, л. 310
Усть-Чагырская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 777, л. 155
Харлова		1743	1747	ГААК, ф. 1, о. 1, доп., д. 8, л. 75
Хлопунова	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Чупина		1747	1748	ГААК, ф. 1, о. д. 105, л. 8, и л. 12
Шипунова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 7
Бийская слобода				
Белова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 4
Бехтемирская		1727	1730	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 1. ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 19, л. 102
Большая Угренева		1724	1742	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 523, л. 319. ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 6, л. 68

1	2	3	4	5
Буланиха	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 206
Быстрый Исток			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 256
Верхнеозерная	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 271
Верхнесоколова		1730	1745	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 482[1]. ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 25, лл. 57—58
Загайнова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 40
Замятина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 251
Иконникова	1764	1726	1745	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 55. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 114, л. 194. ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 483. Старая д. Иконникова исчезла в 1751 г. и вновь заселена на том же месте в 1764 г.
Комарова			1727	ЦГАДА, ф. 517, о. 1, д. 7, л. 116
Луговая	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 189
Малая Угренева			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 4
Паутова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 65
Пещаная (Песчаная)	1738	1735	1742	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 3, л. 482. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 176, л. 58[2]. ГААК, ф. 1; о. 1, д. 143, л. 26
Плешкова	1777			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 212
Савинова			1744	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 193
Солоновская		1796		ГААК, ф. 1, о. 2, д. 523, л. 259
Старая Чемровка			1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 193
Тырышкина			1744	ГААК, ф. 1; о. 1, д. 110, лл. 111—112
Усть-Ануйская		1743	1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 86, л. 274. ГААК, ф. 50, о. 18, д. 6322
Усть-Степной Исток	1784			ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 508

[1] 1730 г. — прошение о поселении И. Соколова. Вероятная дата основания.

[2] Косвенная дата 1735 г., очевидно, неточна, поскольку два документа указывают датой основания 1738 г.

1	2	3	4	5
Усяцкая		1744	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 26. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 361
Фоминская		1720	1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 360. ЦГАДА, ф. 1402, о. 1, д. 1, л. 9[1]
Хайрюзовка	1788			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 825, л. 158
Шубенская		1750	1758	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 174
Уксунайская слобода				
Большая Речка	1775			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 159
Буранова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 828, л. 110
Верх-Бехтемирская	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 94
Верхнетогульская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 127
Гордеева заимка		1773	1778	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 614, л. 555
Горновой камень			1785	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 79
Дупленская (Брагина)			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 141
Еландинская			1785	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 176, л. 79
Каменская	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 150
Колонкова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 163
Красноярская	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 828, л. 125
Локтевская			1759	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 3, л. 483
Мартынова		1759	1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 535, л. 177. ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 149
Наиштаихинская (Аныштаиха)			1792	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 68
Ново-Дупленская			1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 198
Поповичева			1792	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 68
Семенова-Титова		1766	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1509—16
Среднетогульская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 127
Старо-Тогульская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 175

[1] 1720 г. — время поселения Фоминских в ведомстве Бийской крепости.

1	2	3	4	5
Степной Чумыш			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 24
Тарабинская		1733	1760	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 336, л. 2. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 297, л. 11
Укоунайская	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 362
Черемшанская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 128
Яминская	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 231, л. 186
Белоярская слобода				
Агафонова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 882, л. 68
Бажева		1737	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 116
Баюнова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 138
Белоярская слобода	1717			ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 8, л. 43—45
Бобровская		1713	1745	ГААК, ф. 1, о. 1 д. 620, л. 226. ГААК, ф. 50, о. 12, д. 255б
Глушихинский переезд			1745	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Голубцова			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 537, л. 74
Еремина			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Жилина			1752	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 42, л. 362
Зудилова		1723	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 370, л. 136. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 36а, л. 116
Кармацкая		1696	1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 679, л. 248[1]. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 373
Кислуха		1703	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 620, л. 291. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 66, л. 8
Клюева			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Ключевая			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Контайшина		1754	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 319
Копылова	1720			ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 431
Малахова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 202
Мыльникова			1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, л. 375
Ново-Бешенцева	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1677

[1] Заявление крестьян в 1776 г., что они живут в Кармацкой 80 лет, то есть с 1696 г., сомнительно. И. Кармацкий, по имени которого могла быть названа деревня, пришел в Приобье только в 1715 году.

1	2	3	4	5
Ново-Копылова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Овчинникова			1756	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 319
Петровка			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Пещанская			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Повалиха			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 267
Полковникова			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Пустынская			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 252
Романова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1298
Санникова	1721			ГААК, ф. 1, о. 1, д, 176, л. 150
Сорочий лог			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 68
Токарева			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 161
Фирсова		1727	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 126. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 313
Чесноковка		1736	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 37. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 458
Шляпова (Никонова)			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 138
Шадринская слобода				
Бельмесева			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 416
Боровикова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, л. 50
Быкова		1743	1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 311. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 12, л. 462
Власихина заимка	1799			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 492, л. 77
Гоньбина		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 736, л. 237. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 108
Грамотина		1748	1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 667, л. 50 и л. 287. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 141
Давыдов лог		1776		ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 560
Елунина-Подгорна			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 198
Ересная		1722	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 200
Зимина			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 207
Касмалинская		1732	1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 23. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 388
Клочкова			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 305
Колыванская (Барнаульская)			1734	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 387

1	2	3	4	5
Лебяжья заимка	1796			ГААК, ф. 1, о. 2, д. 492, л. 79
Ново-Обвинцова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 133
Ново-Панфилова			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 479, л. 264
Пещанская		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 51. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, л. 50
Рагозиха			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 141
Рассказиха		1755	1759	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 678. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 200
Телеутская			1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 15, л. 269
Хорькова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428
Черемно-Подгорна			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 199
Чернопятова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 21, л. 50
Шадрина			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 6, л. 2
Шаховский станец	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 188, л. 1659
Шелаболихинская		1736	1747	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 90, л. 1

Ново-Енисейская слобода

Деревни, названные в других слободах, не повторяются

Ануйская крепость	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, л. 329
Воеводская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 66
Ельцовская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 105
Карабинская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 99
Лошкина			1782	ГААК, ф. 169. о. 1, д. 822, л. 105
Марушкина			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
Ненинская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 89
Ново-Енисейское			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
Ново-Чемровская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 185, л. 57
Петропавловское			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 53

1	2	3	4	5
Сверчкова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 66
Смоленское			1759	ГААК, ф. 167, о. 1, д. 1, лл. 186—200
Сухая Чемровка			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516
Терская защита			1770	П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, ст. 300

Нижнекумандинская волость

Населенные пункты, названные по другим ведомствам, не повторяются

Ажинская			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Ворониха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Караканский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 53
Лебяжий маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Новиковский маяк			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 1[1]
Нижнененинский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Солтонская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Сайдыпский маяк			1795	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 822, л. 70
Сайлапский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517

Колыванский уезд

Малышевская слобода

Аллацкая			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 230
Белопухова	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 170
Бобровская	1782			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 628
Верх-Сузунская			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 235
Городищенская			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462
Зорина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 74

[1] На этом месте до маяка существовала д. Новикова, обозначенная на карте 1745 г. Около 1752 г. крестьяне выселились.

1	2	3	4	5
Инская			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 353
Каргаполова			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 344
Кротова			1753	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 310
Малышевская слобода			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 232
Малышева			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 74, л. 462
Мерецкая			1721	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1626, л. 352
Нижнесузунская			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 234
Нижнесузунский завод	1770 1764	1770		ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 455[1]
Поротникова			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 231
Столбова		1745	1757	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 269
Тараданова		1744	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 181. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462—476
Черепенина	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 114

Кулундинская слобода

Андронова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л 305[2]
Батурова	1777			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 323
Баева			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 487
Белкова			1750	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 97, л. 377
Верхнечуманская	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 479
Вылкова		1758	1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 100—106. ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 602
Гонохова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 195
Идолова		1737	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 103. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 305
Камень		1748	1751	1748 г. выявляется сверкой списков ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 135

[1] Завод основан в 1764 г., а 1770 — дата поселения при нем приписных крестьян.

[2] Название Андронова найдено в документах только с 1755 г. Раньше встречается под названием д. Кулундинская.

1	2	3	4	5
Киприна			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 313[1]
Ключевая	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 220
Корнилова			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 507
Кучуцкая		1734	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 19. ГААК, ф. 1, о 1, д. 28, л. 313
Макарова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 227, л. 1019
Мезенцева	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 581
Молокова			1753	ГААК, ф. 1, о. д. 134, л. 311
Нижнечуманская	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 475
Ново-Тюменцева	1787			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 776, л. 436
Овечкина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 475
Омутская	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 282
Паклина	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 582
Плотникова	1775			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 582
Прослаушинская	1757			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 211, л. 103
Селезнева (Коростелева)			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Соплякова		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 31 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462—476
Телеутская	1776			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 527
Трезвонова	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 536
Трубачева	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 610
Тюменцева			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 573
Черемшанская			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 134, л. 309

[1] Сначала называлась Шишкиной и Кишкинской по оз. Кишкинскому.

1	2	3	4	5
		Чингисская слобода		
Артамонова		1743	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 59, л. 142. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428—439
Бедрина		1765	1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 463
Биткова			1775	ГААК, ф. 1, о.1, д. 638, л. 198
Болтовская	1784			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 781, л. 314
Верхнекаракан-ская			1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 257
Дресвянская			1746	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 32
Ересная			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Ершова	1785			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 781, л. 320
Заковряшина		1726	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 55, л. 5
Карасева	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 418
Ключевая			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 135
Костылева		1745	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 143, л. 31 ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 462
Лушникова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 467
Малетина		1708	1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 48. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 312
Маюрова			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 128
Мышланова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 435—439
Милованова			1724	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 28, л. 294; ЦГАДА, ф. 199, о. 2, № 481, ч. IV, д. 1, л. 160
Нижнекамен-ская		1705	1717	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 59, л. 144. ЦГАДА, ф. 1134, о. 1, д. 7, л. 39
Соколова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 428—439
Татчихина			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 551
Урюпина			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Чингисская			1719	ЦГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 228
Шагаева			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 59

1	2	3	4	5
Шандурова			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Шарчина			1751	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 45, л. 129
Шипунова			1748	ГААК, ф. 1, д. 73, л. 449
Шурыгина	1775			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 428
Черепанова	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 232, л. 156
Ордынская слобода				
Алексеевская	1784			ГААК, ф. 169, д. 838, л. 387
Антонова			1774	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 342
Вагайцева			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 649
Верх-Ирменская			1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 197
Верх-Чиковская			1782	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 254
Верх-Алеусская	1772			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 362
Еремина (Малая Ирменская)			1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 492
Елбанская			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Ирменское			1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 486
Красноярская			1721	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 494[1]
Козинская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 680
Кырзинская		1724	1739	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 30, л. 199. ГААК, ф. 1, о. 1, д. 209, л. 52
Луговая			1750	ГААК, ф.50, о. 12, св. 53, д. 231а
Ново-Поваренская			1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443
Ново-Федосова			1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443—444

[1] В то время называлась д. Ярская.

1	2	3	4	5
Ордынская			1721	Мессершмидт Г. Д., ч. 1, стр. 78 и ГААК, ф. 1, о. 1, д. 308, л. 499
Половинная			1795	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 58, л. 443
Понькина			1750	ГААК, ф. 50, о. 12, св. 53, д. 231а
Плотникова			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 692
Поперешная			1775	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 638, л. 197
Пичюгова			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 365
Пушкарева			1774	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 346
Рогалева	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 318
Спирина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 332
Среднеалеусская	1772			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 354
Тихонова			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 66
Усть-Алеусская			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 355
Усть-Луковская	1772			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 689, л. 69
Федосеиха			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 179, л. 693
Филиппова			1782	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 151, л. 247
Шерабская			1745	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 351
Шляпова (Филюшкина)			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 273, л. 63
Шагалова			1763	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 404, л. 138—157
Бурлинская слобода				
Береговая	1779			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 108
Верх-Суетинская	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 1
Волчно-Бурлинская			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203
Высокая Грива	1765			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 73
Вилежанская	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 122

1	2	3	4	5
Горнасталева	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 150
Жуланская			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 304
Закавряшина	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 174
Зыкова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 116
Индер	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 68
Карасукская	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 127
Кобылина	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 27
Конева	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 80
Крутишенская		1744	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 46
				ГААК, ф. 1, о. 1, д. 73, л. 459
Кундранская			1781	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 141
Кочки	1780			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 60
Лешаковы озера	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 69
Масляшинская			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203
Ново-Бурлинлинская	1772			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 34
Нижнекарасутская	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 135
Нижнечеремошная			1792	ГААК, ф. 1, о. 2, д. 8, л. 124
Панкрушиха			1759	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 107, л. 203
Подойникова	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 84
Полонская	1778			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 147
Прыганская	1769			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 37
Решетова	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 141
Суетинская		1743	1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 40, л. 12
при р. Сумах			1788	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 538, л. 143

1	2	3	4	5
Таскаева	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 162
Чулымская	1773			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 182, л. 156
Хабарова			1771	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 559, л. 173
Ярковская	1780			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 37[1]
Семипалатинский уезд				
Колыванская слобода				
Алейская (Половинкина)	1764			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 63
Бобкова (Склюиха)	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Гилева	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 166
Каменская	1770			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 131
Каплино зимовье	1771			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192 л. 138
Карболихинская	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 32
Колыванский завод	1727			ЦГАДА, ф. 248, о. 1, д. 725, л. 382
Колыванская (Саввушка)		1747	1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105. После 1763 г. перенесена на место з.Саввы Фарафонова
Красноярская на Алее	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 173
Краснощекова			1748	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 152, л. 10
Коростелева	1784			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 847, л. 198
Курьинская	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Маханова			1763	ГААК, ф. 1, о. доп. к 1, д. 8, л. 174
Ново-Алейская			1749	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, лл. 168—175
Поспелиха	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 142
Ручьева			1764	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 129

[1] 1780 г. — разрешение на переселение.

1	2	3	4	5
Трусова	1781			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 470
Усть-Белая (Медведева)			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 350
Усть-Склюиха	1777			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 192, л. 45
Усть-Янцева	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 105
Фирсова	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 29, л. 241
Чинитинская (Ларионова)			1782	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 97, л. 346
Усть-Каменогорская слобода				
Бобровская	1763			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 831, л. 123. По другим данным в 1765 г.
Глубокая			1763	ГААК, ф. 169, о.1, д. 819, л. 26—55
Красноярская на Иртыше	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 831, л. 169
Прапорщикова	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 130
Ульбинская	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 600
Усть-Каменогорская крепость	1720			Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, СПб, 1885, стр. 205—209
Убинская слобода				
Вавилонская	1783			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 813, л. 104
Выдринская			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 238
Екатерининская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 326. Возникла у Екатеринского форпоста, существовавшего до 1766 г.
Кабанова			1779	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 635
Красноярская на Убе	1749			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, л. 329. В 1749 г. началось строительство форпоста, деревня около него заселена в 60-х годах XVIII в.

1	2	3	4	5
Ново-Алейская	1765			Исторические известия об Омской области... Рукопись в ТГУ, л. 59. Сооружение форпоста
Плоская			1767	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 348
Старо-Алейская	1766		1749	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 439. 1766 г. — заселение деревни. 1749 г. — был здесь Алейский станец.
Стеклянская	1786			ГААК, ф. 1, о. доп. к 1, № 45, л. 148
Убинская	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 17, л. 130—134
Шеманаевская	1749 1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 310. Создана в 1766 г. около Шеманаевского форпоста, сооружение которого было начато еще в 1749 г.
Крутоберезовская слобода				
Большеречен-ская			1765	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 387. Возможно, это дата основания
Верх-Убинская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 478
Зевакина			1763	ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 145
Крутоберезовская	1761			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 116
Малая Убинская	1794			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 824, л. 141
Секисовская	1766			ГААК, ф. 169, о. 1, д. 819, л. 505
Пункты Колывано-Кузнецкой военной линии, не входившие в 1795 году в состав показанных выше слобод				
Тигирецкий форпост	1765			Исторические известия об Омской области, стр. 59
Яровой маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516. Место выбрано еще в 1762 г.

1	2	3	4	5
Тулатинская защита			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 516. Место выбрано в 1761 г.
Чарышский форпост	1765			Исторические известия об Омской области, стр. 59
Сосновский маяк			1770	П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, стр. 300
Маралихинская защита			1770	П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, стр. 300. Ныне с. Маральи рожки
Форпост Казанской богоматери	1754			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 176, лл. 3—6. На месте нынешнего с. Маралиха
Слюдянский маяк			1770	П. С. Паллас, ч. 2, кн. 2, стр. 300
Антоньевский форпост			1770	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 539, л. 9
Николаевский маяк			1757	Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 181. Ныне с. Николаевка
Катунская крепость	1748			ГААК, ф. 1, о. 1, д. 94, л. 329. Ныне с. Катунское
Урунский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Верх-Ненинский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Пуштулимский полумаяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517. Ныне с. Пуштулим
Сары-Чумышский маяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517
Кандалапский полумаяк			1777	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 866, л. 517. Ныне п. Кандалеп Кемеровской области
Кузедеевский форпост			1760	ГААК, ф. 1, о. 1, д. 74, л. 426. Ныне с. Кузедеево Кемеровской области

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Присоединение верхнего Приобья к России . . 5
Глава II. Первые русские крестьяне на Алтае . . . 26
Глава III. От первой ревизии до 1747 года 38
Глава IV. Поселение пришлых и добровольных переселенцев 54
Глава V. Внешний приток крестьянства на Алтай во второй половине XVIII века 65
Глава VI. Внутренняя миграция крестьянства на Алтае . 80
Глава VII. Заселение Колывано-Кузнецкой военной линии 91
Глава VIII. Итоги заселения Алтая крестьянами в XVIII веке 103

Заключение 114

Приложение. Хронология возникновения населенных пунктов на территории верхнего Приобья в XVIII веке . . 117

Булыгин Юрий Сергеевич

ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НА АЛТАЕ

Редактор Т. Гончарова
Художник Н. Бикбаев
Художественный редактор Б. Лупачев
Технический редактор М. Сафонова
Корректоры А. Дмитриев, Н. Тырышкина

АГ 00026. Сдано в набор 15. I. 1974 г. Подписано к печати 22. II. 1974 г. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,09. Тираж 7000 экз. Заказ № 197. Цена 36 коп. Алтайское книжное издательство Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. П. о. «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Л. Толстого, 29.

030

35 кп.